

М. Е. М А С С О Н

**СТОЛИЧНЫЕ
ГОРОДА
В ОБЛАСТИ
НИЗОВЬЕВ
КАШКАДАРЬИ
С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН**

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ЛЕНИНА

М. Е. МАССОН

СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА
В ОБЛАСТИ НИЗОВЬЕВ
КАШКАДАРЬИ С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН

(Из работ Кешской
археолого-топографической
экспедиции ТашГУ (1965—1966 гг.))

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ 1973

УДК 711.524

Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ — 1965—1966 гг.)

Настоящий научно-популярный труд ставит целью ознакомление с **прошлым** столичных городов области низовьев Кашкадарьи в свете последних научных данных Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного ордена Трудового Красного Знамени университета им. В. И. Ленина.

Книга рассчитана на археологов, краеведов, членов общества охраны памятников, преподавателей истории, студентов, учащихся старших классов средних школ.

1-6-2

© Издательство «ФАН» УзССР, 1973 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа, вводящая в научный обиход большое число новых фактов, определений, широких обобщений, является небольшой частью результатов, полученных Кешской археолого-топографической экспедицией (КАТЭ) Ташкентского государственного университета в 1963—1966 гг. В ней принимали участие, кроме заведующего кафедрой археологии Средней Азии, ее доцент С. Б. Лунина, преподаватель З. И. Усманова, старший лаборант Н. И. Крашенинникова, аспиранты Г. Я. Дресвянская, Б. Д. Кочнев и студенты-археологи. Районом Каршей экспедиция занималась в весенние сезоны 1965 и 1966 гг. в широком плане.

Предложенное обобщение прошлого четырех разновременных былых столичных городов области низовьев Кашкадарьи за два с лишним последних тысячелетия, а в ряде случаев новое истолкование описываемых городищ базируются не только на собственных археологических наблюдениях КАТЭ, но также на изучении древних исторических первоисточников, средневековых и более поздних сочинений на восточных языках и на учете за последние два столетия данных европейской, старой русской и современной советской литературы. В силу исторически сложившейся ситуации, особенно вхождения Каршинского бекства в состав Бухарского ханства до 1920 г. включительно, историко-археологическое изучение самих городищ упомянутых столиц за дореволюционный период было весьма недостаточным. За советское время в части археологического исследования долины Кашкадарьи в целом преимущественно памятников классового общества поры до арабского завоевания, особенно большое количество разнообразных работ осуществил С. К. Кабанов, который, однако, почти не занимался Каршами. Лучшая работа по изучению сравнительно недавнего прошлого этого города в этнографическом плане принадлежит О. А. Сухаревой, собиравшей попутно на месте материал по этой теме в 1948 г. во время экспедиции по изучению местного народного декоративного искусства и при поездке туда же в 1956 г.

Для понимания прежнего уровня знаний по истории Каршей показательны, что академик В. В. Бартольд на протяжении долгого

времени ошибочно отождествлял этот город с Несефом, а затем изменил эту точку зрения под влиянием выводов, к которым пришел Л. А. Зимин, и после своих исследований в 1916 г. основывавшихся на собственных неверных датировках городища Кала-и Захок-и Марон. В частности, в рецензии на книгу Ек. Machatschek, *Landeskunde von Russische Turkestan*, Stuttgart, 1921 г., В. В. Бартольд писал: «Известно, что не только город Нахшеб (у арабов Несеф) географов X в., но и г. Қарши эпохи тимуридов находились в других местах; нынешний город построен сравнительно недавно». В своей вышедшей в 1927 г. монографии «История культурной жизни Туркестана» он прямо указывал, что городу XIV в. соответствуют развалины Кала-и Захок-и Марон.

НАУТАКА — ГЛАВНЫЙ ГОРОД ОДНОИМЕННОЙ ОБЛАСТИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В НИЗОВЬЯХ КАШКАДАРЬИ

(В конце 328 г. до н. э.) Кен, Кратер, Фратафери и Стазанор со своими отрядами примкнули в Наутаке к Александру. Так как зима была еще в полной силе, то он приказал своему войску отдыхать в окрестностях Наутаки.

Арриан, Анабасис Александра.

В обширных пределах городских границ современного Карши, как и во всем Каршинском районе, бросается в глаза огромное количество больших и малых бугров. В равнинных просторах оазиса они определяют своими четко вырисовывающимися на фоне неба силуэтами самый ландшафт. Лишь некоторые из них, далеко не самые крупные, принадлежат к числу старинных могильных курганов. Подавляющее же количество представляет собой или руины былых крепостей или развалины некогда высившихся на искусственных земляных платформах древних укрепленных усадеб былых зажиточных землевладельцев.

Ясно отдавая себе отчет, какой огромный подневольный людской труд был затрачен в старые времена на возведение этих давно ставших ненужными заброшенных руин, местное население с присущим ему поэтическим осмыслением связало их появление в одной из своих легенд с коварством злого духа — шайтана. Подметив, как вторжения врагов не только огнем и мечом, но и искусственным затоплением водой постоянно наносят страшный ущерб здешним жителям, он будто бы из ненависти к людям, чтобы еще больше отягчить их участь излишней работой, внушил знатным богачам мысль о создании высоких тепе и о сооружении на них замков-кешков с мощными стенами, дабы они могли искать там убежище от набегов неприятелей и от наводнений. Усилились после этого гнёт, стоны и проклятия простых людей, но не принес дьявольский совет пользы мирным земледельцам. Многие вынуждены были покинуть насиженные места. Давно погибли угнетавшие народ надменные владельцы кешков. Никто не помнит их имен. А от сооруженных по наущению шайтана замков уже на памяти дедов оставались одни бесформенные оплывшие развалины.

Теперь сотни этих мертвых тепе, как наглядные памятники минувшего, красноречиво свидетельствуют о том, что базис трех современных районов — Касанского, Каршинского и Бешкентского, — имеющий площадь около 2000 квадратных километров, явля-

ется территорией очень древней земледельческой, а позднее и городской культуры. Определявшиеся в средние века термином «маргзар» (буквально «изобилующие маргом» — одной из лучших кормовых трав) прекрасные пастбища окружавших его степных и полупустынных пространств манили сюда скотоводов, в том числе кочевников, соседство с которыми не раз губительно сказывалось на мирном развитии жизни оазиса, как это запечатлено письменными источниками, например, для XIII в. после монгольского нашествия. Кроме того, низовья Кашкадарьи даже последние пятьсот лет славились как исключительное охотничье эльдорадо. В историко-культурном же отношении это была одна из коренных южных областей Согда, граничившая с землями древнего Тохаристана, занимавшего левобережье и правобережье Амударьи в ее среднем течении, включая районы Термеза и Келифа.

Кешская область с первоначальным центром на месте Китаба (а позднее Шахрисабза), лежавшим по верхнему течению Кашкадарьи, с трех сторон была естественно защищена высокими отрогами Гисарского хребта — с востока горами Хозрет-султана, с юга — достаточно труднопроходимыми Байсунскими, отделяющими ее от Сурхандарьинской и Ширабадской долин. Низовья Кашкадарьи в этом отношении находились в менее благоприятных условиях, будучи открыты почти со всех сторон. На ведущих сюда с севера, запада и юга главных путях не было ни тяжелых подъемов на перевалах, ни узких горных проходов через ущелья типа «Бузгалахана», с древности именовавшегося «Железными воротами». Большинство тянувшихся в этих направлениях больших дорог, в том числе в сторону Келифа и Керков, пролегало хотя и по маловодным, но ровным, легко проходимым местностям. Вот почему те относительно немногие внешние вторжения в Согд, которые на протяжении истории были осуществлены в разное время с юга, со стороны так называемого Афганского Туркестана, обычно происходили через низовья Кашкадарьи.

Таковым было, в частности, проникновение в IV в. до н. э. в принадлежавшую до того Ахеменидскому государству Среднюю Азию армии Александра Македонского. С его походами связано, между прочим, самое раннее письменное упоминание согдийской страны Наутака (*Ναυτάξαδ, τῆς Σογδιανῆξχωρᾶ* или *regio Nautaca*), получившей это название по имени своего главного города.

Существует мнение, что европейские античные авторы искажали в приводимой ими транскрипции географические термины восточной топонимики с целью сделать их более привычными по звучанию для своего произношения и более удобными при передаче знаками греческого алфавита. Это усматривалось, например, в наименовании Самарканда, которое историки походов Александра Македонского передавали как «Мараканда», якобы с приданием его названию окончания родительного падежа множественного числа. Высказывалось предположение, что во второй части термина Наутака в свое время, может быть, даже переписчиками, была допущена

перестановка согласных, причем вторую половину слова сближали с бактрийским «kata» в значении «дом», хранилище трупов; что, опуская случайное конечное «а», его следует произносить как Невкет, Наукет, Навкат или Наукат (равнозначное — «Дех-и-нау», т. е. «Новое селение») и что, наконец, надо думать, он сохранялся в названии средневекового города Наукад Курейш в бассейне Кашкадарьи.

Как теперь установлено в раннесогдийских документах название Смараканда передается знаками согдийского алфавита как «Самарканда», и, таким образом, конечная «а» отнюдь не является приставкой, произвольно надуманной две с лишним тысячи лет назад греческим автором. Что касается термина «Наукад», то как географический он широко распространен по всей Средней Азии. В частности, в бассейне Кашкадарьи и в средние века было и до настоящего времени имеется несколько пунктов с таким наименованием. Нет, однако, особой надобности допускать перестановку букв «к» и «т» с последующим переходом последней в «д». Показательно, что близлежащая горная область, где войскам Александра Македонского пришлось осадить укрепленную «скалу Хориена», называлась Паратака и, следовательно, имела то же окончание, что и Наутака.

Наутака упоминается античными авторами, описывавшими продвижение армии Александра по Средней Азии, несколько раз, правда, без приведения каких-либо подробностей. Впервые о ней говорится при изложении событий конца 330 г. до н. э. В это время персидский военачальник Бесс, присвоивший себе царский титул после убийства последнего ахеменидского государя Дария III Кодомана и находившийся до того в Бактрии, как только прослышал о приближении к ее границам Александра Македонского, поспешно покинул эту страну. Он со своим войском переплыл Амударью на судах, после чего сжег их, чтобы ими не мог воспользоваться для переправы неприятель, а сам отступил в город Наутаку.

Весной следующего, 329 г. армия Александра, едва ли превышавшая 30 000 человек, совершив тяжелый переход через Бактрийскую пустыню, вышла к побережью Амударьи, по-видимому, в районе Келифа. Не найдя никаких судов, она в течение пяти дней совершила переправу через реку по своеобразному, понтонного типа, мосту, настил которого покоился на поплавах из набитых соломой палаточных кож. Когда все войско оказалось на правом берегу Амударьи, Александр тронулся по дороге в Наутаку против Бесса. Это решительное продвижение на север вызвало брожение среди сторонников последнего. Вождь саков, Спитамен, предложил выдать Бесса македонскому царю, на что выразили согласие согдийские вельможи Датаферн, Катан и Оксиарт. Заговорщики направили Александру извещение о своем решении с предложением выслать небольшой отряд для передачи ему Бесса. По получении этого уведомления был сформирован и двинут вперед авангард из 6000 человек под командой приближенного телохранителя государя

Птоломея Лагида. В его состав входили три илы этеров из числа эскадронов македонской знати, все конные аконтисты-дротометатели, а из пехоты тысяча полупегких щитоносцев гипаспистов — телохранителей, все агриане, половина стрелков и полк легких пехотинцев Филоты. Главные же силы, включая тяжеловооруженные македонские фаланги, после небольшого отдыха стали медленно идти малыми дневными переходами вслед за своим авангардом. Последний шел столь ускоренным маршем, что расстояние, равное десяти дням обычного пути, покрыл за четыре дня, в течение которых, даже считая по прямому направлению от Келифской переправы, преодолел пространство около 200 км. Достигнув того места, где еще накануне стоял лагерем Спитамен со своими людьми, Птоломей узнал, что нельзя твердо полагаться на безусловную мирную выдачу Бесса, а потому во главе только своих всадников переменным аллюром ринулся в глубь страны. Пехоте же дал приказ нормальным шагом идти за собой. Вскоре отряд оказался перед небольшим наутакским городком, имя которого остается неизвестным и за стенами которого покинутый Спитаменом и изменившими ему согдийскими вельможами укрывался Бесс с жалкими остатками своих сильно поредевших войск. Македонцы окружили городок. Птоломей через глашатая потребовал от жителей безоговорочной выдачи Бесса, гарантируя в таком случае пощаду. Вскоре осажденные открыли ворота. Отряд вступил в город, схватил Бесса и сомкнутой колонной повернул назад на соединение с главными силами. На подступах к границам области Наутаки, выставленный нагим и с цепью на шее, справа от пути следования Александра Бесс заявил, что предал Дария, своего государя, родственника и благодетеля, влек за собой в оковах, а потом умертвил якобы в надежде заслужить милость македонского царя. После этого его предали бичеванию, а затем отвезли на казнь в Бактры. Македонская же армия, не встречая сопротивления в Наутаке, прошла через нее в долину Зарафшана к Мараканде, очевидно, по Джамской дороге, поскольку двигаться из верхней части долины Кашкадарьи через высокие перевалы гор, покрытых тогда густым лесом, где на каждом шагу можно ожидать засады согдийцев, было не менее опасным, чем и тысячу с лишним лет спустя, при завоевании Средней Азии арабами.

Снова Наутака фигурирует у историков жизни и деятельности Александра Македонского в последнюю зиму его пребывания в Средней Азии. Вскоре после того, как массагеты прислали ему отрубленную ими голову Спитамена, в Согдиане наступило относительное затишье. Приближалась холодная пора, и надо было думать о зимовке. Очевидно, не случайно различные части армии стягивались в конце 328 г. на зимние квартиры в Наутаку. Во-первых, учитывались ее благоприятные природные данные. Во-вторых, она была наиболее мирной из всех областей Средней Азии, во всяком случае в равнинной части, тогда как даже в близкой Ксениппе (соответствующей Кешской области) самому Александру пришлось

усмирять в том году опасное для него восстание, грозившее отрезать его находившуюся в Мараканде армию от Бактрии. В-третьих, Наутака была близко расположена к вызывавшим у македонских военачальников определенное недоверие соседним горным округам, что и оправдалось весной 327 г., когда там пришлось развернуть военные действия против «согдийской скалы» Оксиарта и крепости Хориена. В Наутаку были вызваны и прибыли в конце 328 г. сатрап Парфии Фратаферн и сатрап Арен Стазанор, получившие определенные задания. Там же проходила подготовка к далекому походу на Индию, который Александр Македонский предполагал начать летом следующего года, что и было осуществлено.

Все перечисленные эпизоды, дошедшие до нас в передаче греческих и римских писателей с некоторыми вариантами, показывают, что если не раньше, то по крайней мере уже в пору вхождения Средней Азии в состав персидской империи Ахеменидов, т. е. в VI—IV вв. до н. э., в области Наутаки существовали укрепленные поселения городского типа. Главный город, служивший административным центром и, как это часто бывало в древности, передавший свое название области, возможно, сформировался именно при Ахеменидах, иначе говоря, относительно незадолго до вторжения македонской армии. Прежние предположения относительно его наименования, будто самый термин можно признавать за иранский в смысле «судоходный», «вновь текущий» или «новое русло», отпадают, как едва ли могущие быть связанными с Кашкадарьей. Вероятнее допустить, что название «Наутака» древнесогдийского происхождения и состоит из двух слов: первое — «нау» — «новый» и второе — «така» (или «так») — как-то связанное с более или менее солидными сооружениями. Наименование «так», между прочим, носило то место в горной части Мазандарана, где, как утверждали, хранились сокровища персидских царей со времен мифического Менучехра. Это же название имел находившийся в одном переходе к югу от Зеренджа сеистанский город, который в XI в. представлял собой сильную крепость, окруженную семью рядами стен и в 1003 г. с большим трудом взятую султаном Махмудом Газневидским. Одного хория с этим термином слово «така», имеющее, между прочим, значение «мощь», «могущество», «сила». Слово «так» давно стало употребляться в применении к архитектурным сооружениям. Широко известны такие названия, как Так-и Гирра в Курдистане, где так называются развалины каменного здания сасанидского времени на Хульванском перевале; или Так-и Бустан на горе Бисутун, в 6 км от Керманшаха, где под большой аркой расположены высеченные в скале сасанидские рельефы; наконец, Так-и Кесра в Месопотамии, на городище Ктесифона — развалины дворца Хозроя I, обремененные своим названием огромному арочному входу в середине главного трехъярусного фасада. Во всех подобных случаях слово «так» относится собственно к арке или даже своду, а в соединении с другими словами образует специальные архитектурно-строительные термины. Например, «пештак» — главный ароч-

ный портал (буквально «передняя арка»); «чартак» — четырехарочный купольный павильон (откуда русское — «чертог») и т. д. Кроме того, слово «так» прилагалось к базарным купольным сооружениям типа пассажей. Таким образом, Наутака значит «Новый так», в смысле недавно сооруженный.

О былом местонахождении города Наутаки можно говорить с достаточной степенью уверенности. Он не был разрушен, как Мараканда и некоторые другие согдийские города во время походов Александра. Едва ли при зимовке 328—327 гг. македонские войска своим постоем нанесли ему какой-либо катастрофический ущерб. Вскоре после того наступившая пора расцвета рабовладельческого общества во всей Средней Азии способствовала дальнейшему развитию городов, причем некоторые достигли очень больших размеров (например, Самарканд или Дармамитра-Термез).

Развалины достаточно крупного рабовладельческого города, занимающие почти срединное положение в оазисе низовьев Кашкадарьи, находятся на правом берегу этой реки, примерно в 10 км к северо-западу по прямому направлению от Карши на полпути к Касану. Городище носит теперь название Ер-курбан, т. е. «Земляная крепость». Оно стало привлекать к себе внимание разных лиц тотчас, как в 1913 г. приступили к практическим работам по проведению Бухарской железной дороги от Кагана на Термез. Ее полотно прошло через весь Ер-курбан в направлении с северо-запада на юго-восток, прорезало городские стены, а насыпи и противоположные подкосы на протяжении свыше одного километра оказались на долгое время с обеих сторон буквально усыпанными фрагментами древней неглазурованной утвари из потревоженных культурных слоев. Во второй половине 30-х годов по линии Термезской археологической комплексной экспедиции Узкомстариса имелось в виду произвести рекогносцировку городища, поскольку даже неоднократные внешние наблюдения убеждали в синхронности основной массы лежавших тогда на поверхности археологических материалов с впервые в те годы выделенных для Средней Азии археологических комплексов здешнего рабовладельческого общества поры существования Кушанского государства. Первые разведочные археологические исследования на Ер-тепе были произведены С. К. Кабановым на протяжении двух полевых сезонов 1946 и 1948 гг. во время возглавлявшейся им экспедиции Института истории Академии наук УзССР по изучению прошлого Каршинского оазиса. В 1965 г. городище посетила Кешская археолого-топографическая экспедиция Ташкентского государственного университета, осуществившая закладку стратиграфического шурфа и зачистку обреза городских стен и приведшая к новому истолкованию его происхождения и истории на базе суммированных фактов, установленных в 1946, 1948 и 1965 гг.

До производства крупных стационарных раскопок нельзя четко восстановить, что представлял собой город Наутака ранней поры рабовладельческого общества. Современный повышенный уровень

грунтовых вод во всем районе воспрепятствовал пока получению данных о стратиграфии нижних древнейших культурных слоев городища. Но само оно в археолого-топографическом отношении достаточно выразительно, хотя оплывшие стены и внутренний микрорельеф фиксируют больше положение последнего момента его жизни и отчасти периода наибольшего расцвета. Кроме того, нельзя упускать из виду, что в основном более или менее уцелело центральное ядро собственно города, тогда как остатки застройки на территории его бывшей городской округи сnivelированы при обработке обступивших Ер-курган со всех сторон полей настолько, что сейчас невозможно пока установить ее размеры, не говоря уже о решении вопроса, была ли она когда-либо обнесена особой стеной или нет.

Неизвестно, каким был по размерам и в плане город на начальном этапе своего сложения. В настоящее время центральная часть городища — это неправильный пятиугольник. Его площадь несколько более 34 гектаров. Некогда она была окружена очень широким рвом и обнесена мощными стенами. Даже теперь, много столетий спустя, оплывшие остатки последних возвышаются над прилегающей местностью на 7 и даже 8 м. Руины основных фортификационных сооружений Ер-кургана помогают понять, что они представляли собой во II—I вв. до н. э. и в первых веках н. э. Первоначальные стены Наутаки были из чистой пахсы. На каком-то этапе античной поры потребовалось произвести коренную реконструкцию прежних городских укреплений, при которой изменилась их конфигурация. Какая-то часть древней стены была снесена, а ее разбитые куски в некоторых местах употребили в пахсовые же кладки стен на новых участках. В других местах производилась кладка пахсовыми блоками из равномерно замешанной глины. В широких масштабах применялись кладки и на крупных квадратных сырцовых кирпичках античного типа от $40 \times 40 \times 10$ см до $42 \times 42 \times 10$ см и даже $44 \times 44 \times 12$ см. Внутри стен были устроены сводчатые коридоры до 2 м шириной для продвижения стрелков из луков к узким бойницам. Поверху, вероятно, шел парапет с зубцами.

На некотором расстоянии друг от друга располагались крупные высокие башни, места которых отмечаются теперь в оплывах как бы конусообразными выступами. В одном из разрезов кольца внутренних стен, получившемся при пробивке через городище автомобильной трассы, удалось сделать интересные наблюдения. Оказалось, что задетая им башня имеет пахсовое основание, повышающееся к наружному фасу до 4 м. Выше идет уже многометровая кладка из кирпичей $40 \times 40 \times 10$ см — $41 \times 41 \times 12$ см при толщине швов от 1 до 3 см. Эта кладка осуществлялась впритык к городской стене. Размеры башни в плане по оси достигали у основания в момент сооружения свыше 12 м. Позднее они стали еще больше за счет обкладки по скошенному внутреннему кирпичному фасу таким же скошенным пахсовым футляром мощностью до 3 м. Для последующего времени несколько этапов в существовании стены отмеча-

ются, наряду с ремонтами, оплывы и даже значительные обвалы. Гребни стен на одном из последних этапов получили новые наклад- ки из сырцовых кирпичей зеленоватого оттенка с толщиной швов в 6—7 см. Все это явные признаки, что не раз подновлявшиеся стены Наутаки продолжали нести свои фортификационные функ- ции до конца рабовладельческой формации с захватом поры его кризиса.

Городских ворот, которые при обороне являются наиболее уяз- вимыми, бывшие места которых теперь отмечаются пустыми проема-

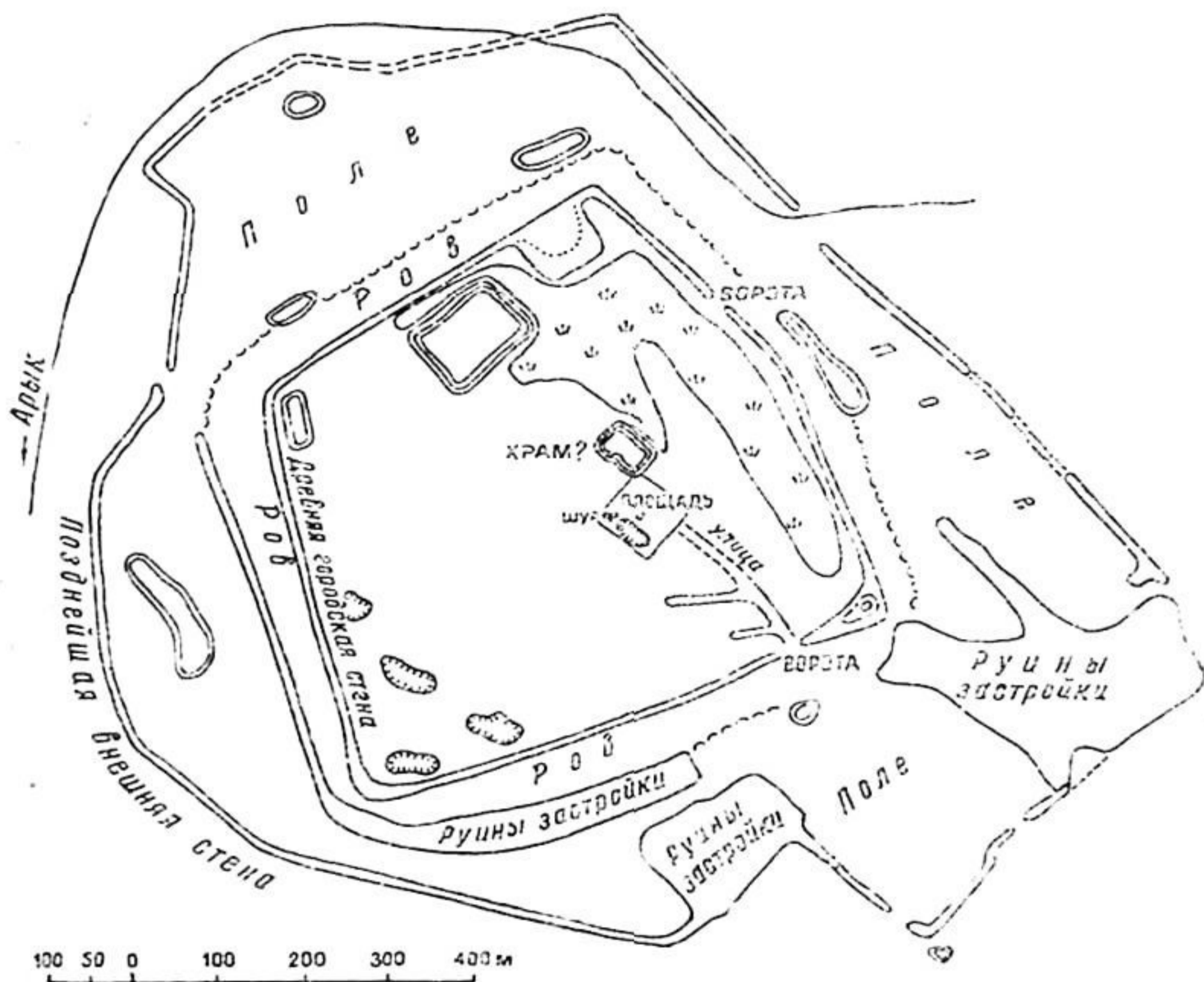

Рис. 1. Городище Ер-курган.

ми, в свое время было всего двое. Одни — в северо-восточном фасе, ближе к северному углу города, где помещалась своего рода небольшая цитадель. Они были обращены в сторону наиболее удобной дороги к средней части долины Зарафшана, ведшей через Джам дальше на Самарканд. Вторые — в юго-восточном фасе, ближе к восточному углу, созданный при которых внутренний форт с высокой наблюдательной башней обеспечивал отчасти их прикры- тие. Эти ворота прямо выводили на дороги, отходившие вверх по

долине Кашкадарьи с ее протоками, в том числе к главному античному городу соседней области, бывшему на месте современного Китаба. Показательно, что фасы, непосредственно обращенные в сторону Бухары и на юге — к тохаристанскому побережью Амударьи, были глухими, хотя оживленные пути в этих направлениях функционировали, а торгово-экономическая значимость их была весьма велика. Сам этот факт, как и устройство цитадели-аркса у угла в сторону низовьев Зарафшана, красноречиво показывает, откуда в согдийской Наутаке в эпоху античных городских укреплений в основном ожидали появления наиболее грозных врагов. Совершенно очевидно, что в первую очередь можно было опасаться враждебных действий со стороны обширной империи «Великих кушан», прочно удерживавшей правобережье Амударьи по среднему и отчасти верхнему ее течению. Вторым значительно менее могучим потенциальным врагом, проявлявшим время от времени активность, считалось, видимо, Бухарское владение, около начала н. э. уже создавшее вокруг себя огромную замкнутую районную стену протяжением свыше 200 км. Менее опасными, хотя, видимо, не вполне дружественными были отношения с соседним восточным владением, для наблюдения за дорогами в направлении которого и соорудили упомянутый высокий наблюдательный пункт.

Поверхность внутри Ер-кургона по своему микрорельефу и внешнему виду очень показательна для городища, заброшенного около полутора тысяч лет назад и никогда не переживавшего после упадка перепланировки в связи с наступлением нового, феодального периода. Все руины настолько оплыли и так задернованы, что почти нигде нельзя уловить сколько-нибудь достоверной сетки улочек и разделяемых ими кварталов. Лишь в юго-восточной части ясно прослеживается почти на протяжении двухсот метров большая уличная магистраль, идущая от ворот в северо-западном направлении к главной городской площади несколько менее одного гектара и дающая на этом отрезке два ответвления в западном направлении в гущу жилых кварталов. С северной стороны площади находится крупный, высотой свыше 7 м, прямоугольный в плане (примерно 70×40 м) бугор, представляющий собой руины возведенного на искусственной платформе здания общественного назначения, возможно, главного городского храма. Подъем к нему вел с юго-западной стороны. Дворец правителя располагался, видимо, западнее цитадели, примерно в середине глухого северо-западного фаса городской стены, от которой его отделял свободный проход в 30—40 м. От предполагаемого дворца остался самый большой, высокий, прямоугольный в плане, бугор, имеющий в оплывшем основании примерно 120×90 м. На остальной территории развалинам более или менее крупных сооружений соответствуют около полутора десятков менее значительных холмов. Несколько разбросанных в разных местах достаточно глубоких впадин указывают места бывших водоемов-хаузов, вода в которые могла поступать как с юго-востока, так и с востока.

От наиболее густо заселенных кварталов рядовой застройки остались невысокие, плоские, бесформенных очертаний, как бы расползшиеся бугры-всхолмления. Один из них, вытянутый с восточной стороны вдоль улицы между городскими воротами и площадью, связан с обитанием ремесленников. Здесь при разведочных раскопках в верхнем культурном слое, относящемся к последнему моменту жизни города, было обнаружено хозяйство мастера-керамиста. Оно состояло из скромных по величине жилых помещений с пахсовыми стенами и отчасти из сырцовых продолговатых кирпичей (48×24×10 см, 46×25×10 см, 55×24×10 см), примыкавшего к ним обнесенного дувалом маленького дворика с открытыми очагами для варки пищи и выходом в противоположную от главной улицы сторону. За последним на склоне бугра оказалась гончарная печь 2,8 м длины и 1,6 м ширины. Она состояла из двух рядом расположенных отделений, стенки и перекрытия которых были сделаны из комьев глины. Малое отделение, с подквадратным планом, заоваленными углами и почти сплошь ошлакованное, служило топкой. Второе — более крупное, также ошлакованное внутри, с планом в виде неправильного овала и глинобитным столбом в середине — являлось камерой, в которой размещали изделия для обжига. С одной стороны печи была сделана небольшая нижняя площадка, откуда закладывалось внутрь топливо. С другой — находилась верхняя площадка, с которой осуществлялись загрузка в камеру предназначенных для обжига предметов, а затем и выгрузка их. Разбор находившегося рядом отвала золы, кусков шлака и битой бракованной утвари показал, что печь использовалась в основном для обжига изящной тонкостенной керамической посуды, в частности ангобированных внутри чаш на невысоких ножках и с загнутыми внутрь краями. Их диаметр — от 12 до 16 см; высота — свыше 8 см. Так как они размещались в обжигательной печи на перекинутых от срединного столба к стенкам камеры продолговатых керамических плитках (до 4 см толщиной), то одновременно могло быть загружено от 50 до 60 таких чаш. Выход проносившихся внизу по кругу пламени, дыма и копоти обеспечивался тягой в длинную наклонную выводную трубу.

Среди прочей керамической продукции, обжигавшейся в этом горне, были разнообразные кувшинчики, горшочки нескольких форм и др. Возле печи оказались фрагменты от предметов, употреблявшихся в быту гончара, в том числе от сосудов типа энохой, тазов-тагара, головка от фигурки лошади и интересная серо-желтого оттенка глиняная плитка, возможно, выпеченная для кого-то по особому заказу. При толщине около 1 см она имеет в длину всего 7 см. Ширина основания примерно 4 см, а дальше она суживается к заоваленному верху почти до 2,5 см. Две трети ее верхней части занято оттиснутым изображением внезапно остановившегося при быстром беге дикого горного козла (одна из рас *Sariga sibirica*) вправо. Развевающиеся позади над спиной концы повязанного вокруг шеи шарфа (или ленты) возможно показывают, что это животное или

священное или, что весьма вероятно, из числа обитающих в заповедном парке и отмеченное специальной повязкой, чтобы оградить его от случайного убийства при увеселительной охоте. Ниже помещены в круглых медальонах девять оттиснутых значительно более мелких изображений диких зайцев, бегущих влево. Некоторые исследователи предлагают видеть в изображении козла с лентой некий символический образ.

На остальной площади раскопа оказалось немало фрагментов глиняных предметов утвари довольно грубой ручной работы, в том числе от плоскодонных огнеупорных котелков из красной глины с примесью шамота и до подставок для вертела. Почти у поверхности были встречены два объекта мелкой терракотовой скульптуры. Один из них грубой лепки в виде примитивного изображения человека, без отчетливой передачи форм тела и весьма условной трактовкой продолговатого лица. Второй — отбитая от более художественного исполнения женской фигурки головка со спущенными на неширокий лоб прядями волос, со «страдальчески» опущенными вниз глазами, с прямым носом, маленькими пухлыми губами и тяжелым овальным подбородком. В передаче лица европеоидного типа чувствуется сильное влияние традиций искусства античной поры.

Особый интерес представляет обнаружение в первом же верхнем полуметровом культурном слое двух кусков от разбитого небольшого глиняного гробика-оссуария, т. е. костехранилища. Такие оссуарии связаны со среднеазиатским маздеистическим вариантом зороастрийского погребального культа, согласно которому труп человека во избежание загрязнения «чистых стихий», какими считались земля, вода и огонь, оставлялся на съедение хищным животным (часто собакам) или птицам. Через два года уцелевшие кости считались вполне «очищенными» и принадлежавшие беднякам сваливались в кучу или в общую яму. Более зажиточные люди собирали их в корчаги-хумы или в другие сосуды. Знать и богачи заказывали специальные костехранилища или закапывавшиеся, или помещавшиеся в нишах могильных ям, или ставившиеся в особые помещения. Фрагменты еркурганской находки (первой в Каршинском оазисе) принадлежат небольшому овальной формы оссуарию. По его верхнему краю пропущены волнистые зубцы. Специальная крышка упиралась на вылепленный изнутри уступ. Фасадная сторона гробика имела орнаментированный бордюр, выполненный оттиснутыми треугольниками и колечками, а ниже по сырой глине были процарапаны схематические изображения стволов деревьев с отходящими в обе стороны ветвями.

На былой территории городской округи археологический микро-рельеф более или менее хорошо прослеживается лишь в пределах кольца внешних стен городища, более поздних по времени своего появления и значительно менее мощных, чем у внутреннего города. Эта внешняя земляная стена дошла до нас в виде оплывшего вала, нигде не превышающего 4 м, имеющего около 4 км протяжения, но

не дающего сколько-нибудь правильного контура. Кроме северо-восточного фаса, где вал тянется почти по прямой линии, все остальные состоят из иногда ломающихся под углом прямых или дугообразных различных очертаний отрезков. Это было вызвано не одними рациональными требованиями в интересах фланкирования, так как в ряде случаев с точки зрения фортификации сделанное не только не оправдано, а бессмысленно и даже противопоказано. Очевидно, при придании того или иного направления руководствовались в первую очередь стремлением включить во внутреннее, огораживаемое стеной пространство те или иные отдельные участки. Во внешней стене ясно различимы места двух ворот, расположенных по продолжению улиц, отходивших от северо-восточных и юго-восточных ворот внутреннего города. Однако вообще их было, видимо, больше, на что указывают некоторые проёмы в валу; например, в северо-восточном фаса метрах в полуторах от восточного угла.

Внешняя стена огораживает пространство почти в 1 кв. км, считая с площадью внутреннего города. Уже в пору расцвета рабовладельческого общества наиболее густой была застройка юго-восточной части. Развалины отдельных зданий и целых групп сооружений встречаются в виде плоских всхолмлений и на остальной территории. По своим размерам выделяются два изолированно стоящих бугра-тепе до 10 м высотой. Один из них находится у юго-восточных ворот внутреннего города. Второй — в северо-западной части в непосредственной близости от внешней стены. Можно думать, что наблюдаемый здесь ее значительный выступ наружу появился именно для ограждения участка, с которым этот бугор-кёшк составляли некогда одно владение.

О некотором городском благоустройстве в пространстве между внутренними и внешними стенами города можно отчасти судить по находкам гончарных труб-кобур до 13 см в диаметре, вставленных друг в друга и являющихся частью системы ташнау, предназначенных для отвода использованной воды и жидкостей из внутренних жилых помещений наружу в поглощательные ямы, устраивавшиеся вне дома. К числу керамической утвари, употреблявшейся в быту достаточно обеспеченных людей, принадлежат, в частности, встречающиеся здесь разнообразные на высоких ножках кубки, покрытые черным ангобом с лощением, а также имеющие красную лакообразную и светло-желтую гляцеватую поверхность.

Стратиграфические шурфы 1948 и 1965 гг., как и наблюдения над остатками фортификационных сооружений Еркургана, в силу ряда обстоятельств, не дали достаточно уточненного представления о времени начальной стадии сложения города. Вместе с тем и те и другие ясно показали, что в период расцвета рабовладельческого общества крупнейший город этого времени в низовьях Кашкадарьи предстает перед нами уже достаточно развитым и до своего запустения переживает несколько этапов разной значимости. Последний момент, когда он был еще значительным городом, красноречиво запечатлен приведенным выше раскопом хозяйства гончара и его

керамической печи. Сделанные здесь керамические находки производитель работ сопоставлял с таковыми же, полученными в 1938 г. Термезской археологической комплексной экспедицией при раскопках в приамударьинской группе развалин Термеза древнего здания («кургана») у руин средневековой соборной мечети и датированными по встречному кушанскому халку первой половиной III в. н. э. Обнаруженные на Ерк-кале две медные монеты из-за сильной окисленности остались в процессе обработки материалов без определения. Отмечено было только, что найденная во дворе, но ниже его уровня, была больших размеров (до 2 см в диаметре), а встреченная в самом комплексе предметов, связанных с керамической печью, оказалась меньших размеров (диаметром в 1,6 см) и, в отличие от первой — «выпукловогнутой», т. е. скифетной по облику.

Для долины Кашкадарьи, на территории которой до сих пор не было встречено ни одной кушанской монеты, наиболее распространенной и специфически локальной группой нумизматических памятников поздней поры рабовладельческого общества и его кризиса являются медные монеты, которые объединяет общность характерных изображений на обеих сторонах. На лицевой — помещена голова безбородого царя влево, с длинными прядями ниспадающих на плечи волос, которые на макушке, будучи перевязаны лентой, собраны торчащим вверх пучком. На обратной — к кругу из точек стоящий слева человек поражает мечом поднявшегося на задние лапы крупного хищника кошачьей породы — «шира». Предложенное сравнительно недавно отнесение подобных монет к эфталитскому чекану с конца V до середины VI вв. по приведенным выше соображениям — становится неприемлемым.

На лицевой стороне удачно отчеканенных монет, рисунок матрицы которых несколько больше монетного кружка, по краю бывает видна круговая легенда, которую кое-кто из западно-европейских специалистов предлагает читать как «Вохумазда», со значением «Добрый маздеец», т. е. исповедующий зороастризм в его среднеазиатской маздеистической форме. Окончательного признания такая расшифровка не получила. Однако независимо от того или иного чтения надписи сама она выполнена отнюдь не принятыми на эфталитских монетах знаками, а отдельными согдийскими буквами, еще не сливаемыми друг с другом в лигатуры. В пределах основного типа имеется несколько вариантов подобных монет, различных по величине и форме, а именно плоские и скифатные. Они попадаются довольно часто и до революции были достаточно обычны на антикварных рынках Средней Азии, поэтому имеются во многих советских и зарубежных музеях, а также в частных собраниях.

На некоторых экземплярах встречается нанесенный позднее путем надчекана знак, который помещался на ранних так называемых «бухархудатских» монетах IV в. Все сказанное свидетельствует о неоднократных их выпусках в течение длительного времени.

На поверхности не сильно изношенных от длительного хождения кружков описанных кашкадарьинских монет бывают видны беле-

соватые следы от наложенного на них в процессе изготовления тончайшего слоя серебра. Это наблюдается также в ряде групп монет, выпускавшихся в Средней Азии местными правителями в пору рабовладельческого общества, когда из-за нехватки серебра или по другим соображениям экономического порядка в подражание обращавшимся до того чаще всего полноценным драхмам (реже тетрадрахмам) прибегали к чекану посеребренных снаружи медных или бронзовых монет. В частности мы видим это в серии монет, выпускавшихся в III—IV вв. правителями низовьев Зарафшана. Там один и тот же тип представлен для раннего времени небольшими утолщенными посеребренными драхмами, затем их сменяют того же диаметра, но более плоские кружки, которые под конец уступают место таким же по внешнему облику, но уже скифатным по форме. Аналогичная последовательность в замене плоских монет выпукло-вогнутыми имела место в Кашкадарьинском районе. Для времени обращения здесь скифатных монет несколько иного типа показательно, что в 1965 г. при раскопках близ Карши на Пишай-тепе в одном слое были найдены согдийская скифатная монета и медный монетный кружок, подражающий чекану сасанидского государя Шапура II (309—379).

Описанные кашкадарьинские монеты по своим оригинальным изображениям стоят совершенно особняком в ряду всех согдийских чеканов периода рабовладения. Прототипы сцены борьбы государя с широм характерны для Ирана с более глубокой древности. Голова государя на лицевой стороне представлена без короны, царской митры или иного головного убора, но она вместе с тем отнюдь не простоволосая. Напоминающий вождя американских индейцев крупноносый профиль правителя несколько зловещ в своей бьющей на демонстративный эффект парфянского типа прическе с торчащим в разные стороны пучком жестких волос на макушке, в то время как остальные ниспадают на плечи.

В этой связи уместно вспомнить показания армянских историков, особенно писавшего в IV в. Агафангела, что после падения в 228 г. Парфянского государства, кроме армянских аршакидов, некоторое время продолжали оставаться третья и четвертая ветви аршакидов. Две последние у разных авторов называются условными терминами «индийская» или «кушанская» ветвь с центром в Балхе, упоминаемая до середины IV в., и «маскутская», или массагетская ветвь, именуемая так, очевидно, чтобы отметить нахождение ее владения в Средней Азии. Вполне вероятно, что какое-то лицо парфянского происхождения может быть даже не связанное прямым родством с династией Аршакидов, используя смутную ситуацию, наступившую вслед за крушением Парфянской державы и ослаблением государства кушан, сумело прийти к власти в долине Кашкадарьи. Не исключено, что его и ближайших преемников последнего, если таковые были, Агафангел подразумевал под «маскутской ветвью аршакидов», которой, возможно, и принадлежит чекан специфической серии местных посеребренных медных драхм.

Характерно, что сасаниды, захватив Тохаристан, следуя основанной на золоте монетной системе Кушанского государства, чеканят для этого района в Балхе до начала V в. включительно особые золотые ауреусы преимущественно скифатной формы, встречающиеся среди монетных находок и на правобережье Амударьи. В соседней же долине Кашкадарьи, где прежде как и во всем Согде, в денежном хозяйстве господствовало серебро, местные правители этого переходного времени выпускают хотя и не серебряные монеты, но все же подражающие античным — посеребренным драхмам.

IV век был началом критического периода в жизни главного города низовьев Кашкадарьи, непосредственно задетого «великим переселением народов». Началось это с того, что, как отмечено в хронике династии Цзинь (265—419), главная ставка Верховного правителя государства Кангюй, бывшая до того к северо-западу от Ферганы на землях по среднему течению Сырдарьи, передвинулась в долину Кашкадарьи, раньше подчинявшуюся Малому кангюйскому владению. Это сопровождалось появлением здесь больших групп кангюйских переселенцев, которые были в основном скотоводами и которых здешние земли не могли не прельщать, как район прекрасных пастбищ. Они вытеснили местное земледельческое население, захватили ряд сельских районов и по-своему обжили многие захваченные усадьбы богачей. С ними появился тот комплекс инвентаря, который относится к одному из вариантов культуры, известной в научной литературе под названием Каунчи II, широко распространенных в северо-западной Фергане, в горах Могол-тау и Карамазара, в долинах Ангрена и Чирчика и на обоих берегах среднего течения Сырдарьи. Для этого комплекса характерны, в частности, ручной работы сосуды, в том числе кувшинчики с ручкой в виде барана, а также вылепленные из глины подставки для вертела. Появление кангюйцев не могло пройти бесследно и для жизни главного города области. Археологическому исследованию предстоит выяснить, до или после появилась здесь неправильных очертаний его внешняя стена. Во всяком случае, начавшийся новый относительно кратковременный этап в истории долины Кашкадарьи не мог благоприятно сказаться на дальнейшем развитии античного города, уже вступившего в полосу упадка в связи с кризисом рабовладельческой формации. К тому же вскоре последовали вторжения новых волн различных племен. Между 467 и 430 гг., когда Ер-курган давно уже был заброшен, Согд оказался завоеванным эфталитами, образовавшими вскоре к началу VI в. большое государство, в состав которого вошла и долина Кашкадарьи.

За прошедшие с тех пор многие столетия подлинное представление о прошлом давно заброшенного города, некогда носившего название Наутака, исчезло. Новые обитатели возродившегося к концу XVIII в. соседнего средневекового селения Касан, расположенного в 26 км к северо-западу от Карши, полагали до революции, что на месте Ер-кургана в давние времена был «Старый Касан».

СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА В ОБЛАСТИ НИЗОВЬЕВ КАШКАДАРЬИ В ПОРУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Нашеболоский владетель имеет пребывание в городе Боло.

Бейши, IV—VII вв.

Несеф называется драгоценным Нахшебом; в нем имеется разрушенный кухендиз и обжитой рабад, расположенный на равнине; река разделяет его.

Макдиси, X в.

Во всей Средней Азии процесс становления феодальных отношений был осложнен вторжениями кочевников и сопровождался постоянной внутренней борьбой между соперничавшими правителями десятков мелких владений. При этом он почти не запечатлен в дошедших до нас письменных источниках. Составители истории Северных дворов (IV—VII вв.) беспомощно отмечали в своей хронике, что в ту эпоху среднеазиатские «владения взаимно поглощали друг друга, и события, случившиеся у них в это время, невозможно ясно представить».

Первое упоминание области низовьев Кашкадарьи связано с событиями V в. и приводится в китайской хронике VI—VII вв. обычно в форме Нашебо. Это искажение местного историко-топографического термина Нахшеб, зафиксированного в такой транскрипции у некоторых позднее писавших арабских, а также других авторов в качестве одного из названий Каршинской области и ее главного города и сохранившегося в этом произношении до наших дней у местного населения. Для него непонятно теперь смысловое значение этого слова, и для объяснения народная этимология прибегла, как всегда в таких случаях, к изящному вымыслу. Согласно бытующей легенде, в давние времена в один из чудесных весенних вечеров на берегу Кашкадарьи собралось несколько чильтанов — таинственных существ в образе людей, обладающих сверхъестественной силой, большим знанием, провидением, но скрывающих свою подлинную природу и бытие от непосвященных. После успешного завершения хорошо протекавшего совещания один из старших чильтанов, поднявшись для ухода, так выразил общее настроение присутствовавших: «Нагз — шаб», в смысле — «Какая превосходная ночь!» Эти произнесенные им слова послужили основанием для наименования всей области. В произношении же людей оно постепенно изменилось в смягченное и более благозвучное — «Нахшеб».

В действительности очевидно, что это забытый древний согдийский термин. Высказывалось предположение, что он одного проис-

хождения с иранским «pakhšb» «светящий» или «ярко освещающий» (подразумевается — «полной луной»).

Археолого-топографическое изучение Каршинского района за последние годы показало, что для раннего средневековья до вхождения этой области в состав арабского халифата самым крупным по своим размерам и самым мощным с точки зрения фортификации здесь являлся город, развалины которого находятся в 7 км к ЮЮЗ от кургана старых Каршей. Его центральную часть в виде огромного теле местное население взамен давно забытого подлинного наименования, называет «Кала-и Захок-и Марон», т. е. крепостью легендарного жестокого царя Захока.

Никто не знает подлинной истории этих руин. У окрестных жителей, из поколения в поколение наблюдавших за их постепенным разрушением и старавшихся как-то осмыслить обнаруживавшиеся при этом различные предметы археологического инвентаря, сложилось представление о глубокой древности самой крепости. В ее же существовании они уловили два периода, оба относящиеся ко времени до распространения в Средней Азии ислама. Сооружение калы было приписано ими мифическому Джемшиду, а вторичное обживание и увеличение в размерах — захватившему ее много лет спустя предарабскому государю-злодею иранского эпоса Захоку. По бытующему до сих пор преданию, древние ворота калы находились в восточном фаше, а их первоначальные полотнища во время когда-то происходившей войны были уничтожены. Взамен их привезли и навесили другие, сделанные в Бухаре из крепкого дерева, но и те давным-давно пропали.

Одна из легенд повествует о том, что у Захока была красавица дочь, в которую без ума влюбился молодой государь соседнего владения. Не надеясь на согласие отца выдать ему дочь в жены при простом сватовстве, он затеял с ним войну. Только выйдя из нее победителем, он стал просить у побежденного родителя руку красавицы. Тот, понимая, что при сложившихся обстоятельствах он обязан согласиться, поставил все же при этом условие, по которому свадьба произойдет лишь тогда, когда жених для страдающих от безводия низовьев Кашкадарьи проведет воду из реки Армин близ Термеза. Молодой государь, устроив головное сооружение канала у правого берега Армина, прокопал оттуда русло до самой Кашкадарьи, и как только по этому крупному арыку потекла вода, он действительно получил дочь Захока в жены.

Сюжет последней записанной нашей экспедицией легенды носит явные следы книжного влияния распространенного древнего сказания о Захоке и рассказывается в Каршах несколько упрощенно, но вместе с тем включает некоторые варианты в деталях. Согласно местной фабуле, Захок, закончив реконструкцию крепости и сделав ее во всех отношениях неприступной, что за все время ее строительства тяжелым бременем ложилось на население, продолжал и после этого требовать от подданных все новых повинностей, вызвав к себе лютую ненависть еще и своей постоянной жестокостью. Месть

скоро его настигла. Как-то он прослышал, что в его владениях объявился какой-то искусный повар. Любя поесть, Захок взял его к себе. Отведав чудесно приготовленные им блюда, он пришел в такой восторг, что, вызвав мнимого кулинара, опрометчиво пообещал выполнить любое его желание. Тот скромно попросил только разрешения поцеловать государя в оба плеча. Захок милостиво разрешил. Каков же был его ужас, когда на месте поцелуев выросли головы змееподобных драконов-аждархо, в пищу которым требовались человеческие головы. Чтобы спасти от чудовищ свою, Захок приказывал ежедневно рубить голову одного из своих подданных. Был у него кузнец, по имени Кават, который имел много сыновей. Уже семнадцать из них были принесены в жертву чудовищным головам аждарха. Когда очередь начала доходить до последнего, восемнадцатого, самого любимого, Кават подговорил таких же простых людей, как он сам, убить ненавистного тирана. Дважды срывался заговор из-за невозможности проникнуть во дворец. Наконец, в третий раз это удалось. С помощью одного шпиона они попали в жилище Захока и там убили его.

Таковы в самых общих чертах народные представления о Кала-и Захок-и Марон, частично опоэтизированные под влиянием древних эпических сказаний, но при всем том не лишенные реального восприятия былой действительности при осмыслении своих конкретных наблюдений в части самого памятника. Это прежде всего уловленные признаки двух различных периодов его обживания, отдаленных друг от друга немалым промежутком времени и вместе с тем приходящихся на пору до вхождения Средней Азии в состав арабского халифата. Затем подмеченное местонахождение ворот, которые вели в крепость с восточной стороны. Наконец, главное — признание объекта в целом на последнем этапе обитания сильно разросшейся древней столицей и резиденцией государя, управлявшего отсюда своим отдельным самостоятельным владением.

В этом отношении прежние научные определения Кала-и Захок-и Марон были не столь удачными.

Первое весьма краткое упоминание этого памятника в научной литературе принадлежит любителю-археологу И. А. Кастанье, посетившему его в первой половине 1916 г., но не давшему ему археологического определения. В бытность там этого исследователя с западной стороны калы уже функционировал недавно отстроенный кирпичный завод, бравший землю из внешнего вала, а в юго-восточном углу была проделана брешь, через которую проложили рельсы до самого рва, превращенного в водоем. В том же году, в конце мая — начале июня — на нем побывал член Туркестанского и Закаспийского кружков любителей археологии востоковед Л. А. Зимин во время своей поездки в Каршинский район в сопровождении П. М. Никифорова, сделавшего в городе Карши и в окрестностях много фотоснимков и несколько зарисовок. Имея в своем распоряжении соответствующие планшеты карт военно-топографи-

ческого отдела, Л. А. Зимин дал несколько путаное описание развалин с ошибками в ориентировках по странам света, с неверным указанием места ворот в калу в середине ее северного фаса и с признанием всего памятника крепостью Каршей, отстроенной в конце XIV в. Тимуром, выполнявшей эти свои функции еще в XVI столетии, а затем постепенно заброшенной и пришедшей в упадок. Эти определения вошли в науку, будучи принятыми в работах В. В. Бартольда, А. А. Семенова и др. Ошибочность предложенных Л. А. Зиминим датировок объясняется низким уровнем знаний до революции археологии Средней Азии. Установить точную датировку памятника удалось только при нашем попутном осмотре его в 1942 г.

Во время специального изучения городов и тепе в Каршинском районе трехлетней экспедицией 1946—1948 гг. Института истории, археологии и этнографии Академии наук УзССР С. К. Кабанов пришел к общему заключению, что после V в. н. э. до конца VII в. н. э. область нижнего течения Кашкадарьи переживала период упадка. Наиболее характерный признак этого он видел в отсутствии якобы здесь за это время городов вообще. До этой поры единственным городом тут С. К. Кабанов признавал руины, находившиеся на месте городища Ер-курган, а образование Несефа относил к VIII в. При этом аспекте Кала-и Захок-и Марон была принята за развалины крупного поселения земледельцев с замком общей площадью только в 16 га (поскольку им не была замечена в натуре огромная внешняя стена, окружавшая всю территорию городища), а возникновение этого памятника отнесено к периоду «восходящей линии развития» рабовладельческой формации. Последний период его существования датировался III—V вв.

Наконец весной 1966 г. один из отрядов КАТЭ, занимавшийся исторической топографией Каршинского района, в который входили кроме меня два археолога — Г. Я. Дресвянская и Б. Д. Кочнев, три сменных коллектора-студента, на протяжении нескольких дней занимался разведкой Кала-и Захок-и Марон. В процессе изучения производился опрос населения, осуществлялся сбор подъемного материала по всей площади городища, составлена археолого-топографическая схема его плана, сделан один графический профиль через середину тепе с запада на восток, на краю его южного фаса в проломе заложен стратиграфический шурф и осуществлена зачистка получившегося в результате разрушения разреза на западной стороне внешнего кольца стены-вала, непосредственно прилежащего к главному бугру. В результате установлено следующее.

Внешний план весьма крупного городища Кала-и Захок-и Марон, охватывавшегося прежде наружной стеной, представлял собой правильный квадрат, ориентированный почти по странам света, каждая сторона его равна 1,5 км. До постройки так называвшейся Бухарской железной дороги эта внешняя стена хорошо была видна на всем протяжении, почему оказалась нанесенной на некоторые

планшеты карт старых съемок. В настоящее время лишь в двух местах прослеживаются прямые углы ее поворотов, а по западному фасу сохранился значительный кусок в виде сплошного вала, тянущегося почти на 1 км. Имея в оплыве кое-где до 10 м ширины у основания, этот вал в северной части сохранился по высоте до 3,5 м, а в южной снижается до 0,5 м. Стена была сбита из пахсы, каждый ряд которой достигает в высоту до 1,3 м и несколько более. Внутри некогда окруженного ею пространства площадью около 2,25 кв. км сейчас располагаются каршинский вокзал, все относя-

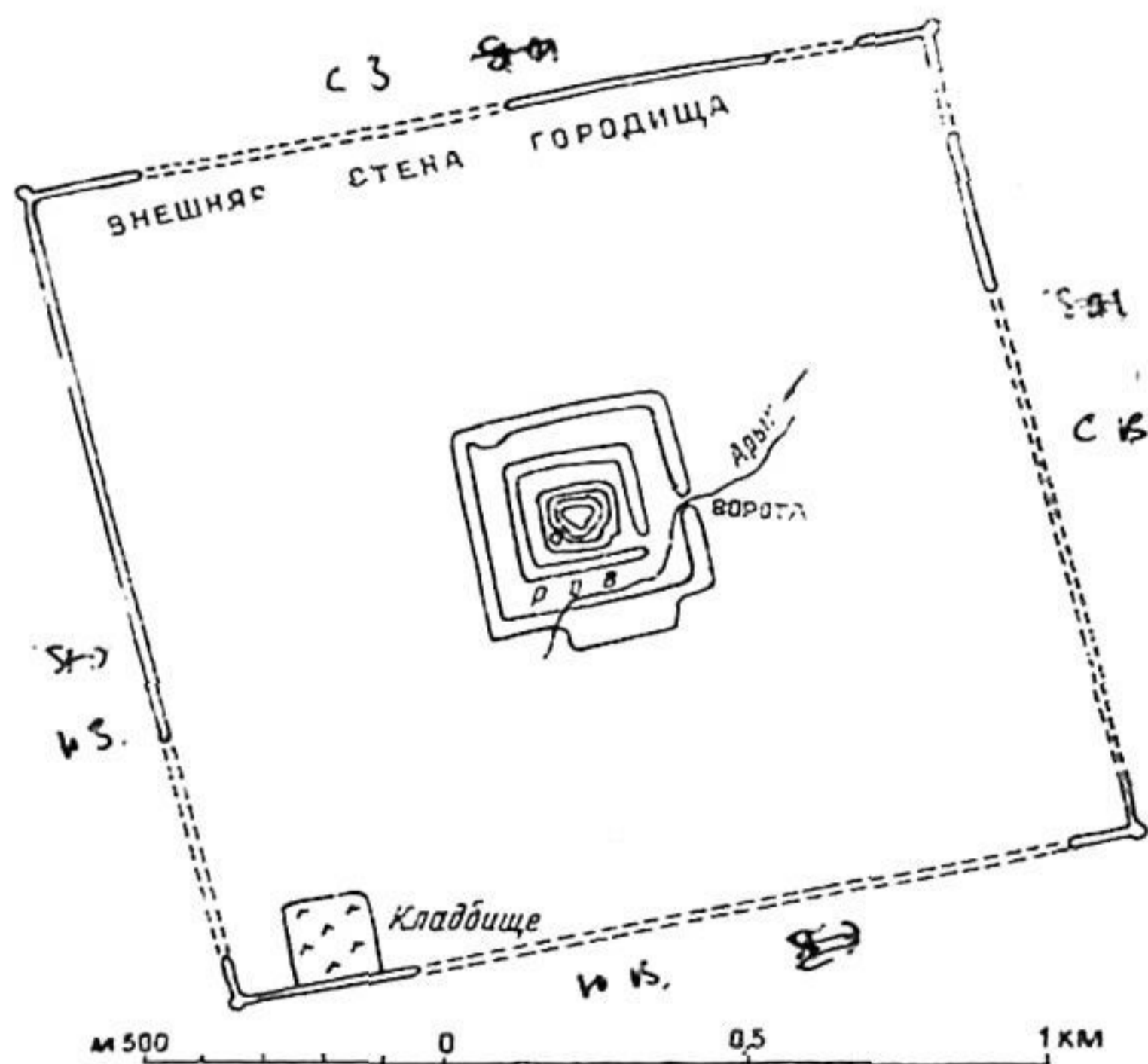

Рис. 2. Городище Нахшеба.

щиеся к нему железнодорожные сооружения, разветвленная сеть станционных путей, а также привокзальные жилые кварталы. По показанию строителей упомянутой железной дороги, все это слегка всхолмленное пространство в начале XX столетия было уже прорезано арыками, занято полями, отдельными участками с небольшой кишлачной застройкой, а в юго-западном углу располагалось обнесенное дувалом мусульманское кладбище. Кое-где попадались черепки неглазурованной посуды. Сейчас поверхность почти целиком утратила свой археологический микрорельеф на всем этом пространстве.

Коснулось разрушение и расположенной в самой его середине центральной части городища, именуемой тепе, которое вытянуто с севера на юг примерно на 450 м, а с востока на запад — на 350 м.

Оно состоит из трех частей. В середине находятся прямоугольные в плане (110×90 м), вытянутые с севера на юг остатки бывшего замка-дворца, даже в разрушенном состоянии доминирующие над всем остальным городищем. Его башня — донжон располагалась в юго-

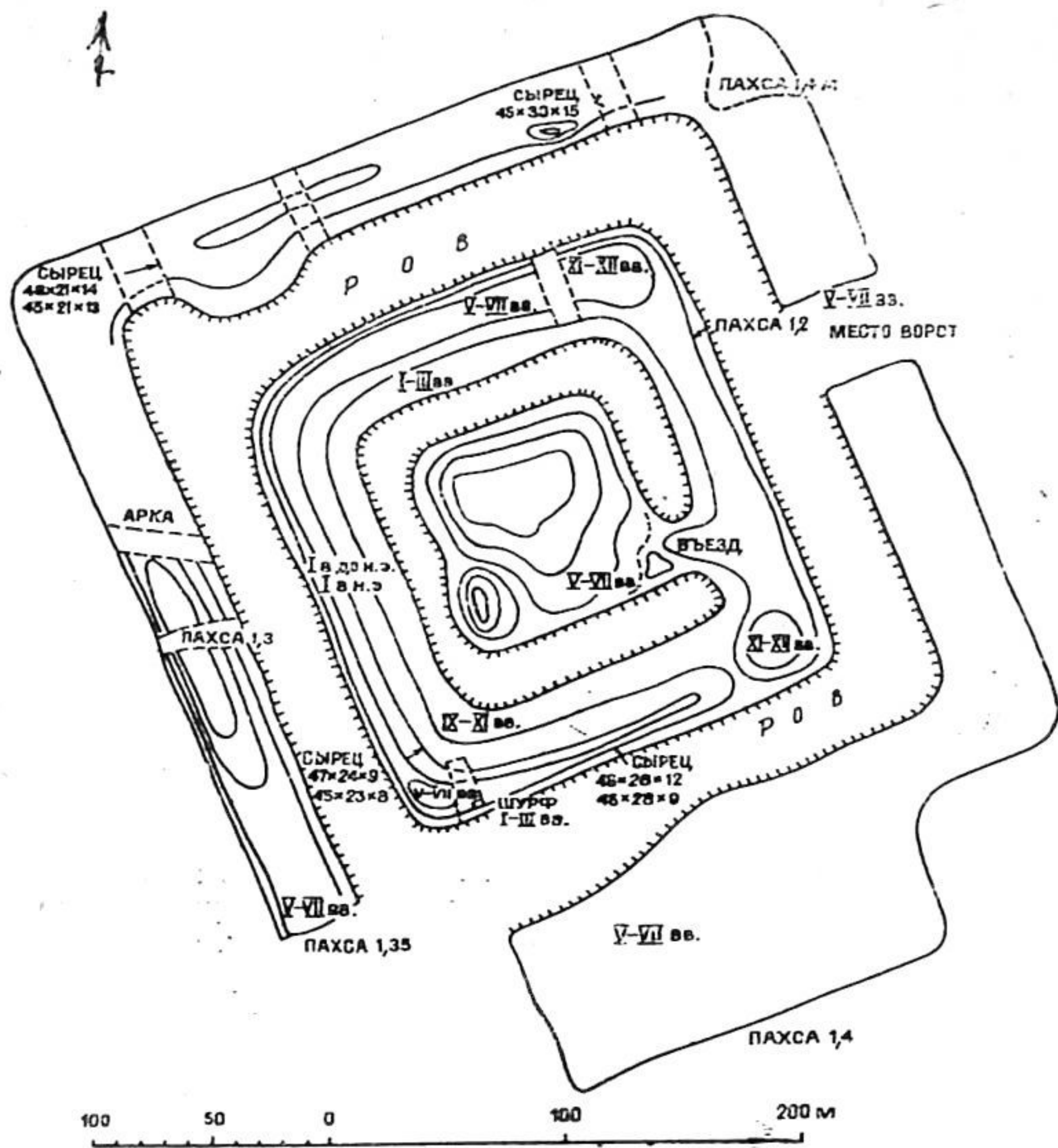

Рис. 3. Основное ядро Нахшеба, именуемое теперь Кала- и Захок- и Марон.

западном углу, а оставшийся от ее развалин оплывший бугор на 18,5 м возвышается над уровнем прилегающей к тепе территории городища. Въезд во дворец был устроен в юго-восточном углу. Замок стоял посреди довольно обширной прямоугольной же платформы (примерно 290×250 м), по наружному краю которой некогда проходила сохранившаяся в виде вала оборонительная стена.

К ней почти на всем протяжении примыкали разного рода постройки, отстоявшие на некотором расстоянии от наружных стен замка, так что между ними оставался свободный проход вокруг всего дворца, возвышающийся в настоящее время на 6 м от современного уровня земли. Весь этот комплекс окружал крупный ров, ширина которого сейчас в разных местах колеблется от 30 до 40 м. Вода в него поступала самотеком с северо-восточной стороны по особому отводу из проходившего к востоку от городища магистрального арыка.

Таково было основное ядро тепе. Позднее замок нашли нужным усилить дополнительным укреплением в виде замкнутого кольца стен, выведенных по прямоугольному периметру непосредственно за ровом по другую его сторону. Это было мощное фортификационное сооружение, судя по ряду признаков эпохально синхронное появлению внешней шестикилометровой стены всего городища. В частности, у обеих одна и та же высота рядов пахсы. Новое кольцо наружной оборонительной стены, замкнувшее собой территорию калы в 16 га, было значительно выше внутренней стены тепе, так как и сейчас в сильно оплывшем виде достигает 14 м высоты. В свое время из-за ее увенчанного зубцами гребня издали был виден только силуэт здания замка с его донжоном. Ширина стены весьма значительна и теперь в самых узких участках достигает до 40 м. Ее определяла не одна сплошная пахсовая кладка. Как показала зачистка в одном из проломов на заднем фасае, здесь были помещения с эллиптической формы сводчатыми перекрытиями, при выведении которых употреблены клинчатой формы сырцовые кирпичи со сторонами 43—28—43—29 см и 36—23—36—25 см. Ширина пролета помещения несколько больше двух метров; высота от пола до замка свода около 3,5 м. Сам замок ниже современного гребня стены на 2 м, а полом помещения служит уже пахсовая кладка на уровне 6,5 м от поверхности земли. Наблюдения в этом проломе показали наличие признаков нескольких этапов существования и переделок кольца наружной оборонительной стены, сопровождавшихся наращиванием различных кладок одна на другую. На одном из этапов обнаруженное сводчатое помещение было забутовано крупным продолговатым сырцовым кирпичом. При разрушении несколько лет назад юго-западного угла внешней оборонной стены, ныне утраченной, тут на значительном расстоянии были обнаружены в одном месте три крупных корчаги-хума, а в другом — скелет человека. В северном фасае близ северо-западного угла имеется явно искусственный выступ внутрь калы, заметно суживающий здесь ров и наводящий на мысль, что тут мог быть перекинут через него мост для нужд защитников. Единственные же ворота были примерно в середине восточного фасаа, где находился и упоминавшийся ввод воды. В южном фасае оборонительной стены наблюдается особенно большой выступ наружу, достигающий по фронту свыше 200 м, а по ширине несколько меньше 150 м. Совершенно несомненно, что он сделан в целях большей обороноспособности это-

го фаса, очевидно, обращенного в сторону особо угрожаемого в свое время направления, откуда следовало ожидать появления опасного врага.

Что касается времени обживания Кала-и Захок-и Марон, то на ее территории лишь в пределах центральной части встречены и то в ограниченном количестве черепки керамики, могущие быть датированными первыми веками н. э. и, очевидно, попавшие на дневную поверхность, будучи переброшенными из нижних слоев. Два таких же фрагмента извлечены из слоя ниже современного уровня земли в стратиграфическом шурфе, заложенном близ юго-западного угла основного тепе. Все это позволяет пока предполагать, что в античную пору территория будущей Кала-и Захок-и Марон была в какой-то мере обжита. Вместе с тем по археологическим данным, оформление крупного замка с донжоном, постепенное его расширение, происходившее параллельно росту поселения вокруг него, усиление фортификационной мощи по мере превращения бывшего кешка в значительную резиденцию правителя и, наконец, обнесение шестикилометровой внешней стеной регулярного квадратного плана всей обжитой территории, безусловно, приходится на несколько этапов раннего феодализма. На V—VII вв. и отчасти, видимо, VIII в. падает подавляющее количество встречающейся на городище разных типов бытовой керамики. На это же время указывает большинство употребленных прежде здесь на строительство крупных продолговатых сырцовых кирпичей разных размеров, варьирующих в сторонах от 45×24 см до 48×28 см при толщине от 8 до 14 см. За последовавшим затем упадком жизнь на всем городище замерла и только территория центральной части калы лишь временами бывала обжита в IX—XII вв. Об этом свидетельствует наличие в верхнем культурном слое немногих черепков глазурованной керамики и жженных кирпичей-маломерок ($21—22 \times 21—22 \times 4,5$ см). Выложенный из них пол отмечен, между прочим, на внешней стене тепе на глубине 0,5 м, а ниже его идет уже пахса мощностью ярусов в 1,2 м. Никаких признаков сколько-нибудь заметного обживания тепе и городища после монгольского завоевания до XIX столетия пока не обнаружено.

Таким образом, налицо развалины раннесредневекового самого большого из бывших до того в низовьях Кашкадарьи города, который, как таковой, оформился лишь после того, как в пору кризиса рабовладельческого общества заглохла жизнь в прежней столице области на территории городища Ер-курган. Последняя уступала по своим размерам городищу Кала-и Захок-и Марон. Так, ее главная стена, возведенная первоначально из пахсы с применением при позднейших переделках крупного квадратного сырцового кирпича античного времени (от $40 \times 40 \times 10$ см до $44 \times 44 \times 12$ см) определяла регулярно сформленную площадь города всего в 34 га. Неправильного контура вал, сохранившийся от позднее возведенной более слабого профиля, а также меньшей высоты внешней стены, имеет примерно 4 км протяжения и охватывает, считая вместе с центральной частью, всего около 1 кв. км, тогда как на городище Кала-и

Захок-и Марон территория внутри квадрата, обрамленного внешней стеной, в два с четвертью раза больше. Хотя до производства археологических вскрытий нельзя определить, в VII или в VIII веках второе из них перестало служить крупным городским центром, тем не менее при всей скудости данных письменных источников о прошлом земель в низовьях Кашкадарьи для времени раннего феодализма, место и роль этого пункта в истории области сами по себе достаточно определены.

Что было на месте Кала-и Захок-и Марон сразу после того, как главная ставка верховного правителя государства Кангюй с берега среднего течения Сырдарьи была перенесена в долину Кашкадарьи, пока неясно. Известно, что некоторое время спустя перешедшая на запад значительная группа людей, причисляемая китайскими летописцами к юеджам, перенесла «свой двор» в город Боло, служивший в середине V в. резиденцией их царя Кидара. Даже после того, как примерно около 468 г. его принудили бежать в Северную Индию завоевывавшие тогда Согд эфталиты, Боло продолжал оставаться на протяжении какого-то времени главным городом области. Во всяком случае, в Истории Северных дворов (IV—VII вв.), где название Нахшеб приводится в двух формах — Нашебо и Нашеболо, — говорится, что его владетель имеет пребывание в городе Боло, лежащем на юг от Зарафшана (Нами). Поскольку в том же сочинении расстояние от Кеша (Ши) до Нахшеба указывается в 200 ли, т. е. около 100 км, которое вполне соответствует расстоянию от Китаба (где тогда находился Кеш) до Кала-и Захок-и Марон, легко допустить, что руины этого городища соответствуют городу, упомянутому в Бей-ши под названием Боло. Одновременно он назывался местным согдийским населением Нахшеб, а, может быть, также Нахшеб-боло, т. е. Высокий Нахшеб, что вполне приложимо к действительно очень значительным и величественным даже теперь фортификационным сооружениям Кала-и Захок-и Марон.

На Нахшеб как будто не оказало большого влияния вхождение в состав владений эфталитов, образовавших к концу V в. большое государство. Монеты последнего представляют большую редкость среди местных находок. В подавляющем большинстве низкопробные и даже не из ценных металлов, они, по-видимому, выпускались в небольшом количестве в связи с малой потребностью в них на рынках страны, еще переживавшей хозяйственный развал. Положение несколько улучшилось после того, как между 558 и 568 г. тюркский каган Сильзивул привел среднеазиатских эфталитов в вассальную зависимость, причем решающие эпизоды борьбы разыгрались в низовьях Кашкадарьи. Обращает на себя внимание, что когда при сасаниде Хормизде IV (579—590) его полководец Бахрам Чубин очень удачно провел военные действия на территории Мавераннахра, при которых за короткое время в 588—589 гг. даже овладели Самаркандом, то для удержания областей правобережья Амударьи в подчинении в качестве далеко выдвинутого на север передового заслона против неприятеля со стороны Согда

было избрано не городище Кала-и Захок-и Марон, а крепость, название которой армянский автор передал в транскрипции как «Казбион». Она соответствует мощной цитадели бывшего крайнего южного города области Нахшеб, лежащего в 35 км к юго-западу от Карши и известного под местным наименованием Каспи, а в арабской транскрипции как Кесба.

Из разных официальных исторических источников, сведения для которых собирались в известной части в самом начале VII века (около 605 г.) для времени, предшествовавшего арабскому завоеванию Средней Азии, мы узнаем, что территория Нахшеба представляла собой равнину, что жители занимались там разведением риса, пшеницы, а также выращиванием различных плодов и что это якобы прежние земли владения Тухало (Тохаристана). Если последнее известие соответствует действительности, то, вероятно, подчинение низовьев Кашкадарьи Тохаристану не было сколько-нибудь длительным, так как археологическими наблюдениями это пока никак не подтверждается. В части политической истории имеются еще указания, что Нахшеб какое-то время признавал над собой власть Кеша, почему даже именовался «Малым Кешем» (Малое Ши), а что затем, будучи покорен, наряду с другими восемью согдийскими владениями, самаркандскими правителями, династия которых вела свой род от кангюйского дома, вынужден был признать свою зависимость от Самарканда.

В числе крупных событий VII в., не прошедших бесследно для Нахшеба, имели место падение в 657 г. западного тюрского каганата, распад к концу столетия обширной Канской конфедерации, после чего Самарканду подчинялись только Маймург, Иштихан и в какой-то степени Кеш с Нахшебом. Но особенно должны были отразиться на Кала-и Захок-и Марон крупные события начавшегося вторжения в Среднюю Азию войск арабского халифата, что, несомненно, будет установлено при археологических раскопках руин этого городища.

В изложении связанных с арабским завоеванием деталей средневековые арабские историки, составлявшие свои сочинения вообще несколько позднее описываемых ими событий, упорно употребляют термин Несеф вместо Нахшеб. Лишь в трудах более поздних авторов таких, как Якуби, составившего свой труд в 891 г. или писавшего почти сто лет после него Макдиси, приводятся оба эти наименования. В частности, название Несеф прилагалось ими для обозначения города на самом берегу Кашкадарьи, который, как административный центр области, пришел на смену старому Нахшебу, находившемуся на месте Кала-и Захок-и Марон, унаследовав после его полного захирения и его имя. Термин Нахшеб употреблялся местными историками, как например, Наршахи или автором Худуд-ал-алем. Более поздние арабоязычные авторы, как Самани и Якут, приводя сперва название Несеф, затем указывали, что он называется также Нахшеб. Возможно, что употребление термина Несеф было в свое время санкционировано завоевателями

специально, чтобы вытеснить из местной топонимики ставшее нежелательным прежнее наименование. Существует домысел, будто новый термин означал местность с «мертвой водой» в смысле медленно текущей, что вообще вполне применимо к Кашкадарье. Другие специалисты считают, что его придумали арабы, просто переделав местное название «Нахшеб» в более удобное для произношения и близкое им по звучанию, образованное от глагольной основы «насафа» — «кусать». И перемена наименования, и перенесение административного центра, вероятно, были взаимосвязаны и вызваны политическими соображениями. В дальнейшем предстоит выяснить, во-первых, когда это произошло, а во вторых — не связано ли все это с мероприятиями, проводившимися халифатом вслед за подавлением самого мощного антиарабского восстания согдийцев в VIII в., которое возглавлялось Муқанной. Пока же при изложении данных средневековых арабских авторов лучше придерживаться принятых у каждого из них терминов «Несеф» и «Нахшеб», независимо от даты, когда происходило то или иное описываемое ими событие.

После того, как со второй половины VII в. арабы стали переходить Амударью и совершать грабительные набеги на Мавераннахр, несефские отряды, наряду с войсками прочих согдийских владений, вначале упоминаются в числе выступавших против вторгавшихся завоевателей. Так, в 676 г. при походе хорасанского наместника Саида, сына Усмана, нахшебцы вместе с другими двинулись на помощь Бухаре, но якобы устрешенные видом строя арабской кавалерии, от вступления в бой уклонились. Этим они вынудили правительницу низовьев Зарафшана, жену покойного бухархудата Бидуна, в обеспечение мира выдать Саиду в качестве заложников 80 человек членов семей знатных дехкан, включая родичей самих бухарских potentатов.

Когда в 698 г. наместник Хорасана Залим сын Саррока из племени азд вновь завоевал незадолго до того отпавший было от арабов Хутталь, а затем продвинулся даже до Ходженда, попутно совершив опустошительный набег на Кеш и Несеф. Однако долина Кашкадарьи оставалась непокоренной до самого начала VIII в. включительно, а окрестные просторы ее низовьев служили местом сбора тех, кто открыто выступал на борьбу с арабами. Известно, что в 701 г. наместник Иезид, при котором было всего 70 всадников арабов, неожиданно встретил в степях Несефа до 5000 неприятелей тюрков. В пору его наместничества с 701 по 704 г. недовольство населения арабскими сборщиками податей настолько обострилось, что местные правители ряда областей, включая Несеф и Кеш, предложили арабскому полководцу Мусе выступить с ними против Иезида. Не очень полагаясь на верность согдийцев и опасаясь, что после расправы с Иезидом они обратятся против него самого, Муса ограничился тем, что с их помощью изгнал из Мавераннахра всех бывших там сборщиков налогов, причем эта мера не принесла облегчения народу, поскольку сама система обложения оставалась

прежней. Обоснованность проявленного Мусой недоверия вскоре вполне подтвердилась при столкновении с возмущившимся против него полководцем Сабитом, к которому на помощь тотчас пришли отряды согдийцев из Несефа, Кеша, Бухары, Самарканда во главе с царем Согда Тархунем и осадили Мусу в Термезе. Серьезных последствий это не имело, так как после вероломного убийства Сабита Тархун вскоре же снял осаду Термеза и отступил в Самарканд.

Обстановка несколько изменилась только после появления в Хорасане Кутейбы, сына Муслима, талантливого полководца и коварного дипломата, прибегавшего к вероломству и предательству. Уже в начале 708 г. на дороге от берегов Амударьи к Бухаре ему пришлось выдержать столкновение с отрядами из Несефа, Кеша и долины Зарафшана. Несколько месяцев спустя он опять вынужден был переправляться на правый берег дарьи и в числе других районов без боя занял территорию Несефа. Однако это еще не было прочным присоединением ее к владениям халифата, что произошло лишь в 710 г., когда после завоевания Шумана арабами снова были оккупированы Кеш и Несеф. В последнем Кутейба останавливался затем по возвращении из Бухары. Во всяком случае, в 713 г. нессефцы вместе с жителями Кеша, Бухары и даже Хорезма, на приведение которого к покорности были затрачены два года, сражались уже на стороне Кутейбы, выставив требовавшееся от них количество воинов. Но и после его смерти, сопровождавшейся в Мавераннахре падением авторитета власти халифата, долина Кашкадарьи не выпадала из внимания арабов. Они то объединяли управление ею вместе с Бухарой и Самаркандом в одних руках, как это имело место в 716 г., когда эти области были поручены Муавии, сыну бывшего наместника Хорасана Иезида, то выделяли Несеф и Кеш отдельному лицу, как например, в начале 20-х годов, когда туда правителем был направлен Наср, сын Сейяра. Вызвано это было тем, что нессефцы вместе с шашцами и ферганцами входили на положении союзников в состав войск ярого противника арабов, тюркского хакана, по прозвищу Аму Музахим («Отец бодающих»), нанесшего на берегах Сырдарьи тяжелое поражение Муслиму ибн Абу Саиду (723—724). В эту пору в ряде военных предприятий, направленных против завоевателей, фигурирует правитель Кеша и Несефа Ашкенд, носивший старинный титул испехбеда. Так, когда на помощь упомянутому Муслиму выступило крупное подкрепление во главе с новым наместником Асадом, сыном Абдаллаха, Ашкенд всячески старался не допустить его переправы через Амударью, хотя в конце концов арабы с большим трудом все же перебрались на правый берег реки и дошли до Самарканда. Некоторое время спустя Ашкенд был одним из участников выступления против возглавлявшегося Котаном ибн Кутейбой авангарда армии очередного наместника Хорасана Ашраса ибн Абдаллаха (727—730), который в процессе тщательной подготовки к походу против согдийцев впервые организовал у арабов

тяжелую кавалерию (рабита). Успешное нападение на этот арабский авангард, насчитывавший до тысячи воинов, было произведено испехбедом вблизи Кеша, и в результате Котан ибн Кутейба был лишен возможности продвинуться вперед. Правитель Кеша и Несефа не изменял своим союзническим обязательствам и позднее. В эти годы арабы как раз делали попытку объявлять газават, т.е. всеобщую войну против неверных Мавераннахра. Когда весной 731 г. это задумал осуществить Сурра ибн Хурра, овладевший со своим десятитысячным отрядом Самаркандом, в войсках окружившего его в этом городе хакана находился и Ашкенд во главе своих воинов. Он пошел на то, что содействовал угону скота и опустошению принадлежавшего ему района к югу от гор близ дороги, связывавшей долину Кашкадарьи с Самаркандом, по которой летом того же года на помощь осажденным в этом городе арабам спешил продвинуться ставший наместником Хорасана Джунейд. Последний решил тогда идти по другому пути. На ней в результате неожиданного нападения в узком горном ущелье объединенных войск хакана, самаркандского ихшида Гурека и Ашкенда его армия, насчитывавшая до 27 000 человек была обращена в бегство и попала в затруднительное положение. Чтобы выйти из него, Джунейд для отвлечения главных сил противника вызвал из Самарканда Сурру, которому вскоре же нанесли в поле полное поражение сам Абу Музаххим, Гурек и Ашкенд.

Насру ибн Сайяру, после очень дипломатично проведенной реформы налоговой системы, заключавшейся в упорядочении сбора налогов, в уменьшении хараджа и в освобождении новообращенных мусульман от подати джазия, отныне вносившейся только «неверными», удалось привлечь симпатии довольно большого контингента мавераннахрских мусульман. В результате, когда в 739 г. был объявлен поход против Шашского правителя, у которого нашел прибежище возмущившийся арабский военачальник Харис ибн Сурейдж, перешедший на сторону согдийских дехкан и выступивший против Омейядских халифов, как якобы нарушающих предписания корана и сунны, Насра поддержали, в числе прочих местных адептов ислама, мусульмане Несефа. Тем не менее полного умиротворения в стране завоевателям не удалось достичь никакими мерами до самого конца VIII в. включительно, хотя они оставили в каждом сколько-нибудь крупном селении своего местного михтера, приставив, однако, к нему для осуществления власти мелкого чиновника из арабов с титулом «эмир». Отчасти такое неустойчивое положение зависело от того, что в самой арабской среде здесь, на далекой окраине халифата, постоянно происходило брожение и неоднократно делались попытки «отложиться» от него, велись крупные политические интриги и время от времени вспыхивала межплеменная рознь. Область Нахшеба не была в стороне от всего этого. В частности, пропаганда аббасидского движения за свержение власти династии Омейядов началась тут, как и в некоторых соседних районах Мавераннахра, задолго до появления в

745 г. в Хорасане Абу Муслима, а именно, как уже отмечено, еще в 30 годах. Когда же Абу Муслим в 747—748 гг. открыто поднял свое восстание, то среди присоединившихся к нему сторонников были также люди из Кеша и Несефа.

В конце VIII в. Несеф оказался в самой гуще крупнейшего антихалифатского и антифеодального движения, поднятого мервским уроженцем Муканной. Женатый на его дочери араб по происхождению Абдулла, сын Амра, согласно распоряжению бежавшего из багдадской тюрьмы своего тестя, покинул Мерв, переправился через Амударью, прибыл в долину Кашкадарьи и появился в Несефе и в Кеше. Здесь среди городского и сельского земледельческого населения пропаганда, носившего свободолобивый налет учения Муканны с его направленностью против всей системы арабской власти, имела наибольший успех. Первыми, активно выступившими адептами, как казалось современникам «новой религии», базировавшейся на старых верованиях и проповедях Маздака, оказались жители крупного тогда селения, а позднее города Субах, или Саубах, развалины которого под названием Улюктепе — «Мертвое тепе», как установлено нами, находятся теперь на дороге из Карши в Гузар в 8 км к северо-западу от последнего. Они восстали во главе со своим михтером Амром, убили тамошнего арабского амира и открыто заявили о присоединении к «новому пророку» Муканне. Вскоре после захвата Саганиана брат Муканны Джамхур овладел городом Нахшебом, жители которого сдали его без сопротивления. Но с убежавшими дехканами, захватившими с собой свое имущество, у восставших произошло жаркое сражение за стенами города. Некоторое время спустя местные феодалы, нашедшие в борьбе со своим народом союзников в лице арабов, подойдя к Нахшебу с большим войском во главе с богатым дехканином Ахмедом Муди, захватили город и жестоко расправились с восставшими, причем Джамхур и другие предводители были повешены. Даже после того, как почти семнадцать лет спустя Муканна, видя провал своей деятельности, покончил жизнь самоубийством в горах Кеша, а вновь назначенному наместнику Хорасана Мусейябу, сыну Зухейры (780—783) удалось с большим трудом подавить силой оружия это восстание, ставшее для Мавераннахра всеобщим и грозившее самым основам халифата, жители Несефа и Кеша, которых насильно заставили принять ислам, продолжали открыто проповедовать учение Муканны. Ожидая его «второе пришествие» на землю, они в конце VIII столетия активно призывали к войне против арабов. Позднее секта людей, уже только тайно исповедавших учение Муканны, продолжала нелегально существовать в окрестностях Несефа и Кеша не одно столетие.

Как только в 806 г. в Самарканде вспыхнуло новое и последнее движение против халифата, мы снова видим присоединившихся к нему несефцев. Они просили военной помощи у возглавившего его араба, внука известного своей административной деятельностью в Хорасанской провинции Насра, сына Сейяра, Рафи, сына Ляйса.

Тот направил им своего сторонника, местного владельца Шаша с его тюрками. Как сказало на Нахшебе участие в этом восстании и как оно три года спустя было подавлено, неизвестно.

Некоторое время спустя, войдя в том же IX в. в состав, по существу, совершенно не зависимого от халифата государства Тахиридов, Несеф оказался в числе тех городов, которые подчинялись Самарканду. Экономическое положение было более или менее благополучным, насколько об этом можно судить по сумме в 90 000 дирхемов, поступивших от него в казну в виде хараджа за 826 г. и 827 г., что примерно на 1/5 меньше тогдашнего налога с Кеша. В ту пору и позднее до начала XI в. в нем, как в Кеше, Согде и Фергане в обращении находились, наряду с полноценными монетами, еще выпускавшиеся государственной властью неполноценные, так называемые «черные дирхемы мухаммеда» с чуждыми исламу изображениями как на былых монетах бухархудатов. Известно также, что в первой половине IX в. в Несефе были отстроены происходившим из нахшебского селения Косан шейхом Абу Абд-ар-Рахманом Муз'аза, сыном Якуба, соборная мечеть и рабат для суфиев. Улица, на которой стояли оба здания, после их появления стала называться по имени шейха-строителя.

Больше подробностей о Несефе конца IX—X вв., т.е. времени правления Саманидов, дошло до нас благодаря трудам арабских географов. Про самую область в источниках говорится, что горы (подразумеваются высокие) находились примерно на расстоянии двух дневных переходов верблюжьих караванов со стороны Кеша, а что между ней и Амударьей (Джейхуном) расположена пустыня, лишенная каких-либо гор. Единственной рекой, орошавшей рустаки Несефа, была маловодная Кешская река (Кашкадарья), к тому же в некоторые годы пересыхавшая. Тогда сады, дынные бахчи и огороды приходилось поливать водой из колодцев. При всем том большая часть возделывавшихся земель, среди которых преобладали неполивные — богарные, считалась плодородной. Отмечалось изобилие прекрасного винограда.

Хотя Несеф и лежал на большой древней Балхо-Бухарской дороге, одновременно указывается на существование действовавших торговых путей из Термеза и из Келифа на Бухару, пролежавших по западным окраинам области и миновавших ее тогдашний административный центр. Караваны дальнего следования, которым не было специальной надобности заходить в Несеф, из Келифа шли через город Бездава, а из Термеза — через город Каспи (Кесба). Поскольку развалины последнего расположены по прямому направлению в 26 км к западу, а руины Бездава (известные теперь под разными наименованиями, в том числе, как Куны-Фазли) — в 37 км к юго-западу от Несефа, использование проходивших через них торговых дорог намного укорачивало путь караванов и этим достигалась значительная экономия во времени, а следовательно и в путевых расходах. Именно в том факте, что Несеф, с точки зрения административной, очень удачно расположенный, почти в цент-

ре, зависевшей от него области с многочисленными селениями, вместе с тем оказывался несколько в стороне от торговых трасс, по которым проходила перевозка части товаров, вероятно, следует искать объяснение интенсивного развития подчиненных ему Каспи и Бездава. По данным арабских авторов, в обоих имелись свои кафедральные, т. е. соборные, мечети с минбарами, а Каспи в X в., как установлено КАТЭ по натуре, превосходил размерами свой столичный горд.

В ряде средневековых трудов утверждается, что Кешская река «пересекает город», «разделяет его» и «протекает среди города», а

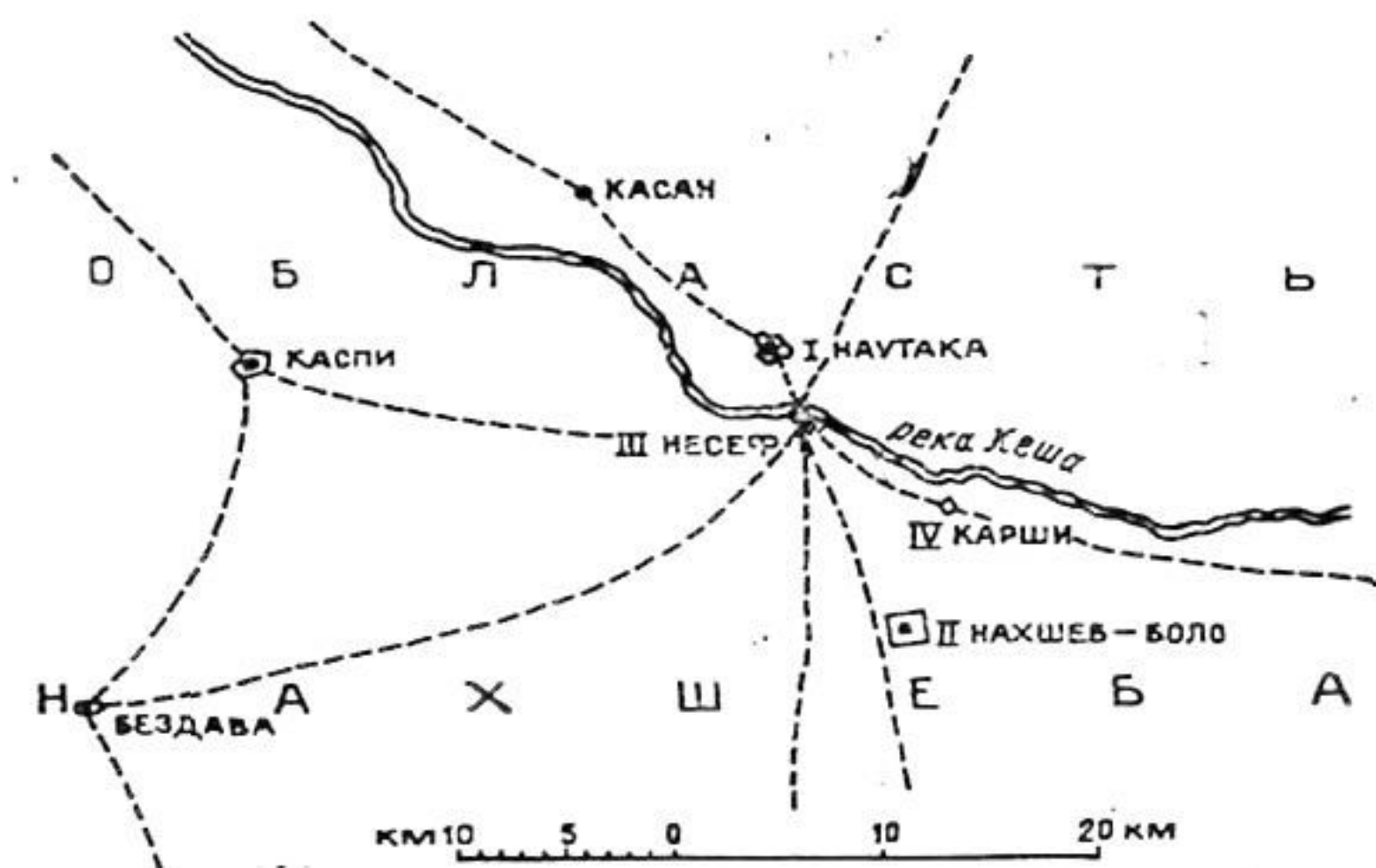

Рис. 4. Взаиморасположение разновременных четырех столиц области низовьев Кашкадарьи.

в некоторых упоминается наличие по крайней мере одного моста, очевидно, соединявшего правобережную и левобережную части Несефа. Очень характерно, что в его описаниях этого времени не применяются термины «мадина» или «шахристан», для обозначения собственно города или внутреннего города в отличие от пригородной застройки рабада, а говорится лишь, что Несеф состоит из находившейся тогда в разрушенном состоянии старой цитадели или замка кухендиза и обжитого рабада.

Последний был обнесен стеной, в которой указывается четверо ворот в сопровождении термина «баб», обычно применявшегося к воротам шахристанов в отличие от рабадов, в которых они именовались «дарб» (широкие или большие ворота). В источниках упоминаются следующие несефские ворота: Самаркандские, Кешские, Губдинские и Бухарские. Название последних в рукописях приводится с явно искаженной переписчиками пунктуацией, поэтому неверно читалось — Неджарийские. Поскольку Бухара располагалась к северо-западу от Несефа, надо полагать, что одноименные

ворота были северо-западными. Губдинские именовались по существовавшему вблизи Несефа селению, находившемуся, по одним данным — в 1 фарсах от города (то есть, по-местному, в 8 километрах), а по другим — в 2 фарсах (то есть в 16 километрах). Поскольку этот Губдин считался «верхним селением», можно думать, что ниже существовал другой одноименный кишлак. Название Губдин сохранилось в наименовании одного старого арыка в районе Каршей. Должно быть, Губдинские ворота были юго-западными. Третьи ворота, выводившие на дороги, ведущие в сторону Кеша, находились, вероятно, в юго-восточной стороне. Наконец, последние, Самаркандские, из которых выходили на наиболее удобную дорогу через Джамский перевал, очевидно, были северо-восточными.

Характерно, что для местопребывания главного администратора, правившего областью, не использовали прежнего замка — позднее цитадели, даже стоявшей в X в. заброшенной, а отстроили специальный Дор-ул-Имарат, т. е. «Дом правления», или дворец, располагавшийся на берегу, в месте, которое именовалось Рас-ал-Кантарак, т. е. «Голова моста», каковой термин можно понимать и в смысле «Главный мост». Тут же помещалась тюрьма. В другом направлении, в сторону Губдинских ворот находилась пятничная соборная мечеть. Между ней и дворцом правителя, внутри рабада, были сосредоточены основные городские базары. Место «праздничной мечети», или мусалля, где мусульманское население собиралось на молитву в два годовых праздника — курбан и фиғр, находилось возле Бухарских ворот.

Несеф, по-видимому, воспринимался современниками и как пункт, могущий играть некоторую роль в идеологической борьбе, протекавшей тогда в мусульманской среде. Известно, что в начале X в. в город прибыл происходивший из Балха, но принадлежавший к багдадской школе богословов-рационалистов — «мутазилитов», один из ее главарей, Абу-л Касим Каби, бывший еретиком в глазах ортодоксального мусульманского духовенства. Он остановился в одном из тамошних рабатов, где и вел свою пропаганду в специально устроенной для него аудитории. Употребленный при этом термин «имла» указывает, что преподавание мутазилитства, в котором разуму придавалось большее значение, чем преданию, велось здесь путем диктования. Абу-л Касим скончался в 931 г. Из Несефа происходил Мухаммед, сын Ахмеда Нахшаби (или Несефи), который был вовлечен в усилившуюся с образованием в Египте Фатимидского халифата пропаганду карматского учения, направленного против ортодоксального ислама и закрепощения земледельцев со ставкой на восстановление сельской общины. Исполняя завещание своего непосредственного учителя Хусейна, сына Али Мервези, погибшего в бухарской тюрьме, Мухаммед Нахшеби перенес свою деятельность из Хорасана сперва в свой родной Несеф, а отсюда — в Бухару. Здесь под влиянием его успешных поучений в числе прочих лиц в карматство перешел

даже самаркандский эмир Наср II (914—943), что под конец привело последнего к необходимости отречься от престола в пользу своего сына Нуха. Большая роль Мухаммеда Несефи в распространении в Мавераннахре карматских идей несомненна.

В целом Несеф характеризовался арабскими авторами большим, очень приятным, процветающим, обладающим здоровым воздухом, имевшим в этническом отношении довольно пестрый состав населения, среди которого бытовал межплеменной раздор, очевидно, поддерживавшийся не только религиозной рознью, но и рыночной конкуренцией, типичной для торгового города. В конце X в.,

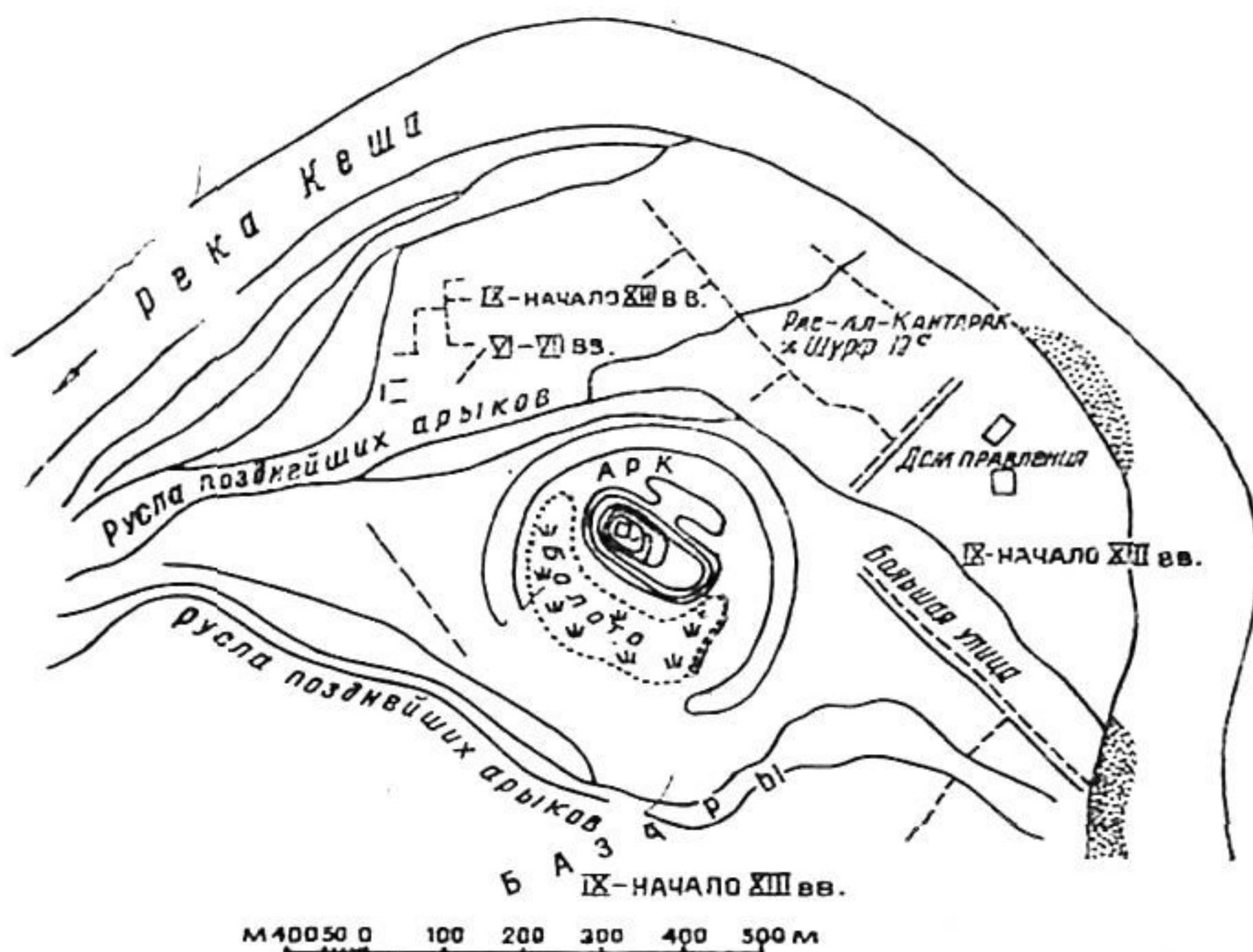

Рис. 5. Уцелевшая часть городища Несефа.

по Макдиси, Несеф называли «Драгоценным Нахшебом». Он был известен тогда выделкой хлопчатобумажных тканей.

Из политических событий времени катастрофического распада централизованного государства Саманидов около Несефа в 995 г. имели место два, достаточно показательные, насколько ослабла к тому времени власть последних представителей этой династии. Одно из них, когда против задумавшего измену полководца Фаик'а, решившего идти в Мавераннахр без согласия своего государя саманида Нуха, последним был выслан против него отряд под начальством Хаджиба Бегтузуна. Тот встретил мятежного вельможу под Несефом, но не вступил с ним в бой, а дал ему возможность беспрепятственно достигнуть владений Караханидов, где Фаик был принят весьма радушно. Второе — когда Себук-

тегин, вызванный Нухом на помощь против вскоре начавшегося нового нашествия Караханидов, выступив из Балха и расположившись со своим войском между Нахшебом и Кешом, направил отсюда главе саманидского государства приглашение прибыть к нему из Бухары и присоединиться к его армии. Тот, имея основание не доверять своему вассалу, отклонил сделанное предложение. Тогда Себук-тегин счел это подходящим поводом для открытого разрыва с Нухом, начал без него переговоры с неприятелем и заключил с ним договор, по которому караханидам уступался ряд северных земель, принадлежавших сасанидам, а новой границей между обоими государствами была признана Катванская степь у Джизака.

В составе государства караханидов в XI—XII вв., благодаря тому, что Кеш (на месте Китаба) окончательно пришел в упадок, Несеф, к которому уже несколько раньше перешла роль главного города в долине Кашкадарьи, начал заметно процветать. Этому способствовало и то обстоятельство, что теперь районы в низовьях реки стали получать за счет Кеша больше воды, которая доходила в эту пору до первой станции на пути из Несефа в Бухару, почему находившийся там Маймург стал «большим и хорошим селением». Самани во время своего путешествия в Мавераннахр, предпринятого им в 1155 и 1156 гг., чтобы собрать материал для своего труда «Китабал-ансаб» (Книга родословий), около двух месяцев провел в Несефе. Из приведенного в данном сочинении краткого текста об этом городе, кроме перечня ряда имен его уроженцев, оставивших своей деятельностью след в деле распространения или дальнейшей разработки положений ислама, явствует, что Нахшеб получил дальнейшее развитие, так как теперь в нем упоминается, видимо, уже четко оформившийся мадина или шахристан. В конце XII — начале XIII вв. Несеф признавался большим городом с многочисленным населением. До нас дошло несколько названий его кварталов и улиц; например: Бойон, Джувик, Джуйбар, Шаргиян или Джарсиян. Последняя улица получила название по поселившимся тут выходцам из селения Шарг или Джарг, расположенного в 4 фарсах от Бухары по дороге в Тававис, у арыка Санджен, через который в XII в. Арсланхан Мухаммед построил мост из жженого кирпича. По сравнению с X столетием в городской топонимике произошли некоторые изменения. Так, упоминавшаяся выше улица шейха Абу Абд-ар-Рахмана Му'аза, где и в XII в. продолжала оставаться отстроенная им в первой половине IX столетия соборная мечеть, считавшаяся теперь «древней», возможно, в отличие от другой более поздней, стала именоваться «Сиккат-аз-зуххад», т.е. «улица отшельников», очевидно, по функционировавшему на ней рабату. Возможно, о более глубоких изменениях говорит наименование улицы Дерб-и Вассаф, т.е. ведущей к воротам Вассафа, название каковых отсутствует в перечне городских ворот Несефа X в. Поскольку термин «дерб» применялся в других городах Мавераннахра этой эпохи в названии ворот пригородов, возможно, что

Дарб-и Вассаф были устроены в новой внешней стене, охватившей своим кольцом большую территорию, чем прежняя, с четырьмя воротами.

Из отдельных моментов истории Несефа XII в. в источниках упоминается сражение в 1109 г. под городом Караханида Арсланхана со вторично восставшим против него эмиром Сагырбеком, тоже происходившим из этой династии. Самаркандский правитель разбил противника с помощью своего сюзерена и покровителя Сельджукидского султана Санджара. Позднее, в 60-х годах этого же столетия в Несефе, как и в соседних областях Кеша, Саганиана и Термеза, в течение длительного времени Масуд вел настоящую войну с карлукскими отрядами, убившими перед тем Караханида Тамгачхана Ибрагима, и только после упорной борьбы здесь было восстановлено, наконец, относительное спокойствие.

Из уроженцев Несефа за этот период известен Хаким Шемс-ед-дин Мухаммед ибн Али Сузани, хотя по некоторым указаниям он родился в селении Келаш под Самаркандом. Получив образование в Бухаре, он в качестве поэта под конец жизни подвизался при дворе караханидского хана Хызра ибн Ибрахима (80-е годы XI в.). Некоторые написанные им сатиры на современных ему поэтов расценивались, как «достопримечательность эпохи». Другим популярным в свое время несефцем был ученый богослов Абу Хафс Омар Несефи, написавший в начале XII в. догматический труд, получивший широкое распространение во всем мусульманском мире. В этом сочинении автор опровергал мнение софистов о невозможности достоверного знания и философскими доводами подкреплял догматы веры.

С момента вторжения в Среднюю Азию монгол в жизни Несефа наступил этап резкого упадка. Государство хорезмшаха Мухаммеда оказалось неспособным к эффективному сопротивлению. Совершенно павший духом сам султан Хорезма, покинув в начале 1220 г. Самарканд, где, по его распоряжению, возобновлялись стены старого шахристана, направился по дороге в Нахшеб и как писал историк Рашид-ад-дин, всюду, куда он приходил, говорил своим подданным: «Выпутывайтесь сами, потому что сопротивление монгольскому войску невозможно». Когда, вслед за Бухарой, в марте того же года пал город Самарканд, откуда Джучи и Чагатай отправились в поход на Хорезм, Чингисхан вместе с другим своим сыном Тулуем и ядром монгольской армии, чтобы дать оправиться лошадям и отдохнуть людскому составу, отбыл на «луга и маргзар» Нахшеба, где и провел все лето вплоть до похода на Балх. Привольные пастбища низовьев Кашкадарьи настолько приглянулись монголам, что Чингисхан, отличавшуюся исключительной стужей зиму 1220—1221 г., которая застала его сыновей с их отрядами в районе Рея, сам со своим войском провел в пределах Несефа и отчасти Термеза.

Хотя не оказавший монголам сопротивления город Нахшеб не подвергся ни осаде, ни разрушению, но самый постой вражеской

армии на протяжении длительного времени в непосредственном соседстве с ним не мог не сопровождаться конфликтами между кочевниками-завоевателями и сдавшимся «на милость победителей» мирным оседлым населением. В первую очередь столкновения могли возникать на почве снабжения продовольствием неприятельского войска, привыкшего к мародерству, грабежу и бесчинству. Всякое противодействие его незаконным действиям вызывало ответные жестокие репрессии. Письменные источники не упоминают ни об одном из таких конкретных случаев в части Несефа, но, вероятно, подобным обстоятельством было вызвано разрушение возвращавшимися к Чингисхану из Хорезма монгольскими отрядами «Касаф'а», под каковым начертанием некоторые исследователи предлагают видеть искаженную передачу названия нахшебского Касан'а.

О самом городе Несефе за время монгольского владычества нет упоминаний в письменных источниках, хотя там приводятся сведения о том, что область Нахшеба не раз избиралась правителями из монгол в качестве места их пребывания. Так, например, было, при Угедее (1227—1241), когда оседлым мусульманским населением Мавераннахра от имени «великого хана» управлял хорезмиец по происхождению Махмуд Ялавач, в 30-х годах в Бухаре правителем был Чисанг-Тайфу, в Самарканде — Бука Нуша, а в Нахшебе на положении местного правителя пребывал монгольский военачальник Хазар Бука. Долине Кашкадарьи монголы придавали особое значение. Здесь, между прочим, резидировал Баракхан. Отправившись в 1269—1270 гг. в поход за Амударью, он нашел нужным оставить вместо себя в Нахшебе и Кеше своего сына Бек-Тимура. Показательно также, что когда в конце 1272 г. войска персидских монгол по распоряжению Хулагу-хана вторглись в принадлежавший Чагатаидам Мавераннахр для захвата Бухары, они, переправившись через Амударью, прежде всего несколько раз совершали грабительские набеги на Нахшеб и Кеш. Только предав эти области, служившие базой местным Чагатаидам, опустошению, они в январе 1273 г. двинулись на осаду Бухары.

Таковы в общих чертах письменные известия о феодальном городе Несефе, на который перешло старое название Нахшеба и который прекратил свое существование, видимо, некоторое время спустя после вторжения в Среднюю Азию полчищ Чингисхана. Известно, что уроженец находившегося в окрестностях Несефа селения Варсин, Абу-л Харис Асад, сын Хамдуна ал Варсини, скончавшийся в 927 г., написал посвященную долине Кашкадарьи «Книгу о соперничестве людей Кеша и Несефа», а в XI в. Абу-л Аббас Джафар, сын Мухаммеда ал Мустагфири, автор «Истории Самарканда», умерший в 1041 г., составил двухтомный труд о замечательных людях города Несефа, которых он распределил по восьмидесяти категориям. Рукописей ни того ни другого сочинения до сих пор нигде не обнаружено. Тем большее значение для

выяснения прошлого Несефа имеет археологическое изучение самих развалин этого города. Они расположены в основном на левом берегу круто изогнутой излучины Кашкадарьи, всего в 2,5 км к юго-востоку от Ер-кургона и в 8 км по прямому направлению к северо-западу от Карши. Возвышающийся среди них высокий холм бывшего замка-цитадели слывет среди окрестных жителей под названием Шуллюк-тепе («Бугор пиявок»), так как в постоянно держащейся воде в низине у тепе и в окрестных арыках водится масса этих кольчатых червей. Это наименование известно в первой половине XVIII столетия, и в произношении прорвавшихся тогда в долину Кашкадарьи казахов как «Шулдук» употреблено для обозначения «нахшебской крепости» историками, описывавшими действия в районе Каршей в 1737 г. персидских войск под командованием Риза-Кули мирзы, сына Надир-шаха.

Уже в 1883 г. проезжавший здесь в Бухару чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе, писатель В. В. Крестовский, в одном таше (равном примерно 8 км) от Карши, неподалеку от кишлака Шуллюк и почти слившегося с ним своими садами селения Нидру Мудун отметил оставшиеся для него неопознанными «развалины древнего города Шуллюк». Минувя их, не останавливаясь, по впечатлениям из двигавшегося экипажа он привел в своем дневнике самое общее и далеко не точное их описание, упомянув цитадель, валы, принятые им за остатки стен города, бугры, которые счел за руины башен. Ему казалось, что город был выстроен «по общеазиатскому типу» и представлял собой в плане «два концентрических четырехсторонних пояса», отстоявших один от другого на расстоянии 400 шагов. Внутренний пояс представляла цитадель, наружный — городская стена, а в пространстве между ними теснились жилища горожан и базары.

Побывавший в 1895 и в 1910 гг. в Карши офицер-художник Б. Н. Литвинов писал о развалинах Шуллюк-тепе как о старом городище, где окрестные жители добывали для своих нужд хорошего качества жженые кирпичи, а попутно собирали с поверхности и извлекали из земли различные предметы древности в виде монет и утвари. Их они продавали антикварам-скупщикам на каршинском базаре, а те с большой выгодой перепродавали любителям старины. Особенно интересно упоминание, как в 1905 г. местные пастухи в надежде отыскать на Шуллюк-тепе клад, раскопали там небольшую сводчатую комнату, стены которой, по их словам, были облицованы кафельными плитками. Посреди же комнаты на полу оказалась большая бронзовая ступка весом в 17 фунтов, украшенная резьбой, с заполнением линий узоров разными металлами.

Многое из того, что сообщил Б. Н. Литвинов, повторил позднее в одной из своих книг офицер пограничной стражи Д. Н. Логофет, который посетил Карши в первом десятилетии XX столетия, когда там резидировал, будучи наследником бухарского престола, ставший в 1910 г. последним эмиром из династии Мангыт Олим. По

словам Д. Н. Логофета, в окрестностях Шуллюк-тепе на значительном пространстве попадались тогда остатки фундаментов древних строений и валялись изразцовые кирпичики различных цветов.

Хотя Шуллюк-тепе при своих служебных разъездах по Бухарским владениям осматривал известный любитель археологии главный инженер Туркестанского военного округа генерал-майор И. Т. Пославский, это прошло совершенно бесследно для науки. Первую археолого-топографическую разведку самого городища без производства каких-либо земляных вскрытий осуществил летом 1916 г. ориенталист Л. А. Зимин. На основании учета данных письменных первоисточников он опознал в развалинах остатки города Несефа; сделал краткое их описание, не обнаружив никаких следов стен вокруг городища, пришел к заключению, что это «вполне не соответствует описанию Нахшеба у арабских географов X в.», хотя сам же привел их сведения о названиях городских ворот, и, наконец, наметил для себя, не сообщив, где именно, место будущей раскопochной площадки, чтобы вскрыть остатки предполагаемого дома правителя.

Начало археологическим раскопкам на городище Несефа было положено уже в советское время С. К. Кабановым, приступившим к его изучению в 1946 г., а в следующем году заложившим шурфы на нижней платформе тепе и на валу с северной стороны. Весной 1965 г. развалины Нахшеба посетили участники Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета в составе М. Е. Массона, археологов С. Б. Лунинной, З. И. Усмановой, Б. В. Кочнева, Г. Я. Дресвянской и группы студентов. Тогда же в 250 м к северо-востоку от тепе в середине восточной части городища был заложен археолого-стратиграфический шурф.

Название Несеф, в форме Несеп, до сих пор бытует в живой речи здешнего населения. Прозвище «ал-Несефи» («несефец», т. е. родом из Несефа) еще в начале XX столетия присоединяли к своему имени некоторые искусные мастера-ремесленники и кое-кто из лиц духовного звания, уроженцы Карши, на каковой пункт давно было перенесено это наименование бывшего главного города шивъев Кашкадарьи. Но даже старики, носители местных преданий, совершенно не знают далекого прошлого городища Шуллюк-тепе.

Чтобы восполнить этот пробел в своих исторических представлениях, из уст в уста передавалась легенда, будто в давние времена на неверья (т. е. до принятия ислама) Кашкадарья была и многоводнее и глубже. Служила она тогда якобы рубежом двух владений, расположенных друг против друга на обоих ее берегах. У правителя левобережного южного владения, обитавшего в своем высоком трудноступном дворце на Шуллюк-тепе, подросла красавица дочь, которую он поселил уединенно в отдельном замке. У правителя владения по северную правобережную сторону реки был в ту пору неженатый, удалой и пригожий сын. И шла о моло-

дых людях такая молва, что те за глаза влюбились друг в друга, но старая вражда их отцов служила непреодолимым препятствием тому, чтобы они соединили свои судьбы, к чему оба день ото дня стремились все неудержимей. Отец красавицы решительно заявил, что пока он жив, не отдаст дочери в жены сыну своего исконного врага.

По наущению удалого юноши началась длительная упорная война между обоими правителями. Хорошо был укреплен город владетеля Шуллюк-тепе. Не могли взять его силой враги. Много месяцев безуспешно тянулась осада. От ставшего невыносимым ожидания красавица решила выдать своему возлюбленному тайну, где можно было перепрудить многоводную тогда дарью, чтобы отвести воду от города и тем принудить осажденных к сдаче. Получив это уведомление, враги поступили по сообщенному им совету. Жители города сдались. Но его гордый правитель мужественно сражался до последней возможности и пал мертвым под ударами мечей противников у ворот своего дворца.

Не стало препятствий к заключению долгожданного брака. Однако в душу юноши вдруг запала смутная тревога. Терзаемый сомнениями, мчится он с поля битвы к замку своей давно нареченной невесты. Там впервые увидел он перед собой уже поджидавшую его писаную красавицу.

Совладев с охватившим его волнением, он прервал молчание и задал ей, наконец, только один заготовленный по дороге вопрос:

— Чем кормил тебя твой отец?

— Мозгами певчих птиц,— последовал ответ.

Со словами: «Раз ты предала такого отца, ты изменишь и мне» ринулся юный вперед и зарубил красавицу одним ударом.

Не помнят люди ее имени, а находящиеся неподалеку от Шуллюк-тепе заброшенные с той поры и совершенно оплывшие руины замка красавицы просто называют «Кыз-тепе», т. е. «Девичий бугор».

Смутным преданием дошли обрывки несколько иных представлений о старом Нахшебе. В памяти людей запечатлелось имя Чингиль. Он был якобы правителем Шуллюк-тепе, но одновременно владел другим замком, который находился на противоположном берегу Карадарьи на месте бугра Кышкурган. Некогда оба они были будто бы окружены одной стеной, которая охватывала территории и на правом и на левом берегу реки, но не включала участка современной молочной фермы. Базар же Несефа, по мнению нынешних окрестных жителей, располагался в древности к северу от Шуллюк-тепе.

Археолого-топографическое изучение Несефа на месте сталкивается с рядом трудностей. Нет никаких оснований сомневаться в показаниях арабских географов, что в X в. река протекала через город, и таким образом он оказался расположенным на обоих ее берегах. В этом отношении, помимо упоминания моста через дарью, особенно важно засвидетельствованное арабскими геогра-

фами расположено около него на берегу реки «дома правления», т. е. главного административного центра. Поскольку Кашкадарья у Шуллюк-тепе большую часть года полубезводна и абсолютно легко проходима, то, если бы Несеф был расположен лишь на ее левом берегу, едва ли «дом правления» поместили на самом краю города, а не отстроили бы ближе к центру в районе цитадели. При всем том сумма всех археологических наблюдений убеждает, что главная часть Нахшеба располагалась именно по левобережью. На ее окраины, равно как и на правобережную часть, на протяжении веков со всех сторон надвинулись культурные земли, при обработке которых не только оказались сглаженными на значительной площади оплывшие валы городских стен и поверхность многих участков рабада, но полностью уничтоженными верхние культурные слои. Только путем упорного труда, тщательного наблюдения из года в год при счастливых обстоятельствах можно будет в разных местах установить пределы городской застройки. Что же касается центральной части, то ее пересекают теперь пять выведенных из Кашкадарьи в пределах городища позднейших магистральных каналов, которые имеют здесь девять русел и по обоим берегам которых накоплены огромные валы земли, набросанной при производившихся в течение столетий чисток сильно заиливающихся в местных условиях арыков. В результате очень изменен археологический микрорельеф, а при прокопке глубоких русел разрушены в той или иной мере даже нижние культурные слои. Кроме того, в северо-восточной части при эмирате велась добыча селитры для изготовления пороха частям бухарской армии. В связи с этим в ряде мест поверхностный слой сгребли в кучи, дополнительно калеча и тут не затронутый при ирригационных работах археологический рельеф.

Организующим ядром Несефа служил замок, стоящий почти в центре дуги, образуемой большой излучиной Кашкадарьи и имеющей радиус около 700 м. В плане его руины представляют теперь вытянутый с северо-запада на юго-восток, большой, продолговатый, заovalенный бугор Шуллюк-тепе. Длина его в основании около 180 м, ширина — до 90 м. Замок начали возводить на малообжитом месте, и земля для его платформы, оборонных стен и построек, выведенных из пахсы и сырцовых кирпичей, бралась почти со всех прилежащих сторон, почему вокруг не просто оказался ров, а образовалась заниженная обширная площадь. С течением времени она постепенно увеличивалась и углублялась за счет выемки земли, требовавшейся при всяком новом строительстве на территории замка. Очень вероятно, что в основании Шуллюк-тепе находятся остатки укрепленной усадьбы поры рабовладельческого общества, развалины которой в средние века использовали при сооружении над ними новой платформы для замка одного из местных феодалов. По археологическим находкам это произошло, видимо, в VI в. После того, будучи сперва резиденцией местного феодала, а вскоре после завоевания арабами Средней Азии вы-

полняя на протяжении некоторого времени функции цитадели, замок подвергался ремонтам, переделкам, надстройкам, не меняя, однако, основной планировки, которая определялась тремя частями. Нынешний юго-восточный шлейф Шуллюк-тепе занимал большой, высокоприподнятый на платформе укрепленный двор с разного рода постройками. Отсюда по изогнутому в два марша пандусу попадали на еще более высокую, также укрепленную, но меньшую по размерам площадку, в северо-западном конце которой уже располагалась башня-донжон и личные апартаменты владельца. Наиболее парадные из последних имели настенную художественную роспись, нанесенную по глиняной штукатурке на белом фоне красными и черными красками. Об этом можно судить пока лишь по открывшимся в промоине северного фаса фрагментам на внутреннем углу одной из комнат, где окаймленные бордюром с растительными элементами видны изображения гранатового дерева с плодами и часть какой-то человеческой фигуры.

Среди развалин многочисленных замков в низовьях Кашкадарьи Шуллюк-тепе — самый крупный и самый высокий объект, но ему далеко в фортификационном отношении и по размерам до подлинных цитаделей упоминавшихся нахшебских городов Каспи и менее крупного Бездава, не говоря уже о Кала-и Захок-и Марон. Максимальная высота оплывшего бугра Шуллюк-тепе в северо-западной части сейчас около 25 м, и в свое время, когда здесь высилась еще башня донжона, последняя обеспечивала в качестве наблюдательного пункта достаточно далекую видимость во все стороны долины. Судя по самой ориентации замка, в момент его сооружения наиболее угрожаемым направлением, откуда прежде всего можно было ожидать военных осложнений, считалось северо-западное и, следовательно, самыми опасными потенциальными врагами здешнего владельца признавались тогда правители Бухары из династии бухархудатов. Это положение продолжало оставаться до самого арабского завоевания, насколько об этом можно судить по следам разновременных реконструкций замка и употреблявшимся при этом строительным материалам. Даже в последний период его существования на разных этапах применялись различные крупные продолговатые сырцовые кирпичи от $40 \times 27 \times 10$ см до $33 \times 18 \times 8$ см. То же относится к паховым кладкам вершины бугра, которые имеют разную высоту ярусов от 30—33 см до 50—58 см. Встречаются единичные экземпляры жженных кирпичей $33 \times 18 \times 8$ см.

Нельзя не считаться с единодушным показанием авторов, писавших на протяжении X в. от начала и до конца столетия, что в их время цитадель Несефа или кухендиз, как они именуют бывший замок, находилась уже в заброшенном состоянии. Вероятно, такое положение явилось одним из последствий мероприятий арабских властей в отношении к местному населению после подавления потрясшего халифат восстания, возглавленного Муканной, со времени которого нахшебцы расценивались как неблагонадежный элемент. Обживался ли как-либо Шуллюк-тепе в XI — начале

XIII в., до производства археологических вскрытий, решить нельзя. Попадающиеся на поверхности отдельные фрагменты керамики этого времени могут быть связаны с эпизодическими посещениями бугра разными лицами. Немногие же черепки грубой глиняной утвари XVIII в. следует, вероятно, относить к той беспокойной кризисной поре, когда обитатели ближайших селений, как-то подновив разрушившиеся стены бывшего замка, пытались искать за ними защиту от случайных нападений, но в 1738 г. все же были порублены тут войсками персидского отряда Риза-Кули мирзы.

Что касается раннесредневекового поселения, то оно сложилось в непосредственной близости от замка, под его прикрытием и в основном к востоку от него, где остатки строений прослеживаются на расстоянии до 0,5 км в обнажениях левого берега реки. К обнаруженным на городище в разных пунктах объектам археологического инвентаря VI—VIII вв. относятся фрагменты керамических сосудов с круглого сечения витыми ручками; глиняных горшков, венчики которых покрыты процарапанным орнаментом; таких же крышек с вдавленным орнаментом, жаровен, корчаг-хумов и т. п. Наконец, типичные для эпохи клинчатой формы жженые кирпичи, употреблявшиеся при устройстве арочных сводов эллиптических очертаний. Стратиграфический шурф, заложенный метрах в 250 к северо-востоку от самой высшей точки замка и в наиболее пониженном месте вообще очень густой средневековой застройки, дал незначительной мощности культурный слой этого времени на глубине около 2,5 м, причем ниже его подстилала речные отложения, а выше от слоев IX — начала XIII в. его отделяла небольшая толща земли, как бы намекающая на перерыв в обживании.

Арабское завоевание как будто затормозило на время развитие этого крупного поселения или небольшого еще тогда городка, который, по данным археологического наблюдения, снова начал интенсивно жить с IX в. Показательно, что именно в начале этого столетия появилось в Несефе здание соборной мечети из жженого кирпича. Как ни исковеркан археологический микрорельеф городища, все же налицо явные признаки, что наиболее застроенными были территории к северу, востоку, а отчасти более разреженно к югу от замка и что усмотренные по отрезкам улицы имели направление в основном с северо-запада на юго-восток и с северо-востока на юго-запад. Так, прослеженная нами на протяжении почти 400 м большая улица, отходя, видимо, от главной рыночной площади, находившейся к востоку от замка, тянется в юго-восточном направлении и подводит к спуску в пойму реки. Несомненно, это была одна из четырех главных уличных магистралей, подходивших к Кешским воротам, по которым и носила название, как это было в ту пору в других городах Средней Азии. За воротами начинались дороги в сторону Кеша, кратчайшая из которых была проложена по правому берегу Кашкадарьи, но одновременно функционировал путь по левому берегу через кешский город Наукад-Курейш, находившийся, как установлено КАТЭ, близ современного селения Чим.

Сделанные наблюдения об относительной регулярности основной планировки Несефа, которая местами явно нарушалась (в частности, в 350 м к северо-западу от замка на позднее обжитой территории), позволяют высказать некоторые соображения об относительном положении трех остальных ворот рабада X в. Большая улица к Самаркандским воротам, по-видимому, отходила от упомянутой базарной площади в северо-восточном направлении, так как затем она должна была перейти в служившую ее прямым продолжением, как отмечалось выше, наиболее оживленную дорогу в сторону земель по среднему течению Зарафшана и Самарканда через Джам. Сами ворота должны были быть устроены в фасе стены на правом берегу Кашкадарьи. Эта улица прерывалась большим мостом через реку, около которого находился административный центр Несефа, включавший «дом правления» и тюрьму. Развалины каких-то двух зданий с четкими прямоугольными планами видны и сейчас примерно в 100 м от обрывистого берега дарьи. Улица к Бухарским воротам явно вела в северо-западном направлении, как и сама дорога, в главный город низовья Зарафшана. Около ворот располагалась упоминавшаяся уже соборная мечеть, которая по самому своему назначению не могла быть очень удалена от центра. Между мечетью и домом правления тянулась полоса базаров. Сопоставляя эти показания арабских авторов с данными археолого-топографического наблюдения, нельзя не прийти к выводу, что стена рабада с этой стороны не очень далеко отстояла от замка, а от ворот до излучины реки еще оставалось некоторое пространство. Четвертые Губдинские ворота в сторону дороги на Келлиф находились на улице, шедшей в юго-западном направлении. Тут остатки строений в виде бугристых всхолмлений и средневековая глазурованная керамика были встречены в довольно значительном количестве почти в 800 м к югу от замка. Надо думать, что городская застройка, а следовательно и охватившая их в какой-то мере стена рабада с Губдинскими воротами были удалены от центра города больше, чем в других направлениях. Здесь же находилась мечеть Намазгох. При всем том намечающаяся площадь Несефа все же значительно меньше, чем, как установлено нами, у города Каспи. По сравнению с другими среднеазиатскими городами, продолжавшими существовать на одном и том же месте очень длительное время, мощность культурных слоев самого несефского городища, не считая Шулюк-тепе, относительно невелика. Так, в обресе берега Кашкадарьи в 500 с лишним метрах к востоку от замка она достигает около 4 м, охватывая время с VI в. до начала XIII в. включительно. Над уровнем прилегающей части современного сухого русла реки нижние культурные слои приподняты примерно на 2 м.

Несмотря на то, что городище Несефа не одно столетие служило местом добычи жженных кирпичей, особенно для нужд Карши, их кусков и даже целых плиток до сих пор немало валяется на его поверхности. Среди них преобладают ранние средневековые

маломерки от 18 до 23 см в стороне толщиной от 3,5 до 4,5 см. Из более поздних есть квадратные $27 \times 27 \times 5$ см и типичные для XI—XII вв. продолговатые (от $28 \times 15 \times 3,5$ см до $34 \times 17 \times 6$ см и др.). В числе фигурных попадаются мелкие треугольные плитки и крупные шестиугольные для выстилки полов в парадных помещениях. В 1965 г. был поднят голубой изразец XII в. плохой сохранности, имеющий толщину до 8,5 см. На местное производство жженных кирпичей указывают значительное количество деформированных при неудачном обжиге плиток, иногда спекшихся по несколько штук или доведенных до зеленого перекала, а также куски ошлакованных стенок от самих кирпичеобжигательных печей.

Обращает на себя внимание наличие изделий из камней разных пород вплоть до крупных плоских каменных плит из ракушечного известняка (толщиной до 8 см) и жерновов. Самый большой из них с отколотым краем лежит в 250 м к северо-востоку от замка, сделан из зеленого песчаника и имеет при толщине в 20 см внешний диаметр в 1,22 м, а диаметр центрального отверстия — 15 см.

Производство разнообразной керамической утвари осуществлялось в разных частях Несефа, на что указывают находки таких предметов печного припаса, как крупные и мелкие штыри, трехлапчатые прокладки «сипая» грубоватой лепки, керамические шлаки и другие следы самих горнов-хумданов. Продукцией их являлись карчаги-хумы, водоотводные трубы-ксбуры, крупные подносы «дастарханы», кувшины, крышки, светильники-чираги, разнообразные глазурованные чашки, блюда, специфические сфероконические сосуды «симобкузача», служившие для перевозки и хранения ртути и различных ароматических веществ. С точки зрения художественной, местная керамика не отличалась особым мастерством, хотя несефские куляли, по-видимому, пытались выпускать даже люстровые сосуды. Об этом свидетельствует найденный в 1965 г. кусок толстостенного кувшина (имевшего в целом виде до 15 см в диаметре). Он покрыт по белому фону коричневыми орнаментами, а также безграмотными имитациями надписей, представляя вообще грубо выполненное подражание дорогим импортным предметам этой категории. Встреченные ладошкообразные железные крицы и кусочки медных шлаков указывают на наличие в Несефе ремесленников по обработке этих металлов, а дугообразные закраины плоских стеклянных дисков бледно-зеленого цвета — на употребление в домах зажиточных горожан оконных стекол, кусочки которых вставлялись в орнаментальные гнезда алебастровых панджара.

Не считая отдельных черепков XVIII—XIX вв., весь комплекс находимых на поверхности городища наиболее поздних по времени предметов археологического инвентаря, в частности, обилие фрагментов тонкостенной и грубой керамики с голубой поливой, столь типичной для конца XII — первых десятилетий XIII в., наглядно свидетельствует, что полнокровная жизнь Несефа навсегда прекратилась, видимо, не позднее второй четверти XIII столетия и это связано было именно с монгольским завоеванием.

КАРШИ

Карши — это монгольское название; на монгольском языке оно обозначает «гур-хана».

Бабур, конец XV — начало XVI вв.

Новым административным и торговым центром низовьев Кашкадарьи, появившимся на смену заброшенного Несефа и еще раньше опустевшей Кала- и Захок-и Марон, сделался расположенный от Шуллюк-тепе по прямому направлению всего в 8 км к юго-востоку город Карши. Его возвышение связано с эпохой, когда в среде Джагатаидских правителей Мавераннахра окончательно взяло верх представление, что нерационально рассматривать своих оседлых подданных, особенно проживающих в городах, лишь как могущих обеспечить монгольским воинам богатую добычу при их ограблении и что в общегосударственных интересах для поднятия экономики целесообразнее оказать поддержку в развитии земледелия, ремесел и торговли. Именно на такой путь решительно встал со второго десятилетия XIV в. хан Кепек (1318—1325), уже с первых лет правления проведший весьма плодотворные реформы по новому административному устройству и упорядочению денежного хозяйства. Хотя он оставался язычником и продолжал, как и его предшественники, кочевать в нахшебских степях, однако по его распоряжению в 2,5 фарсах от Несефа был якобы отстроен дворец, как писал около ста лет спустя историк Тимура, Шереф-аддин ал Иезди, а после смерти этого хана его предали погребению в мавзолее мусульманского типа.

Неизвестно, когда точно сложился город Карши. Историческая традиция связывает это именно с деятельностью Кепека, базируясь на том, что самый термин «карши», по всей вероятности, заимствованный уйгурами от одного из местных языков Восточного Туркестана, а позднее через них перешедший в употребление к монголам, означает «замок», «дворец» «Алтун-карши», т. е. «золотым карши» именовалось место, где ханы держали совет со своими приближенными. Вместе с тем известный Тимурид и основатель династии Великих моголов в Индии Бабур в своих записках отмечал, что на монгольском языке «карши» — это «гур-хана», т. е. усыпальница-мавзоль, и что, вероятно, это наименование появилось после завоевания Мавераннахра Чингисханом. Возможно, что термин «карши» имел два значения, подобно слову «сарай», кото-

рое в Средней Азии с поры монгольского нашествия применялось, во-первых, для обозначения дворцов как мест официального обитания светских правителей, во-вторых, их парадных усыпальниц в виде самостоятельных мавзолеев и, в-третьих, употреблялось в качестве наименования отдельных помещений в зданиях с могилой видного духовного лица, признанного «святым». Например «Акса-рай» — великолепный дворец Тимура в Шахрисабзе; «аксарай» — богатая тимуридская усыпальница потомков Абу Саида в Самарканде близ Гуримира и «аксарай» — одно из угловых купольных помещений в здании огромной усыпальницы Хазрет Ахмеда Ясави в городе Туркестане. Вполне допустимо, что название Карши унаследовано или от дворца Кепека, или от наименования его мавзолея. Учитывая же, что на протяжении столетий за Каршами удерживались названия Несеф и Нахшеб, можно думать, что город, заменивший лежавший в развалинах старый Несеф, в первые годы своего основания не только воспринимался как «Новый Несеф» или «Новый Нахшеб». Должно быть, прошло немало времени, пока название Карши стало более или менее общеупотребительным.

Во всяком случае, он именуется Нахшебом в сочинении Ибн Батуты, который посетил его в 1333 г. и который здесь, в окрестностях, застал брата и преемника Кепека, хана Тармаширина. Этот известный арабский путешественник в качестве единственного заслуживающего упоминания исторического факта об этом пункте счел нужным сообщить, что именно по нему получил свое прозвище шейх Абу Тараб ан Нахшеби. О городе Ибн Батута пишет только, что он маленький, окружен садами и каналами и что у него есть стена. Сам автор во время своего пребывания в нем поселился в доме нахшебского эмира-правителя, находившемся вне кольца городских стен. Отсюда он отправил одну из своих молодых невольниц, у которой приближался срок родов, в Самарканд, очевидно, не надеясь, что в этом «маленьком городе» может быть оказана в случае надобности хорошая медицинская помощь.

Едва ли Карши можно признавать столицей Мавераннахра при Кепеке, каковое соображение высказывалось в печати, хотя допустимо предполагать, что этот хан, преждевременно ушедший из жизни, а по одной версии даже убитый своим братом, предполагал сделать здесь первопрестольный город. Во всяком случае, в нем не было монетного двора, на котором бы чеканились какие-либо денежные знаки, а Казан-Тимур (убитый в 1347 г.), став правителем и не воспользовавшись городом в качестве своей резиденции, велел отстроить для нее в двух стоянках к западу от него дворец Занджир-сарай, сожженный татарами в 1387 г., при вторжении в Мавераннахр хана Золотой Орды и активного противника Тимура, Тохтамыша.

В середине 60-х годов XIV в. при катастрофическом распаде государства Джагатаидов Каршами и Шахрисабзом в качестве главы племени барлас владел Тимур на первых порах своей головокружительной политической карьеры. Когда в 1365 г. монголы из

Восточного Туркестана начали под предводительством Ильяс Хаджи новое вторжение в Мавераннахр и вынудили к поспешному бегству разбитых наголову в долине Ангрена находившихся еще в союзнических отношениях эмиров Хусейна и Тимура, последний, бросив на произвол судьбы даже Самарканд, укрылся в Карши. Здесь за время зимы он начал и завершил работы по проведению в обороноспособное состояние уже обветшавших городских укреплений кургана, хотя в официальной истории Тимуру приписывается их сооружение, как позднее то же было сказано в части самаркандского хисара, в действительности только возобновленного при Тимуре на месте стен прежнего шахрибуна XI—XII вв. Однако вскоре, в 1366 г., в процессе вспыхнувшей борьбы с Хусейном он вынужден был покинуть Карши, которые захватили войска его соперника под начальством эмиров Мусы и Хиндушаха. Так как в городе было слишком тесно, то основные неприятельские силы в количестве до 12 000 всадников во главе с эмиром Мусой расположились в его окрестностях. В самих Каршах был оставлен небольшой гарнизон под начальством сына Мусы, расположившегося со своими слугами в арке. Учитывая сложившуюся обстановку, Тимур, находившийся на берегу Амударьи, чтобы вернуть принадлежавший ему город, решился на смелое авантюрное предприятие. С отрядом менее чем 250 человек он под покровом ночи приблизился к городу и лично произвел смелую разведку. Сойдя с лошади на краю наполненного водой рва, Тимур с одним из своих подвижников по имени Абдулла вошел по колено в перекинутый через него желоб, по которому в город поступала вода, осмотрел состояние ворот со стороны Гузара и наметил место, где по приставленной лестнице можно было подняться на стену, после чего оба тем же путем вернулись к своему спрятанному вблизи отряду. Оставив сорок с лишним человек для охраны лошадей, он направил сто воинов под командой Абдуллы к намеченному месту. Те, перейдя по упомянутому желобу, приставили захваченную из Бурдалыка лестницу, поднялись по ней, добежали до ворот, где порубили саблями не ожидавшую ночного нападения пьянствующую стражу и, сбив топором внутренний замок на воротах, впустили в них Тимура с остальными воинами. С громкими криками под рев больших труб-карнаев, которые разбудили охваченных страхом жителей, думавших, что произошло землетрясение или в связи с концом мира наступил день «Страшного суда», ринулись солдаты Тимура в разные стороны, захватили посты гарнизона, заняли арку, взяли в плен сына эмира Мусы и быстро овладели всем городом. Из последовавших событий для его исторической топографии интересна та деталь, что эмир Муса, тотчас приступивший к осаде Каршей, разместил свои войска в пригородных предместьях.

Позднее Тимур, будучи родом из области Кеша, как и его ближайшие потомки, большое внимание уделял ее главному городу Шахрисабзу, а Карши, как игравшие меньшую роль, стали именоваться в XV в. даже «Нахшебом кешским». Все же известно, что

прелесть степных просторов низовьев Кашкадарьи не была забыта «великим эмиром», и зиму 1385—1386 г. перед трехлетним походом на запад он, по возвращении из Самарканда, провел около Каршей. В письменных источниках ничего не говорится о каких-либо его специальных заботах, проявленных еще к этому городу, но, по местному преданию, при нем якобы было отстроено в центре кургана здание большой соборной мечети, сохранившееся до настоящего времени.

После смерти Тимура в феврале 1405 г. с окрестностями Каршей связано несколько эпизодов начавшейся междоусобной борьбы между правившим в Хорасане его сыном Шахрухом и племянником последнего Халил Султаном, провозглашенным самаркандской армией главой Мавераннахра. Против него в том же году из Герата было направлено войско во главе с Улугбеком и его опекуном Шах Меликом, которое совершило набег на район от Карши до Гузара и насильно переселило на левый берег Амударьи часть тамошних обитателей, по-видимому, из числа чагатаев. После военного столкновения самаркандских и гератских войск был заключен договор, по которому Халил Султан обещал вернуть Шахруху и его приближенным их имущество, оставшееся в Самарканде, а Шах Мелик обязался не вступать в сношения с другим претендентом на верховную власть в Мавераннахре — Пир Мухаммедом. Вскоре, однако, Шах Мелик нарушил соглашение и заключил союз с Пир Мухаммедом. 20 февраля 1406 г. между их объединенными силами и войсками Халил Султана около Каршей произошло сражение. Измена шести эмиров Пир Мухаммеда способствовала разгрому союзников. Шах Мелик с Улугбеком бежали в Хорасан, где их встретил на Мургабе Шахрух. Пир Мухаммед удрал в Балх, а весь его лагерь вместе с гаремом достался Халил Султану, проявившему и здесь себя рыцарем по отношению к женщинам.

Почти до самого конца XV в. сколько-нибудь крупные потрясения миновали Карши. В историко-экономическом отношении характерными моментами были редкие эпизодические выпуски в городе своих медных монет, а для второй половины этого столетия — то, что в разных местах Каршинского района «всесильному» самаркандскому ишану, идеологу реакционного среднеазиатского дервишизма, крупному богачу и главе одного из суфийских орденов Ходжа Ахрару принадлежало около 1300 земельных участков.

После смерти в 1494 г. самаркандского хана Ахмеда Мирзы Шейбани, воспользовавшись наступившими смутами в государстве Тимуридов, вместе со своими родичами вторгся в его пределы. Не сумев овладеть Самаркандом, он, обойдя его, проник в долину Кашкадарьи. Во время набега сперва был разграблен город Карши, затем Шахрисабз. Возвращаясь из этого налета с большой добычей, Шейбани имел основание полагать, что завоевание тимуридских владений сулит ему реальные перспективы удачи. Однако процесс развала государства Тимуридов тянулся после того еще несколько лет.

В протекавшую в 1495—1496 гг. вокруг самаркандского престола борьбу тарханов за власть и руководящую роль при том или ином выдвигавшемся ими претенденте косвенно оказался втянутым и город Карши, где пребывал тогда тимурид Султан Али мирза. Он был вызван отсюда в Самарканд прибывшим тогда из Бухары влиятельным Дервиш Мухаммед тарханом и провозглашен государем. После того узбекские султаны не раз располагались лагерем у Карши, в котором сидел Баки-тархан, но это не сопровождалось прочным завоеванием. Так, в 1499 г. сам Шейбани двинулся из Бухары на Карши, но окружить засевшего в крепости Баки-тархана из-за зимнего времени было трудно, и он, разграбив имущество окрестного населения, отошел от города. Десять дней спустя Шейбани снова оказался под Каршами, собрал здесь войско и направился с ним к Гузару. Его крепость была взята им приступом, предана пламени, а жители обращены «в праведную веру», т. е. в суннитство, после чего он возвратился в Бухару. С наступлением лета 1500 г. Шейбани снова был под Каршами и подверг двухмесячной осаде крепость, где вспыхнувший под конец голод уносил до 300 человек в день. Заболел и сам Баки-тархан, согласившийся в результате переговоров признать себя подчинившимся Шейбани. Как только последний отправился обратно в Бухару, Баки-тархан покинул каршинскую крепость и бежал. Только явные успехи Бабура, которому на время удалось закрепиться в Самарканде, Сугуде и в Мианкале, побудили Баки-тархана вернуться, после чего Карши и Гузар опять вышли из-под власти узбеков, хотя и не надолго.

Для конца XV — начала XVI в. кое-какие данные о Карши имеются в упомянутых выше известных «Записках» Бабура, где каршинская крепость именуется «курганом», про самую же область говорится, что лежит она к югу от Самарканда, но дорога из этого города отклоняется немного на запад и имеет протяжение в 18 ягачей; что низовья Кашкадарьи маловодны, но там прекрасна весна, хороши хлеба и дыни. В качестве наиболее распространенной охотничьей дичи упоминается маленькая «кил-куйрук» вроде «багрикара». Поскольку она встречалась именно там в бесчисленном множестве, ее называли «каршинской птичкой». По мнению, приводимому в научной литературе, — это острохвостая утка. Местный краевед Н. С. Ложкин с большим основанием полагает, что имеется в виду прилетный чернобрюхий рябок — «бульдурук», размером с голубя, который до сих пор появляется в огромных количествах в каршинских степях, где он выводит птенцов.

Новое овладение Бабура Мавераннахром при помощи персидских войск шаха Исмаила почти два года спустя после смерти Шейбани-хана, павшего под Мервом на Мургабе в 1510 г., принесло Каршам тяжелые испытания. Последовавшее вслед за занятием Самарканда официальное признание шиитства вызвало в стране страшное недовольство суннитского населения и резко обострило религиозную рознь между приверженцами этих двух мусульман-

ских толков. Учитывая к тому же, что Бабур отпустил персидские войска, щедро наградив их командиров, узбекские султаны вторглись в Мавераннахр и весной 1512 г. изгнали этого тимурида из Самарканда. В ответ на новую его просьбу о поддержке шах Исмаил отдал распоряжение крупному персидскому отряду под начальством эмира Ахмеда, по прозвищу, Наджм-и сани («Вторая звезда») переправиться через Амударью. Соединившись с отсиживавшимся в Гисаре Бабуром, персы осадили Карши, на третий день взяли город и по приказу Наджм-и сани приступили к поголовному истреблению всего его населения, во время которого персами был убит видный поэт и историк Камал-ед-дин Бенаи. Вскоре после того осенью 1512 г. само персидское войско было разбито в районе Бухары под Гиждуваном, причем в бою пал их полководец эмир Ахмер. Союз Бабура с Персией в результате этого поражения распался, а сам он вернулся в Кабул.

Удар, нанесенный Каршам описанными событиями, постепенно был изжит, и город оправился настолько, что развитие его торговой деятельности вызвало необходимость для удовлетворения потребностей рынка в денежном обращении возобновить на некоторое время выпуск своей медной монеты, причем иногда просто накладывался надчекан Карши на фулусах, выбитых в других городах, например, в Самарканде. Хотя по сравнению с Шахрисабзом Карши, как и при Тимуридах, считались на протяжении нескольких первых десятилетий второразрядным городом и в нем в качестве правителя чаще имел пребывание назначавшийся туда даруга из служилых военачальников, но уже к середине XVI столетия Каршинский вилайет представлял собой «яблоко раздора» для узбекских султанов, а некоторые из них даже стали избирать самый город своей резиденцией. Один из них, Худай Берды-султан, только под давлением внешних обстоятельств согласился в 1552 г. обменять его на Сагарджский туман в долине Зарафшана и другие места, которые в целом составляли суюргал или танхо (условное землевладение) Клыч Кара-султана. Усиленно добивался его на протяжении многих лет и будущий государь Абдулла хан с самого начала своего появления на исторической арене, после того, как он в 1551 г. отразил нападение на Кермине ташкентского правителя Науруз Ахмеда.

Долгое время Абдулла не мог достичь в этом отношении прочного успеха, хотя уже ранней весной 1552 г., наметив налет на Хорасан, он безрезультатно подходил к крепости Карши, чтобы отнять ее у Худай Берды-султана. Вскоре он обратился к своему, сидевшему в Балхе, дяде Пир Мухаммед-хану с просьбой предоставить ему в управление Карши, но тот отказал и передал на словах город Узбек-султану.

В бытность Абдуллы в Балхе некоторые эмиры подняли в Мавераннахре восстание, захватили принадлежавшую Худай Берды крепость Каспи (Кесба), произвели ремонт ее стен с башнями и укрепились в ней. Худай Берды с большим войском осадил их там.

Узнав об этом, Абдулла переправился через Амударью с двумястами воинов и по просьбе восставших эмиров, чтобы отвлечь осаждавших, направился по дороге к Карши. Испугавшийся этого маневра Худай Берды снял осаду, поспешил в Карши, а Абдулла, изменив свое решение и коварно обманув восставших эмиров, сам захватил Каспи, приняв от жителей изъявление покорности. Тогда Худай Берды в свою очередь вернулся к Каспи, но потерпел там поражение и бежал с поля битвы восвояси. Из Каспи Абдулла неоднократно посылал в сторону Карши для грабительских налетов своих воинов, которые опустошили в области многие места и даже иногда подходили к самим городским воротам. Именно тогда доведенный до отчаяния Худай Берды согласился на обмен своего удела с Клыч Кара-султаном и направился в Сагардж. Абдулла тотчас покинул Каспи и вступил в упорный бой с оставшимся в Карши гарнизоном. Ему удалось овладеть внешней стеной города и начать сражаться с теми, кто засел во внутреннем кургане. Приблизившийся в это время Клыч Кара-султан был разбит на месте своей остановки в урочище Уганак прорвавшим каршинский штурм Абдуллой, взят в плен и связанным направлен в Карши. Тамошний гарнизон при виде случившегося передал крепость Абдулле без сопротивления, и таким образом он вступил на престол этого удела. Вскоре его брат Ибадулла-султан с помощью Пир Мухаммед-хана отнял у Гашим-султана Шахрисабз, в самом конце того же 1552 г. осажденный Науруз Ахмед-ханом, который к тому же обратился за помощью к захватившему в Бухаре бразды правления Бурхан-султану. Тот выступил с большим войском, имея в виду захватить Карши, на несколько дней встал лагерем в виду Касана и занялся грабежом. Абдулла, заранее успевший послать извещение о всем происходящем в Балх Пир Мухаммед-хану, выступил из Карши навстречу врагу в Касан, где на следующее же утро по прибытии завязал бой с бухарским войском, надеявшимся на победу уже в силу своего численного превосходства. Но в этот день 6 января 1553 г. в окрестностях Карши неожиданно появился с войском Пир Мухаммед-хан, тотчас направивший часть воинов в Касан на подмогу Абдулле, который, выиграв с их поддержкой сражение и захватив богатую добычу, вынудил Бурхан-султана вернуться в Бухару. Тем временем Науруз Ахмед хан, в сражении под Шахрисабзом понесший большие потери, в том числе среди пришедших к нему из Рума 3000 человек вооруженных ружьями, узнав о выступлении против него еще Абдуллы, уже расправившегося с войсками Бурхан-султана, снял осаду Шахрисабза и направился в Ташкент. Вернулся в Карши и Абдулла. Однако торжество его было кратковременным.

В 1554 г. посланный Науруз Ахмед-ханом его сын Баба-султан после кровопролитного сражения под Каршами вынудил Абдуллу бежать вообще из Мавераннахра на левый берег Амударьи в сторону Балхского владения к Андхуду и Шабургану. Хотя в ближайшие годы он дважды переходил на правый берег реки и при-

нимал участие в междоусобной борьбе узбекских султанов, но после короткого пребывания в Фарабе, Каракуле, даже в Бухаре, снова должен был бежать за дарью, в последний раз в Чичкету и Меймене.

Лишь последовавшая 23 сентября 1556 г. смерть его главного врага, Науруз Ахмеда, дала возможность Абдулле вернуться в Мавераннахр и прочно захватить в мае 1557 г. Бухару. Отсюда он начал новые попытки присоединения низовьев Кашка-дарьи, которыми владел тогда Худай Берды. К осени Каршинская область, кроме ее главного города, была уже подчинена, и в Каспи оставлен его брат Достум султан. Вслед за безрезультатной двухмесячной осадой Карши самим Абдуллой, который пытался с разных сторон делать подкопы под стены крепости, что благодаря донесениям шпионов всякий раз парализовалось осажденными, наконец, ранней весной 1558 г. был заключен мирный договор. По нему город Карши с областью отходил к Абдулле, а Худай Берды султан получал Сагардж. После этого область Карши была присоединена к Шахрисабзу, а ярлык на управление послан Хосроу-султану, который уже до того в соответствии с волей Абдуллы владел областью Кеша.

Несмотря на видимость внешних успехов, Абдулла не был уверен в прочности своего положения и в 1560 г. даже предпринимал попытку обменять Бухару на Балх. Последующие годы борьбы со своими соперниками за создание централизованной феодальной монархии под гегемонией Бухары стали приносить реальные существенные результаты. По дипломатическим соображениям в 1573 г. он предложил Узбек хану вместо Шабурмана Карши и тот согласился. Только в следующем 1574 г. Абдулла хан, в конце концов, прочно подчинил себе Карши вместе с Шехрисабзом и Хисаром, а два года спустя также Самарканд и Ташкент.

С этого поворотного момента в жизни государства к Карши начинает проявляться особое внимание в части строительства не в пример Кешу, где, как и в Самарканде, с правлением Абдуллы хана связано разрушение некоторых памятников Тимура и Тимуридов, в частности шахрисабзского дворца Аксарай. Существует письменное указание, что по распоряжению Абдуллы хана для увеличения площади поливных земель в Каршинском районе был выведен канал из Кара Камера в области Келифа. Переселенных на вновь орошенные земли людей на пять лет освободили от податей, и вскоре вся эта местность приняла цветущий вид. Конкретных подтверждений этого сообщения пока не получено. Зато дополнительно известно, что Абдулла хан в Каршинском вилайете основал селение Файзабад, для подачи воды на земли которого произвели некоторые ирригационные работы. Предание упорно приписывает ему сооружение к северу от города старинного кирпичного моста через Кашкадарью, функционировавшего еще в XIX в. С его деятельностью связано появление в центре каршинского кургана на площади Регистан украшенного изразцами высшего мусульманско-

го духовного училища, именовавшегося медресе Абдуллы хана, а в пригородной части, за внешней городской стеной возведение мечети Намазгох, из-за покрывавших ее купол голубых изразцов получившую в народе название Кок-гумбез. В частично еще уцелевшей на ее портале майоликовой надписи приведено, что здание это сделано «по высочайшему повелению» Абдуллы хана и закончено постройкой в 999 г. х. (1590—1591), как было указано на утраченных в 20-х годах нынешнего столетия глазурованных плитках. От

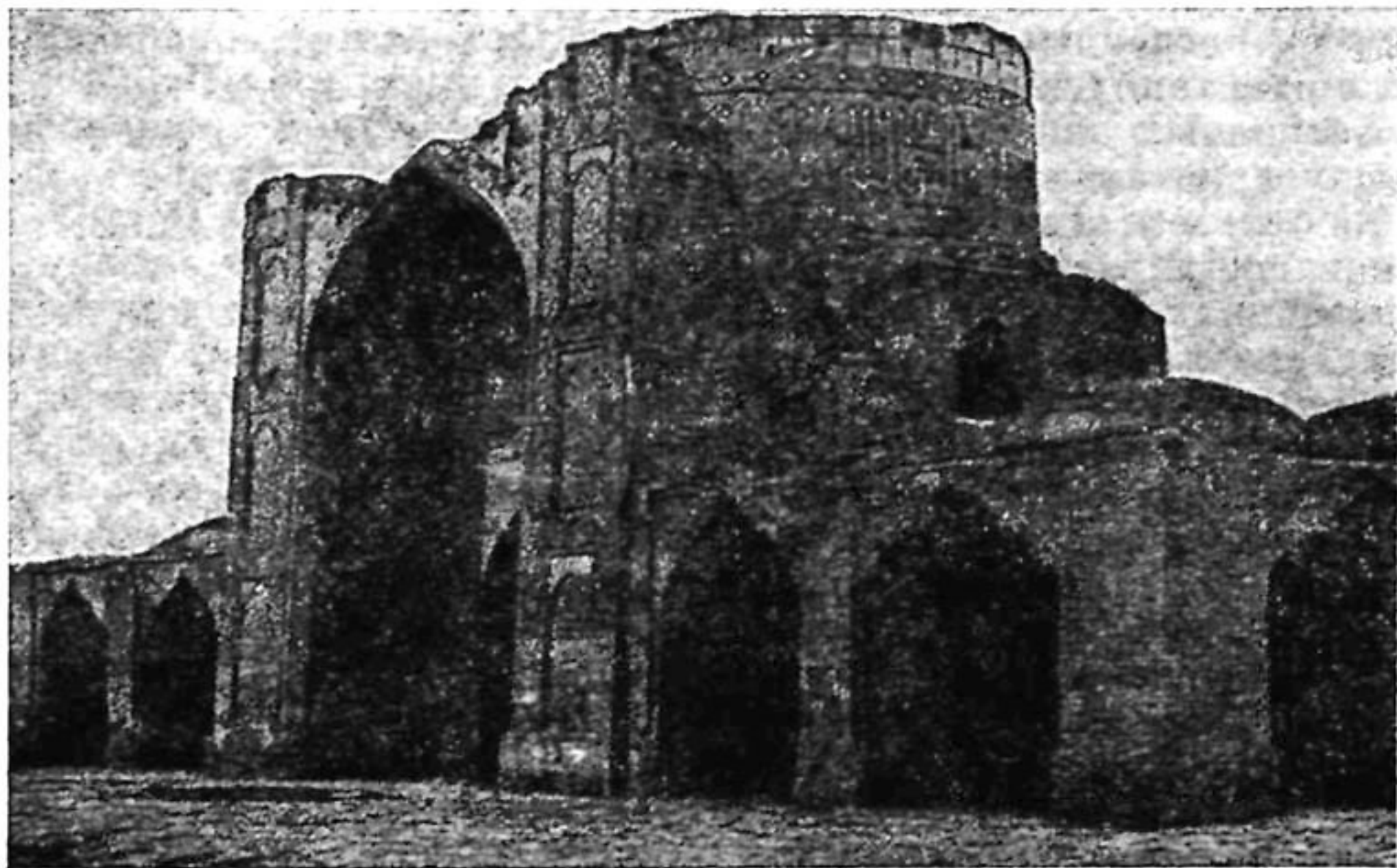

Рис. 6. Карши. Мечеть XVI в. Кок-гумбез (фото В. Н. Гришберга, 1954 г.).

поры этого же правления в Каршах сохранилось здание медресе Бики бия в середине старого города, а также бани из жженных кирпичей, действующей поныне под названием Узбек-хамами, находящейся к северо-западу от кургана около колхозного базара, состоящей из айвана и пяти купольных помещений и отстроенной в 1001 г. х. (1592—1593).

Пока не встречено никаких указаний на то, чтобы в городе Карши появилось в XVI в. хотя бы одно здание общественного назначения, связанное с деятельностью весьма влиятельных при Абдулла-хане бухарских шейхов Джуйбари, которым в долине Кашкадарьи принадлежали обширные участки земли. Имеется лишь сообщение якобы они способствовали возрождению в Каршинском районе садоводства путем проведения или восстановления арыков, что вполне возможно. О том, насколько они были здесь крупными собственниками, свидетельствует известие, что

Ходжа Са'д после смерти отца 15 октября 1563 г. унаследовал в Каршах до 10 000 баранов, 7000 лошадей и 5000 верблюдов.

Время вхождения Каршинской области в состав государства Аштарханидов на положении Шахрисабзского удела с самого начала XVII в. было для нее менее благоприятным. Началось с того, что в наказание каршинцев за восстание против пришедшей к власти новой династии бухарский хан Баки-Мухаммед (1599—1605) приказал разрушить выведенный из Кара-Камера канал и так как он с тех пор никогда не восстанавливался, то в области снова стала ощущаться нехватка воды. Прилежащий степной район по-прежнему расценивался как «охотничье эльдорадо», привлекавшее сюда аштарханидских ханов, как некогда Тимуридов, Шейбанидов и даже видных лиц духовного звания, вроде поддерживавшего Абдуллу хана ходжа Мухамад Ислама Джуйбори, бывшего заядлым любителем певчих птиц. Придворные историки XVII столетия напыщенно характеризовали Каршинский округ как «одну из приятнейших областей Мавераннахра», которая «в подлинном смысле слова обладает свойством успокаивать душу», вероятно, по сравнению с соседним Шахрисабзом, вызывавшим у бухарского правительства немало тревог. В землевладении по всей области отмечается массовый переход отдельных участков и целых селений в руки духовенства путем обращения их в вакуфное имущество, завещавшееся преимущественно в пользу медресе, мечетей, чтимых мазаров. Это делалось не только в отношении каршинских, но также в отношении находившихся в Бухаре и Самарканде, в частности, таких медресе, как Ширдар, Тилля-кари, Шейбани хана и усыпальниц у мазара Шах-и Зинда. Вместе с тем возможно в связи с ясно уже наметившимся некоторым хозяйственным упадком страны, при Аштарханидах, кроме летнего зноя и духоты, впервые отмечается в источниках, буквально как бич для населения, исключительное обилие комаров, иногда тучами нависавших над Каршами и опускавшихся в таких количествах, что даже затрудняли вкушение пицци. Пребывавшие там в лагерях солдаты считали их укусы не менее мучительными, чем раны, наносившиеся копьями. Известен случай, когда у придворного библиотекаря Муллы Вефа, состоявшего при Убайдулле хане (1702—1711), так были поражены москитами глаза, что он ослеп.

В XVII в. на культурном поприще проявил себя как незаурядный и своеобразный поэт, каршинец по происхождению, родившийся в конце первой половины этого столетия в семье мелкого ремесленника и известный под именем Миробид Сайидо Несефи. В молодые годы из-за постигшего его семью неблагополучия он вынужден был покинуть Карши, перебрался в Бухару, где учился и остался на всю жизнь. Основные его произведения созданы были в 70-х годах. Наряду со стихами, посвященными ремеслу живописца, медника, пекаря, мясника и труду крестьянина, есть у него и направленные против мухтасибов, отшельников и шейхов. Характеризуя тяжелое положение страны, он писал, что Мавераннахр

под властью Аштарханидов стал подобен «разграбленной деревне». Бедствуя всю жизнь, Сайидо Несефи под старость (в конце XVII в.) вынужден был приняться за ткачество и существовать продажей своей продукции на базаре.

Последствия роста роли в государстве главарей узбекских родов, их борьбы между собой и с ханами, становившимися часто игрушками в их руках и терявшими порой всякий престиж в глазах своих подданных, так как их возводили, свергали, изгоняли из страны или даже убивали по прихоти временщиков, приводили к тому, что Карши бывали ареной неожиданных явлений. Так, охотившийся в окрестностях города в 1611 г. хан Вели Мухаммед, чтобы спастись от составленного эмирами Бухары против него заговора, бежал отсюда тайком в Ирак. В 1709 г. прибывшее сюда бухарское войско самовольно отказалось идти дальше для подавления вспыхнувшего в Балхе мятежа против центральной власти. С XVIII в. Карши перешли во власть узбеков мангытов, на которых, однако, ханы не могли опереться в борьбе с кровавой рознью в верхней части долины Кашкадарьи между племенами так называемых «правой» и «левой» сторон (шахрисабзскими кенигясами, джебутани и др.). Когда Убайдулла-хан решил наказать их за измену во время его кампании 1707 г. против Балха, то он назначил в Шахрисабз Фархад-бия из обитавших тогда в районе Каршей хитай-кипчаков. Ему было поручено с помощью его соплеменников, проживавших также под Самаркандом и в Мианкале, овладеть беспокойным Шахрисабзским юртом и изгнать оттуда племена и правой, и левой сторон. Это мероприятие не удалось осуществить, так как выступившие в Кеш хитай-кипчаки были разбиты, а захваченный в плен их предводитель подвергнут мучительной казни.

Кризис, охвативший в первой половине XVIII в. весь Мавераннахр, не прошел бесследно как для Каршинской области, так и для ее главного города. В частности, тяжело сказались годы, когда после убийства хивинского царевича Раджаба, провозглашенного в 1772 г. ханом в Самарканде по инициативе кенегязского эмира Ибрагим-бия, вышли из повиновения призванные им в качестве союзников казахи, в течение нескольких лет опустошавшие долину Зарафшана и отчасти районы Кашкадарьи. Оседлое население повсюду покидало насиженные места и бежало преимущественно в горы. Пустели сельские местности, замирала жизнь в городах. Одно время даже в столичной Бухаре, кроме арка, обжиты были только два рядом расположенных гузара, а Самарканд и Шахрисабз на протяжении семи лет оставались совершенно безлюдными. В долине Кашкадарьи главари родов и племен, захватывая тот или иной район и обеспечив себя крепостью, становились независимыми беками, вдобавок враждовавшими друг с другом. Центральное правительство было бессильно поддержать в государстве порядок.

Когда старший сын Надир-шаха, Риза Кули, захватив Андхуд, Акча, Шабурган, Балх, начал по распоряжению отца свой поход

на Бухару 1736—1737 гг., перешел Амударью и двинулся с 12 000 отрядом в сторону Карши, там находился бывший аталык Бухарского ханства Мухаммед Хаким-бий мангыт, незадолго перед тем удаленный из столицы по проискам своих соперников. Узнав о продвижении персидского войска, он ввел в полуопустевший город отряды своих единоплеменников и других узбекских родов, мобилизовал жителей, срочно стал готовить курган к обороне и, направив Абул Фаиз-хану донесение о случившемся, запросил помощи. Тот с войском, собранным в Бухаре, Мианкале, Самарканде, выступил к Карши. При его приближении навстречу ему вышел Мухаммед-хаким. Объединенная бухарская армия численностью значительно превышала войско, находившееся под командованием Риза Кули, но превосходство в вооружении фальконетами и ружьями было на стороне персов, к которым присоединился с 3000 узбекских воинов перешедший на их сторону правитель Гузара Баба-хан. Проиграв битву в поле, Абул Фаиз хан и аталык со своими воинами укрылись за стенами каршинской крепости, которую враги тотчас окружили, установив против нее машины камнеметной артиллерии. Одновременно персидское командование направило в ближайшие районы небольшие отряды для насильственного изъятия у населения всех хлебных запасов. Столкнувшись с открытым сопротивлением этому жителей Шуллюка, персы для острастки и в назидание другим окружили их крепость «Шельдук» (как она названа у Мехди-хана), взяли ее и перебили всех укрывшихся в ней. После пятнадцати дней безрезультатной осады Карши, согласно приказу от Надир-шаха вернуться в Балх, в связи с помощью, которую Бухара получила со стороны хивинских войск Риза Кули отступил и переправился на левый берег Амударьи. Абул Фаиз-хан возвратился в Бухару, а Мухаммед Хаким-бий остался на месте в качестве наместника Каршинской области, как сохранивший в минувшем эпизоде верность своему государю.

Три года спустя, как только Надир-шах, предприняв свой поход 1740 г. на Мавераннахр, приблизился к Амударье и остановился у керкинской переправы, к нему туда в августе прибыл ряд узбекских военачальников с изъявлением готовности поступить на службу к персам. Среди них находился Мухаммед Хаким. Это обеспечило ему продолжение успешной политической карьеры в Бухарском ханстве, которую он завершил уже в качестве хана и основателя последней его династии мангытов.

Для ее правителей Карши имели особое значение, как оплот тянувшейся уже более ста лет борьбы с независимым Шахрисабзским бекством, воинственным кенегясам которого противостояли каршинские мангыты. Первым государям из этого племени, которым досталась в наследство от аштарханидов истерзанная страна с разрушенной экономикой и антицентралистскими тенденциями, державшимися в отдаленных областях с поры кризиса, главное внимание приходилось уделять кургану Карши, как фортификационному сооружению. Следом былых военных передраг до самого

падения эмирата оставалось употребление в качестве одного из названий северо-восточных ворот кургана наименования Куюкдарваза, т. е. «Сожженные ворота», поскольку однажды их огромные полотнища были сожжены шахрисабзцами при нападении на крепость.

Однако Бухара не могла всецело полагаться на верность каршинцев. Так, сосланный туда Даниял-бием за попытку захватить верховную власть в столице Нарбута-бий в 1771 г. вступил в сношения с правителями Шахрисабза и Гузара и поднял совместно с ними восстание. Подавление его стоило бухарскому правительству больших усилий. Наряду с этим в конце того же XVIII в. уроженец Каршей Алим-бек составил в верноподданническом духе текст второй части исторической хроники «Тухфай-хани» («Ханский подарок»). Эта часть охватывает события, происходившие в Средней Азии с 1758 по 1782 г. и описывает военные действия мангытских правителей против ряда областей.

С конца XVIII в., после опыта энергичной и успешной деятельности Шах Мурад-бия по восстановлению и заселению Самарканда, дошла очередь и до Каршей, куда этот бухарский эмир вскоре по восшествии на трон в 1785 г. направил в качестве правителя своего старшего сына Хайдара-тюрю как только тот достиг совершеннолетия. С тех пор некоторые наследники бухарского престола бывали в Каршах на положении наместников государя. При них обычно состояли назначенные из Бухары лица, фактически управлявшие всеми делами области и взаимоотношениями с кенегясами. В промежутках в Каршах с такими же правами пребывали разные беки, преимущественно из мангытов, получавшие по этой должности добавочно высокие придворные звания, вплоть до диван-беги.

При Хайдаре Каршинский вилайет был очень крупных размеров. На юге он граничил с Байсуном и включал Ширабад, где содержался гарнизон в 100 человек из рода сарай. На востоке его рубежи несколько не доходили до Гузара. Северная граница шла по степям до Кара-Куля, восточнее которого на значительном протяжении тянулась вдоль Амударьи, причем в Керках находился гарнизон обыкновенно не менее 300 человек. Вдоль восточной границы с Шахрисабзом была расположена большая часть крепостей-курганов (свыше десятка), самой важной из которых считалась Яны-курган. Крепости представляли собой чаще всего селения, обнесенные дувальной стеной, внутри которой имелась особая цитадель, где пребывали гарнизон, военные и гражданские начальствующие лица. В зависимости от стратегического положения кургана в его гарнизон входило от 10 до 200 солдат. Некоторые крепости в мирное время иногда оставались без всякого гарнизона.

Принимавшиеся первыми мангытскими ханами меры по заселению Каршинского вилайета дали к началу XIX в. вполне ощутимые результаты. Главный контингент составляли узбеки, принадлежавшие почти к сорока различным коленам нескольких родов. Самыми многочисленными среди них были мангыты, подразделяв-

шлись на пять колен. Чтобы еще больше повысить их число, старались насильственно перевести сюда мангытов из других весьма отдаленных районов. В начале XIX в. известен случай переселения 20 семей мангытов даже с берегов Сырдарьи. Из этого племени выбирали кандидатов на занятие большинства высших должностей во всем эмирате. К «родственникам» мангытов причисляли группу, именовавшуюся чагатай-беки, пользовавшуюся за свое происхождение особым уважением и поэтому допускавшуюся к занятию различных должностей часто не по заслугам и способностям. Вторую после мангытов группу по количеству людей составляли тогда узбеки — сарайцы, обитавшие в южных районах вилайета. Кроме того, в нем проживали в небольшом количестве казахи, киргизы, цыгане и пользовавшиеся репутацией беспокойных драчунов арабы. Чтобы удержать население на месте, всякие передвижения без разрешения властей, в том числе кочевникам, были формально запрещены, но практически они происходили. Даже завербованные в солдаты нукеры самовольно бросали службу в одном месте и переходили на другое. В самом городе Карши, кроме разнородного тюркоязычного населения в числе «фукара» проживали отдельные семьи среднеазиатских евреев и значительная группа таджиков, что сильно сказалось отчасти на появлении большого числа чтимых мазаров.

Оправившийся после кризиса город был в конце XVIII — начале XIX вв. еще мало благоустроен, почему при Хайдаре существовал запрет на постройку лавок вне кургана. Все они должны были возводиться только в нем, на определенных местах, отведенных под рыночную территорию, где базарная торговля происходила тогда по воскресеньям и средам. Сам курган для своей эпохи был достаточно велик, а располагавшаяся в южном углу цитадель-арк считалась лучше, чем в Шахрисабзе. Внутри кургана функционировали тогда медресе Абдуллы хана, Бики-бий, Хурджин, Ай падша биби и Али. Для общего экономического положения показательно, что даже это последнее «ханское» медресе в ту пору часто испытывало нужду в средствах, и для выплаты содержания чтецам корана и учащимся-муллам приходилось прибегать к заимствованиям из зякетных сборов или к денежным займам у частных лиц из числа «больших баев».

Насколько грань XVIII—XIX вв. была тревожной порой для Карши, явствует из того, что даже в мирное время, когда после созревания в мае плодов тутовых деревьев наиболее обеспеченные жители с семьями выезжали в сады, то на все месяцы пребывания их там, из опасения разного рода случайностей, войскам было запрещено покидать город. Постоянная боязнь кенегасов заставляла держать пушки наготове, чтобы при неожиданном осложнении тотчас установить их на отведенных местах в специальных башнях-тупхана, сделанных в стене кургана, а зарядные ящики (арба-и дару) с запасом ядер (тир) быстро свезти к противоположным от направления на Шахрисабз внутренним воротам Хиабан, где и расположить на суфе. Для характеристики внутреннего положения очень показательны также,

что когда Хайдар-тюра весной 1800 г. выехал в Бухару, чтобы вступить там на отцовский трон, а вслед за ним покинули Карши его родственники, некоторые сановники и другие лица окружения, город сразу заметно обезлюдел. В связи с этим вновь назначенному беку Хаким-бию мангыту из столицы последовал приказ во все опустевшие дома, в том числе во «дворе калмаков», к западу от кургана разместить воинские части.

При всем том город продолжал интенсивно расти как торговый центр, чему способствовали не только заботы Хайдара (который, уже будучи эмиром, неоднократно бывал в Каршах, в последний раз — летом в год своей смерти в 1825 г.) и не только политика последующих ханов, но самое его географическое положение. Здесь сходились дороги из столицы ханства, из долины нижнего и среднего течения Зарафшана, из восточных горных районов, с берегов верхнего и среднего течения Амударьи, а далее на юг из Балха, Кабула и Северной Индии. Уже в 1813 г. проехавший через Карши агент англо-индийской службы Мир Иззет Улла писал, что это хорошо известный, относящийся к Бухаре город с обширным курганом, базаром, несколькими медресе; что его ближайшие сады славятся превосходными тузовыми ягодами и виноградом; что с дикорастущего в равнинах кара-янтака (Верблюжья колючка — *Ahlagi sammelogum*) здесь собирают сладкий туранджбин, а из злаков сеют главным образом пшеницу и ячмень. Упомянул он также протекавший тогда через город крупный канал, соответствующий, видимо, арыку Бешкент.

Семь лет спустя эти данные были пополнены Г. Мейендорфом, членом русского посольства (1820 г.) в Бухару, собравшим там, между прочим, сведения о крупных населенных пунктах ханства и отметившим, что тогдашние «Карши, или Нахшеб» — по своей величине город значительный, лежавший на главном торговом пути. В Каршах останавливалась в то время часть караванов, проходивших из Герата и Кабула, или двигалась отсюда прямо в сторону Самарканда, не заходя в таком случае в столицу эмирата. Вместе с тем этот город, по его словам, являлся крупным рынком, на котором продавались шкурки куниц, лисиц и ягнят-недоносков (под которыми подразумевается каракуль). Кроме того, отсюда вывозили много сушеных фруктов, хлопка-сырца, хлопковой пряжи, табака и немного шелка. На значение Каршей как опорного военного пункта Бухарского ханства указывают приводимые Г. Мейендорфом цифры постоянно содержавшегося в городе гарнизона, колебавшегося в пределах от 2000 до 3000 человек.

Кое-какие дополнительные детали сообщил о Каршах А. Борнс, побывавший в нем в июне 1832 г. Хотя он и его спутники страдали там от острых приступов малярии, видимо, тропической, унесшей в могилу ехавшего с ним одного бадахшанского купца, но все же пребывание в городе в течение 3—4 дней дало ему возможность осмотреть его. В то время городская застройка была разбросана на территории протяжением до одной английской мили. По отно-

шению к ней курган, представлявший значительное укрепление и описываемый им как земляной форт, окруженный наполнившимся водой рвом, находился в северо-западной части. Базар А. Борнс характеризовал как обширный.

Наиболее детальное описание Каршей первой половины XIX столетия принадлежит лично ознакомившемуся с городом в 1842 г. юному ориенталисту Н. В. Ханыкову, которому было тогда около двадцати лет и который являлся участником русской миссии в Бухару Бутенева. Карши он воспринимал как состоящие из трех частей, окруженных тремя отдельными, концентрическими стенами: цитадель, старый город и новый город. За внешней стеной последнего начинались окрестные селения. Крупный базар в основном концентрировался в южной части нового города. Главными базарными днями были суббота и понедельник. В конце осени и в начале зимы происходила оживленная торговля скотом. Туркмены привозили сюда на продажу свои ковры и лошадиные попоны. Главными занятиями каршинцев были разведение табака и приготовление полушелковых тканей сорта алача. Из отдельных сооружений, кроме находившихся в цитадели помещений правителя и дома с садом, где будучи наследником проживал Насрулла, Н. В. Ханыков, внутри старого города с четырьмя воротами упоминает три караван-сарая (из которых один был куплен местными среднеазиатскими евреями и целиком занят ими), одну баню, четыре медресе, одну крупную соборную мечеть и несколько квартальных мечетей, а в пригородной части мечеть Намазгох с голубым изразцовым куполом и старый кирпичный мост, отстроенный Абдуллою ханом через реку Об-и Шахрисабз.

Между тем с 1832 г. на протяжении 19 лет следуют один за другим с небольшими интервалами походы Насрулла хана (1827—1860) или налеты его войск, иногда по два-по три в год на Шахрисабзские владения, отправной базой для которых служили Карши. Постепенно увеличивается их постоянный гарнизон. Лишь небольшое количество солдат находится при арке и в густо заселенном кургане. Остальные размещаются на более просторных участках внутри внешних стен калы на окраинах «нового города». А последний продолжал расти еще большими темпами, обогнав в этом отношении Самарканд и превратившись при унаследовавшем борьбу с Шахрисабзом эмире Музаффаре (1860—1865) в самый большой город ханства после его столицы как по коммерческому значению, так и числу жителей.

Проживший в нем в 1863 г. три дня известный путешественник А. Вамбери писал, что население его составляли преимущественно узбеки. Кроме них, тут проживали тогда таджики, афганцы, индусы и евреи. Последние пользовались здесь правом въезда внутрь города, тогда как в других пунктах ханства, достигнув установленной границы, они обязаны были слезать с ишаков, лошадей, верблюдов или покидать арбу, вступая в город и шествуя по его улицам только пешком. Число караван-сараяв достигло к этому

времени 10^и, по замечанию А. Вамбери, если бы не политические смуты, довольно богатый рынок Каршей принял бы более деятельное участие в транзитной торговле между Бухарой, Афганистаном и Индией. Внимание венгерского путешественника привлекли ножевые изделия, которые хотя и уступали по качеству гисарским, но все же развозились по всей Средней Азии, а ходжами доставлялись даже в Персию, Аравию и Индию, где за них якобы платили в три-четыре раза больше против их стоимости на месте. Особо он отмечал клинки типа дамасской стали, рукоятки которых со вкусом покрывались золотом и серебром и которые, по его отзыву, в смысле прочности, превосходили самые знаменитые изделия Шеффилда и Бирмингама, в чем нельзя не видеть определенного преувеличения. На каршинском рынке тогда были очень дешевы привозившиеся из Бадахшана «сердолики», под которыми, быть может, следует понимать бадахшанские лалы или шпинель. Находящаяся к северо-западу от города крепость-курган, по словам А. Вамбери, была плохо укреплена. Особенно его поразило наличие публичного увеселительного места для прогулок, чего он не встречал ни в Бухаре, ни в Самарканде, ни в Персии. Именовавшееся «Каляндар-хана» (т. е. дом дервишей ордена каляндар), оно располагалось вдоль левого берега Кашкадарьи и представляло собой сад с разбитыми в нем дорожками и клумбами с цветами. Сюда собирались более или менее обеспеченные каршинцы для праздного препровождения времени с двух часов пополудня до захода солнца, прогуливались, восседали, весело болтая в нескольких чайханах с огромными русскими самоварами, или топтались около них в ожидании, когда там освободятся места.

Последний раз военные события непосредственно в Каршах разыгрались в 1868 г. и связаны были с действиями старшего сына эмира Музаффара и его наследника, Абд-ал Мелика Катта-тюры, бывшего тогда хакимом Гузара. Когда 2 мая войска Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана заняли Самарканд, по наущению Музаффара против русских выступили беки Шахрисабза и Китаба, а им в помощь были приданы бухарские войска Гузара, Карши, Чирагчи, Джама под командой Катта-тюры. Однако после проигранного эмиром сражения на Зерабулакских высотах все они разошлись по своим местам. Используя недовольство определенных кругов бухарского населения Музаффаром, особенно усилившееся после уплаты им золотом большой контрибуции, Катта-тюра принял активное участие в заговоре за низложение отца, с тем чтобы самому занять бухарский престол. Как только в Каршах вспыхнуло подготовленное восстание против эмира, Абд-ал Мелик тотчас прибыл туда из Бухары, но Музаффар вынудил его бежать в Шахрисабз, куда выступил сам и послал требование о выдаче Катта-тюры. Тамошние беки согласились на это при условии, что ему будет сохранена жизнь и он останется хакимом Гузара. Во время этих переговоров в бухарские владения вторгся со своими людьми более опасный враг известный казах-

ский султан Садык, сын султана Кенесары Касымова, действовавший от имени Катта-тюры и уже захвативший города Нурата и Кермине. Музаффар вынужден был направить свои войска против него. Этим затруднением отца воспользовался Абд-ал Мелик, вторично занял Карши, перевез туда свой гарем и, получив признание со стороны каршинских мангытов, двинулся на Бухару. В происходивших по дороге стычках бухарские войска переходили на его сторону. Напуганный эмир обратился за помощью к Кауфману. По распоряжению последнего из Самарканда был выслан отряд под командованием генерал-майора Абрамова, который после сражения под Каршами 21 октября через два дня штурмом овладел городом, потеряв 11 человек ранеными, 4 убитыми. На воротах каршинского кургана после штурма долго оставались следы от попавших в них русских ядер. Катта-тюра снова бежал в Шахрисабз, а его захваченный гарем Музаффар отправил в Бухару. 27 октября состоялась передача Каршей эмиру, после чего русский отряд возвратился в Самарканд, откуда был послан ультиматум о выдаче Катта-тюры или отцу или русским с угрозой в случае невыполнения этого требования подвергнуть Шахрисабз нападению с двух сторон. Шахрисабзцы предложили Абд-ал Мелику самому сделать выбор, после чего тот, распустив свое войско, объявил, что идет к русским, от которых к тому времени получил уже позволение прибыть в Самарканд. В действительности же он с отрядом в 400 человек бежал в Хиву, куда прибыл 22 декабря 1868 г. и где был радушно принят с назначением крупного месячного содержания в 1500 золотых тилля и дополнительной суммы «на одежду» прибывшим с ним его сторонникам*.

Два фактора обеспечили после того почти на целое полустолетие более или менее благоприятную обстановку для дальнейшего экономического развития Каршей как торгово-ремесленного центра крупного района в условиях существования в системе Бухарского ханства феодальных пережитков. Первый — признание Бухарой протектората России, чем положен был предел изнурительным военным действиям. Второй — последовавшее за штурмом 13—14 августа 1870 г. русским отрядом под командованием генерал-майора Абрамова кешской районной стены, занятие Китаба и Шахрисабза с передачей обоих в подчинение Бухарскому эмиру, чем навсегда было покончено с политической самостоятельностью этих бекств и с более чем вековой борьбой между ними и племенами, обитавшими в низовьях Кашкадарьи. От сложившейся ситуации из горожан выиграли больше всего связанное с крупной торговлей байство и в меньшей степени производители-ремесленники.

Как быстро стала сказываться на Карши новая обстановка явствует из описания побывавшего там в октябре 1874 г. Н. А. Мае-

*) В Хорезме Абд-ал Мелик прожил всего три месяца и перебрался оттуда сперва к туркменам, затем в Афганистан и, наконец, в Кашгар, где проживал в крепости Янги-хисар до 1873 г. на положении «полупленника». После того он направился в Индию, где и скончался 1909 г. в Пешаваре.

ва, которого сопровождали при поездке по ханству небезызвестный переводчик И. Бекчурин и Г. Кравцов. Последний произвел тогда первую фотофиксацию города, но местонахождение его негативов и отпечатков с них пока не установлено. Н. А. Маев отметил, что не в пример прочим бухарским городам, остававшимся почти без изменений со времени их посещения более тридцати лет назад русской миссией Бутенева, Карши заметно выросли. По словам автора, это было обусловлено тем, что город становился все более важным торговым центром для всего прилежащего с юга степного пространства, населенного туркменами, и, вместе с тем, значительным транзитным пунктом громадного бухарского рынка. В 1874 г. не только непрерывные ряды лавок и крытые караван-сарай заполняли старый курган, но постоянно оживленные базары огибали его с востока, юга и запада, а жилая городская застройка далеко перешагнула за пределы кольца упоминавшейся Н. Я. Ханыковым внешней городской стены, от которой в то время не оставалось уже и следов. Хотя собственно город не был особенно велик, но самое увеличение числа мечетей в Каршах, которых Н. А. Маев насчитал свыше полутора десятков (против шести прежних) и из которых несколько было построено всего два-три года назад, служило показателем весьма значительного прироста городского населения за последнее время. Кроме того, незадолго перед тем центр украсился новым довольно видным зданием медресе из жженных кирпичей, отстроенным на средства Шир Мухаммед-бая.

На наступившем новом этапе в жизни города становится весьма характерным, что в основном строителями каршинских медресе, мечетей, сооружений при мазарах и т. п. являются не эмиры, не беки, и даже не духовенство, а именно баи. Им, в частности, обязаны своим появлением такие капитальные здания медресе, как например, возведенное в 1910 г. на Гузарской дороге напротив ворот Тутак; в 1911 г.— медресе Бек Мурада Пок Сарпушт (или Бек Мир казак), отстроенное к северу от Чорсу усто Мухаммед Салихом Самарканди при участии мастера-резчика по мрамору Абдул Хакима Нурулла; в 1915 г.— медресе Клыч бай Хатама, возведенное на улице, отходившей от регистана к воротам Тутак усто Шарафом Бухари и др. Последним по времени появления было медресе Нур, сооруженное в 1917 г. на регистане между сардобой и медресе Али. Всего в Каршах было в 1920 г. около двадцати медресе. Как видно по надписям на некоторых из них, они строились не только местными мастерами, но также иногородними, однако всем медресе XIX века присущи некоторые общие специфические для них черты, говорящие о наличии своей каршинской архитектурной школы, возможно, с давними традициями.

Хотя после 1870 г. по темпам своего развития Карши не могли уже соперничать со вскоре намного перегнавшим его во всех отношениях Самаркандом, но все же продолжали расти настолько интенсивно, что до конца эмирата оставались вторым по величине городом в ханстве.

При всем своем росте Карши, страдавшие, как и прочие бухарские города, в том числе столица, от страшной скученности, до самого начала XX века включительно сохраняли в своем облике и в жизненном укладе очень многое от среднеазиатского феодального города.

Если бы совершать поездку в Карши на грани двух последних столетий и двигаться по дороге из Самарканда, то она подвела бы к берегу Кашкадарьи у моста с девятью арочными пролетами-равак, переброшенного через ее русло, имевшее тогда тут около

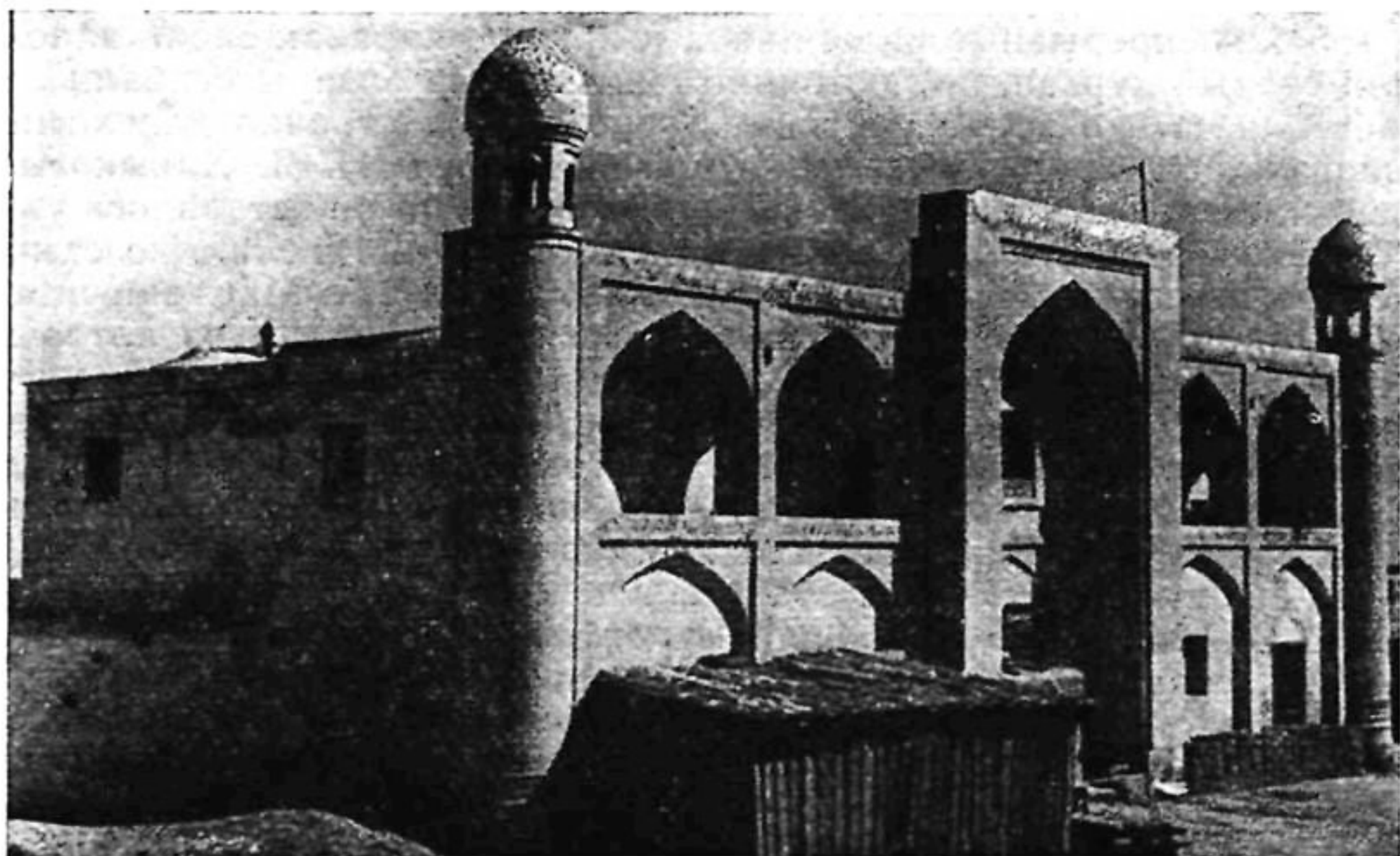

Рис. 7. Карши. Медресе Ходжа Абдул Азиза, 1328 г. х. (фото В. Н. Гришберга, 1954 г.).

100 м ширины. Это был не совсем тот мост, что функционирует до настоящего времени, обязанный своим внешним видом капитальной перестройке в 1914 г., после чего он некоторое время оставался на 9 устоях-раваках, а два года спустя удлиненный еще на два равака в связи с тем, что река расширила свое ложе. Вместе с тем мост конца XIX в. имел уже прочный каменный настил, заменивший бывший перед тем деревянный, сносившийся регулярно каждым паводком и доставлявший массу хлопот прибрежным жителям. На них в порядке натуральной повинности возложена была обязанность вылавливать унесенные водой бревна настила и сдавать их казне, ежегодно восстанавливавшей его за счет каршинцев.

За мостом, на левом берегу дарьи, тянулся довольно обширный запущенный эмировский сад, а по другую сторону находилась упо-

минавшаяся еще А. Вамбери бывшая загородная каляндар-хана, которая продолжала служить жителям Каршей местом отдыха и праздного времяпрепровождения. В последние десятилетия здесь, кроме чайных и кухмистерских, располагались так называемые кукнар-хана, где к услугам посетителей были опиум, кукнар (из мака), наша (из мелких листочков и семенной кожуры конопли) и другие наркотики.

Тут начиналась городская черта, раньше отмечавшаяся внешней глинобитной стеной города или калы, поддерживавшейся еще

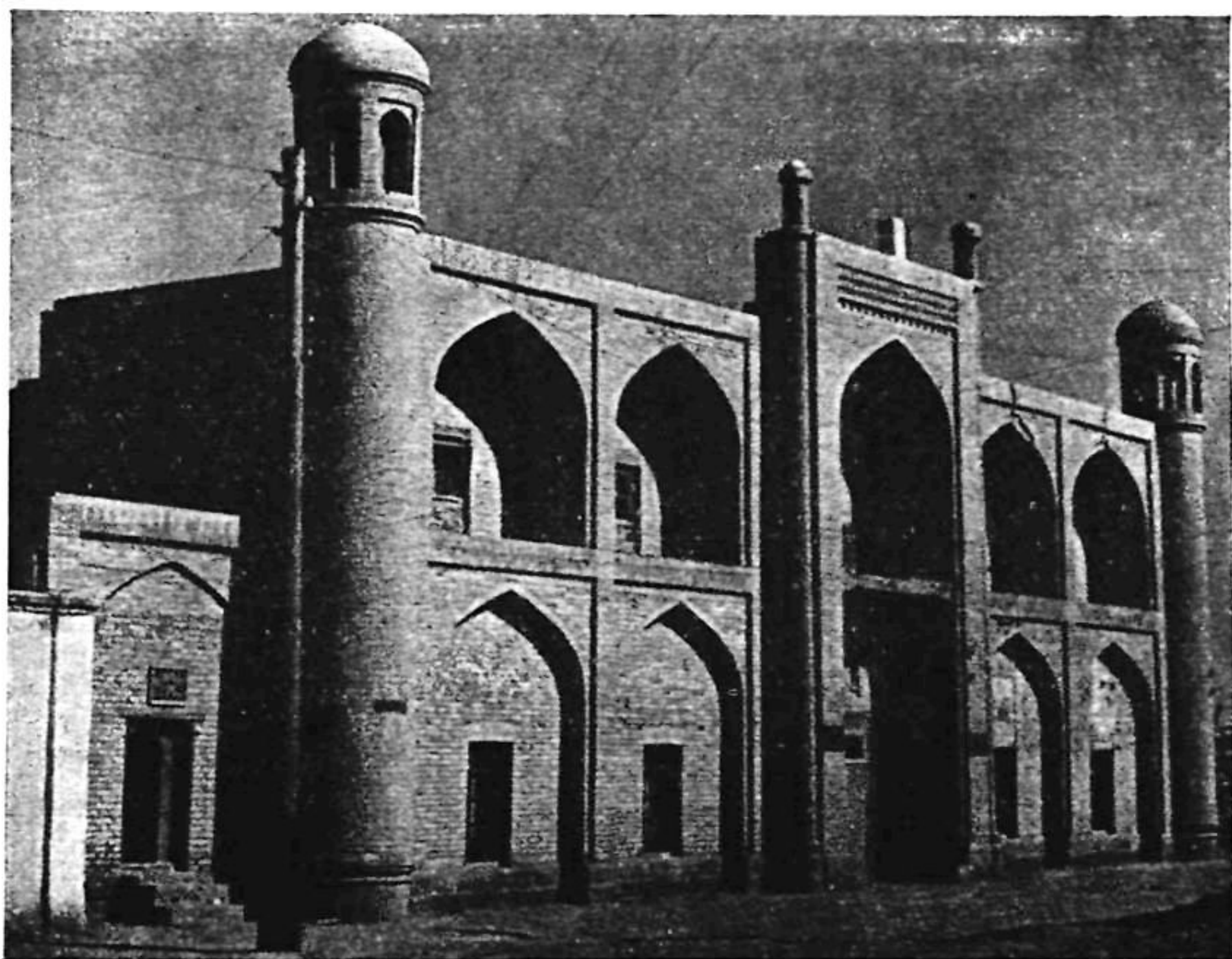

Рис. 8. Карши-курган. Медресе Бек Мир-казака (фото В. Н. Гришберга, 1954 г.).

при Насрулле-хане, с именем которого население связывает последнее по времени архитектурное оформление находившихся на дороге ворот, носивших, по преданию, название Кокандских. Последнее объяснялось тем, что во время похода на Коканд в 1842 г. Насрулла вывез оттуда полотнища красивых резных ворот, которые были доставлены в Карши и повешены здесь в пролете ворот на северном фасае внешней стены калы. Так как в ту пору столица Кокандского ханства еще не имела ни цитадели, ни внешней стены,

очевидно, вывезенные бухарскими войсками пологнища были взяты ими из какого-то богатого дома, возможно, ханского дворца. Во всяком случае, в Каршах к началу XX в. ни от них, ни от самой стены давно уже не осталось никаких следов, хотя было известно, что с северной стороны внешняя стена каршинской калы тянулась на большом протяжении вдоль берега дарьи.

На первом протекавшем поблизости крупном арыке был устроен в земле ряд небольших ям-цистерн, обложенных жженными кирпичами или камнями и служивших огородникам для промывки моркови, разводившейся в очень большом количестве. За цистер-

Рис. 9. Карши. Бухарский мост через Кашкадарью (фото В. Н. Гришберга)

нами широкая до того дорога переходила в улицу городского типа, почти до самой оживленной части базара огражденную с обеих сторон мелкими кустарными предприятиями, связанными с маслобойным производством. Здесь в течение дня раздавался постоянный скрип примитивных прессов, через которые пропускались за сезон десятки тысяч пудов льняного семени, привозившегося в Карши даже из других бекств Восточной Бухары — Денауского, Гисарского, Кафирниганского, Бальджуанского и Кулябского. Тянувшийся дальше уже сплошной базар, начинавшийся здесь лавками с глиняной посудой, производством которой, особенно поливной, славились в ту пору каршинские керамисты-куляли, вплотную подводил с этой стороны по той же большой улице к воротам Тутак, устроенным в северо-восточной фасе центральной и самой старой части города-кургана, который отстоял от реки на расстоянии около двух километров.

Из-за смены почти всего состава населения Каршей в пору кризиса XVIII в. нарушилась преемственность между прежними их

обитателями и поколениями современного коренного населения города, лишь самая незначительная часть предков которого пришла сюда на заброшенные места двести с небольшим лет назад. Подавляющее же большинство дедов и прадедов современных каршинцев появилось тут на протяжении XIX столетия. Это сказалось и в известном нарушении скелета прежней городской планировки, и в топонимике, утратившей огромное большинство старых названий, и в предании забвению передававшихся раньше из уст в уста сказаний о событиях, связанных с прошлым города и не запечатленных в письменных источниках. В результате даже у старожилов-каршинцев почтенного возраста в памяти сохранились лишь отрывки весьма смутных представлений о подлинной истории Каршей за ранние этапы с момента сложения города, а нехватку фактов о том, что происходило в действительности, народ восполнил изящным вымыслом, сложив различные легенды.

Старики убежденно передают, что территория, на которой раскинулся современный город, была обжита задолго до того, как отстроили курган, а с событиями первых лет проникновения в страну ислама связывают один из здешних мазаров, известный под именем Зиндафиль Ахмеди Джамии. Он расположен к северо-западу от кургана Каршей, менее чем в 1,5 км от его ворот по продолжению улицы Хиабан на Джангал-тепе, представляющем собой оплывший бугор былой средневековой усадьбы, где наверху имеется оштукатуренный намогильник, внутри которого якобы находится плита с эпитафией. Когда бывший дервишем Ахмади Джамии прибыл на берега Кашкадарьи, здесь правил царь — язычник, поклонявшийся слону. Случилось так, что в это время слон издох. Бесконечно опечаленный царь призвал к себе проживавших в его владениях мусульман и сказал: «Если ваш ислам правильная вера, оживите с помощью Аллаха слона. Даю на это сорок дней. Если за этот срок не оживите его, я прикажу всех вас прирезать». В течение 39 дней подавленные выпавшей на их долю бедой мусульмане ничего не могли придумать для своего спасения. В последний день поблизости проходил уставший от длинного пути какой-то пришелец. Увидел он лежащий на краю пыльной дороги истерзанный бездомными собаками труп ишака и подумал, как было бы хорошо, будь он живым, сесть на него и поехать. Собрал он разрозненные куски осла, приставил друг к другу и, вознеся к небу молитву, приказал ишаку во имя Аллаха ожить. Тот не пошевелился. Тогда услышавший просьбу дервиша Аллах предложил ему повторить то же от собственного его имени. Ишак ожил, а дервиш сел на него и поехал. То был Ахмади Джамии. Увидевшие чудо люди стали умолять его, чтобы он оживил слона. Ахмади Джамии согласился. Как и в случае с ишаком слон оставался неподвижным после произнесения приказа именем Аллаха и ожил при произнесении тех же слов, сказанных от имени самого дервиша. Увидев это, смутившийся царь-язычник объявил, что Ахмади Джамии надо убить, раз он дерзает действовать от своего имени, а не от имени

бога. С приведенными им доводами согласились и спасенные деревни мусульмане. Тогда Ахмади Джами сам снял с плеч свою голову и, держа ее в руках, вошел в служившую ему жилищем пещеру, вход в которую наглухо завалился сам собой. Так живой он ушел из жизни от неблагодарных людей, став святым, к имени которого потомки, в память о содеянном им чуде, добавили прозвище — «ожививший слона» (Зинда-филь). Лишь один парикмахер Салмони Поки Тирандос, бривший когда-то Ахмади Джами, хотел жестоко отомстить за него, но милосердный Аллах не разрешил ему этого. А могилу парикмахера, считавшегося покровителем каршинских сартарошей, до сих пор указывают в одном километре к западу от мазара Ахмади Джами.

Старики-каршинцы утверждают, что место, где стоит их курган, прежде называлось Тугран-замин, но что построен он не Тимуром, а раньше, задолго до него. В этом они безусловно правы. Живший в XV в. историк Шериф-ед-дин явно был далек от истины, когда писал, будто Тимур во время своего пребывания в Карши в течение зимы 1365—1366 гг. укрепил город, возведя стены его крепости. Поскольку указанная зимовка имела место в самом начале его карьеры, он в качестве одного из эмиров не обладал еще достаточно богатой казной, позднее щедро пополнявшейся грабежами при взятии зарубежных городов, и не мог бы произвести да еще в столь короткий срок подобной трудоемкой работы. Курган Каршей, представлявший вначале в плане почти правильный четырехугольник, со сторонами в среднем около 630 м, был задуман в первой половине XIV в. как центральная часть города и, может быть, будущая резиденция Кепека, солидных для того времени размеров, площадью без малого 40 гектаров и заложен тогда на более или менее свободной территории.

Хотя культурные слои, накопленные на ней за несколько столетий, достигают кое-где до 4—5 м мощности, но в них, по-видимому, не очень многое сохранилось от первых двух веков существования города. Закладывавшиеся здесь в 1965 г. нашей экспедицией в нескольких местах стратиграфические шурфы, за исключением одного пункта, показали отсутствие в них археологических материалов старше XIV в. К этому времени относятся извлеченные из нижнего слоя поливные изразцы, свидетельствующие, что уже тогда в городе были облицованные ими парадные архитектурные сооружения. В 1946 г. С. К. Кабанов обнаружил в русле Бешкент-арыка примерно в полукilометре от городских ворот по улице Хиабан резную глазурованную плитку XIV столетия от надмогильника, видимо, местной работы. В ее надписи от даты сохранились упоминание месяца рамазан и цифры десятков и единиц (44), позволяющие полностью восстановить ее как относящуюся к январю-февралю 1344 г. Между прочим, по надписи на оригинальном безымянном самаркандском мавзолее XIV столетия в группе Шах-Зинда известно, что творцом его красочного майоликового декора был каршинский мастер Али Несефи.

Крупный ров кургана на грани XIX—XX вв. находился в запущенном состоянии. В него десятки лет перед тем сваливали всякий мусор. Стоявшая на его краю баня сбрасывала в ров золу и спускала туда загрязненную воду. Дно его давно было сильно заилено и не расчищалось. При всем том близ ворот ров достигал ширины примерно 8—10 м при глубине в 3,5 м. В холодное время года в нем бывала стоячая вода до метра и более глубиной, а жившие по соседству каршинцы даже пользовались ею для хозяйственных нужд. Весной ров оказывался заболоченным, местами с камышовой порослью. К лету же дно его совершенно пересыхало.

Высившиеся по ту сторону рва выведенные из пахсы стены кургана на протяжении свыше чем шестисотлетнего существования неоднократно разрушались и переделывались. Об этом свидетельствовали ремонтные заделки в обвалившихся местах из жженных кирпичей и глыб камня, а в юго-восточном фасе искаженное в плане направление стены, получившееся при полной ее перестройке на всем протяжении. Лет семьдесят тому назад, оставаясь долгое время без ремонта, городские стены уже находились в полуразрушенном состоянии, хотя на большей части своего протяжения еще сохраняли венчавшие их зубцы позднего происхождения. Высота стен на разных участках колебалась от 6 до 8 м, а в местах обвалов было видно, что в основании они имели до 5 м ширины. Фланкирование при обороне обеспечивалось некогда устроенными на четырех углах круглыми в плане башнями, выступавшими наружу и также увенчанными зубцами. Их по старинке называли «тупхана» в воспоминание о том, что когда-то в них на верхних площадках располагались пушки с чугунными и медными не нарезными стволами. Вдоль некоторых фасов виднелись следы промежуточных полуразвалившихся башен-бурдж. Никакого военно-оборонительного значения в рассматриваемое время стены каршинского кургана уже не имели, но они продолжали еще выполнять свои полицейские функции, в связи с чем бухарские власти заботились о поддержании бывших в них ворот.

Их было четверо. По первоначальному плану они, вероятно, были устроены более или менее точно в середине каждого фаса и, безусловно, как и в других средневековых мавераннахрских городах, носили чаще всего название по тем близким или отдаленным, крупным населенным пунктам, куда вели начинавшиеся от них главные дороги. При восстановительных работах в период изжития кризиса XVIII в. некоторые ворота оказались сдвинутыми с прежних мест по условиям новой внутренней перепланировки города. В их наименовании большую роль стали играть узколокальные часто менявшиеся факторы чисто местного значения. В силу этого обстоятельства у одних и тех же ворот в разное время появлялись новые названия, а поскольку продолжали удерживаться и ранее употреблявшиеся, к началу XX столетия некоторые ворота имели по несколько наименований.

Сами городские ворота каршинского кургана в архитектурном отношении не отличались особой оригинальностью. Они находились на одной линии со стеной, имели ту же высоту, что и она, и были увенчаны такими же зубцами. По обеим сторонам не очень широкого проема, позволявшего, однако, без труда проехать большой арбе на двух высоких колесах, стояли две выступавшие вперед полукруглые по наружным очертаниям полые башни с проделанными в них бойницами для стрелков. В 70-х годах прошлого столетия в тимпанах порталов некоторых ворот еще виднелись жалкие остатки былой изразцовой облицовки с изображением белых звезд на голубом фоне. С внутренней стороны имелось два помещения для дежурного караула. Двойные полотнища ворот были изготовлены из очень толстых досок буджун карагача. На ночь они запирались изнутри навесными крупными боченкообразными замками, а ключи относились начальнику полиции в урду. Ворота открывались только после возглашения первого утреннего намаза. В конце XIX в. это было в большей мере традиционной данью прошлому, но позднее получило особый смысл, так как народ стал в этом видеть подчеркнутую изолированность проживавшей в кургане, как в своего рода старой аристократической части города, более зажиточной, привилегированной байской и служилой группы населения от обитателей обширного «нового города», состоявших преимущественно из мелких лавочников, ремесленников, огородников и прочих представителей беднейших слоев каршинцев. Городские власти после 1905 г. определенно побаивались их возможных восстаний как отклика на революционное движение в Русском Туркестане и на народные выступления в самой столице Бухарского ханства.

Ворота, на которых мы остановились и которые выводили из кургана в самую оживленную гущу базарной жизни «нового города», чаще всего назывались Тутак-дарваза, потому что здесь, в непосредственной близости от них росло тутовое дерево, факт сам по себе необычный для Карши дореволюционного времени. В меньшем употреблении было другое их большей давности наименование «Куюк-дарваза», т. е. «сожжение», появившееся, как уже приведено выше, в пору борьбы кенегасов с мангытами. Реже их называли также Несеб-дарваза. Наиболее распространенным среди населения названием соседних ворот в юго-восточном фасе, так же выводивших на большой базар в кале, было Шаршара-дарваза, или Чарчара-дарваза, чисто звукоподражательное. Оно обязано своим появлением тому, что неподалеку от них через ров был прежде переброшен большой желоб, по которому из Файзабадарыка внутрь кургана поступала быстро протекавшая вода, почему у ворот постоянно слышался шум от ее журчания, напоминавший скоропроизносимое сочетание звуков «шар-шар». Второе их наименование — Джиляу-хана дарваза — объясняется тем, что за ними внутри кургана находилось место, где оставлялись лошади тех, кто прибыл сюда для посещения бековской урды. Наконец.

третье название Ильчи-хана дарваза связано с расплосленным в дореволюционное время поблизости, вне кургана так называемым «Посольским домом», который был обязательной принадлежностью как столицы, так и всех главных городов ханства. В Карши «Посольский дом» существовал еще при Хайдаре, но был очень скромным. Когда с 70-х годов участились посещения бухарских владений представителями русской администрации и военнослужащими Туркестанского края, то для их приема на время пребывания в Каршах снималось более или менее приличное частное помещение у какого-нибудь богатого купца. В описываемое же время для этой цели имелся уже в нескольких шагах от большого базара специальный казенный дом с большим двором, высокой террасой, на которую выходило три окна русского типа, и с железной печкой в жилой комнате. В юго-западном фасе кургана находились ворота, также имевшие три названия. Первое — Хандак-дарваза, или «Ворота рва» — вызвано было тем обстоятельством, что ров с этой стороны во второй половине XIX в. был в лучшем состоянии и более внушительным, чем вдоль других фасов. Поскольку присмотр за содержанием этих ворот в порядке повинности был возложен на жителей махалля Кавчин, их именовали также Кавчин-дарваза. Последнее их название Карлык-хана-дарваза связано с одноименным крупным махалля, в котором когда-то проживали карлуки и земли которых находились непосредственно к северо-западу от ворот. Еще больше вариантов названия бытовало среди каршинцев для ворот северо-западного фаса. Самое старое из них, известное с XVIII в., — Хиабан-дарваза, т. е. «Ворота аллеи», иногда также «Внутренние ворота хиабан», обязано было тому, что отходящая от них дорога некогда была обсажена с обеих сторон деревьями, образующими чудесную аллею. Слово «Внутренняя» добавлялось к названию в отличие от «Наружных ворот хиабан», во внешней стене каршинской калы, находившихся несколько западнее на протяжении этой же аллеи. Более популярное наименование «Тагир раста» обязано начинавшейся за ними бойкой базарной улице. Поскольку же вдоль нее внутри кургана располагались лавки-мастерские медников, а по другую сторону ворот в самом начале Хиабана тянулись ряды кожевников, то ворота назывались также по профессиям этих двух категорий ремесленников — Мисгарлик-дарваза и Чаримгар-дарваза. Название Янги-дарваза на грани XIX—XX столетий не было в употреблении, так как еще не существовало самих этих пяток по счету и самых поздних по времени появления ворот, устроенных в западном углу кургана и просуществовавших недолгое время.

В самой планировке кургана в конце XIX в. можно было улавливать явные признаки зависимости от структуры позднефеодального города, которое определялось находившимся в центре купольным зданием базарного пассажа-чорсу и четырьмя ведущими от него к городским воротам основными уличными артериями. Время в значительной мере нарушило их былую геометрическую пра-

вильность, особенно после кризиса XVIII в. В начале XX столетия они отходили друг от друга не под прямыми углами и, начинаясь от одного из четырех проходов чорсу, далеко не все были сколько-нибудь прямыми. Ломаясь на своем протяжении под разными углами, они подводили к городским стенам не всегда в середине их фасов, чем сбивались основные оси первоначальной планировки. Это в свою очередь вызвало необходимость устраивать ворота кургана на новых местах. При всем том эти главные магистрали в Каршах в конце XIX столетия, по словам очевидцев, были шире и содержались чище, чем в тогдашнем Шахрисабзе. Все прочие были кривые, узкие, и вместе с массой переулков и тупичков составляли весьма неправильную путаную извилистую уличную сеть.

Лавки располагались на всех главных уличных артериях кургана, но сплошные ряды их были сосредоточены тогда главным образом на пространстве от ворот Хиабан через центр до Тутакдарваза, причем они захватывали и ближайšie отрезки, отходившие от главных боковых переулков. Над торговыми рядами бывали устроены переброшенные с одной стороны улицы на другую на уровне крыш легкие перекрытия, затенявшие проходы от солнечных лучей. Здесь с утра до вечера было более или менеелюдно. Наоборот, в жилых частях старого города поражало даже днем безлюдие, с которым гармонировал несколько унылый вид кривоватых улочек, лишенных, как правило, зелени и сдавленных частными домами с глухими наружными стенами нижних помещений и весьма распространенных верхних каркасных балахана.

При малом количестве арыков водоснабжение центральной части кургана в известной мере обеспечивалось сооруженной на регистане из жженных кирпичей старинной купольной цистерной-сардоба, с четырьмя входами. Внутренний диаметр самого, цилиндрической формы, водоема был свыше 14 м, 40 ступенек вело к его дну. От него до замка купола внутри было около 18 м. Купол же поднимался над поверхностью земли более чем на 7 м. Неоднократные переделки и ремонты несколько исказили первоначальный внешний вид сардобы, что особенно было заметно по ее деформированному куполу, увенчанному для лучшей вентиляции внутреннего пространства цилиндрической формы фонарем с пятью огнями. Вода в нее поступала из Файзабад-арыка через упомянутый желоб над рвом, причем значительная часть подводящего канала перед сардобой была сверху перекрыта, чем достигалась до известной степени гарантия меньшей засоряемости водоема. Сардоба содержалась опрятно, но иногда во время редких в Каршах больших дождей в нее попадала стекавшая с улиц грязная вода. Кроме того, в некоторых местах, главным образом на базаре, как внутри кургана, так и вне его имелось несколько колодцев, большая часть которых составляла вакуфную собственность. При них для водопоя лошадей и ишаков стояли корыта-сакоя, иногда выдолбленные из одного куска камня. Специально приставленные

люди наполняли их по мере надобности. За пользование водой полагалась плата в один медный пул (примерно 1/4 копейки). Монетки бросались в те же корыта, которые каждый вечер обходил мутевалли, вытаскивая из них дневную выручку.

Кварталы, на которые делилась вся территория старого города, назывались гузарами. Так были гузары: Куляль, Карвон, Ишкор, Чарсу, Косаляр и др. Среди прочих в северной части кургана, где теперь разбит парк культуры, имелся гузар, считавшийся беков-

Рис. 10. Карши-курган. Сардоба; справа часть портала медресе Али (фото Ш. Иногамова, 1929 г.).

ским, поскольку тут проживали шогирди-пешона, входившие в состав регулярного войска на особом положении подготовительной части. «Шокирд-пеша» — буквально «успевающий ученик». Прощедших полную выучку переводили в разряд настоящих солдат-нукеров. Когда нукеры уходили в поход, на шогирди-пешона возлагалось несение гарнизонной службы, охрана городских ворот, военного и вообще казенного имущества.

Самый центр кургана у площади регистан с находившимися вокруг общественными зданиями в начале XX столетия производил своим внешним видом неплохое впечатление. Здесь также были и мелкие лавчонки, и в ту пору только два из шести городских караван-сараяв, и несколько обветшалых и почерневших от времени старинных медресе, вроде медресе Сарай или медресе Вики-бия.

Последнее было возведено бывшим раньше простым узбеком, бескорыстно спасшим заблудившегося на охоте в окрестностях Каршей неузнанного им Абдулла-хана и возведенным после того за эту услугу в звание бия. Зато большинство других высившихся здесь зданий, особенно новые опрятные медресе XIX в., не имели того запущенного вида, какой был присущ подавляющему числу небрежно содержавшихся тогда памятников старины в столичной Бухаре.

Тому, кто двигался бы к каршинскому регистану в 1899 г. по улице Мисгарлик, уже издали бы маячил высокий купол базарного Чарсу (обращенный проходами на четыре стороны). Подойдя ближе к этому старинному, до 25 м в поперечнике, зданию с четырьмя открытыми проходами, ориентировка которых находилась в полном соответствии с направлением фасов стен кургана, нетрудно было бы заметить, что его некогда строго центрированное положение на пересечении отходивших от городских ворот улиц, было явно нарушено позднейшей перепланировкой «старого города» во второй половине XVIII столетия. Юго-западный проход Чарсу выводил уже не на прямую широкую магистраль, упирающуюся другим концом в городские ворота, а на коротенький узенький переулок, пригодный лишь для пешего хождения. С противоположной северо-восточной стороны, чтобы выйти из-под базарного купола на ведущую к Тутак-дарваза другую главную городскую магистраль, приходилось делать на небольших отрезках два поворота под прямыми углами вдоль пары караван-сараяв и небольших медресе. Только у юго-восточного прохода открывался вид на просторный регистан, но и тут с правой стороны стояло здание второй старинной бани, которая была одной из четырех существовавших тогда в Карши.

Вымощенный, очень чисто содержавшийся регистан был вытянут с северо-запада на юго-восток, имея около 70 м в длину и до 50 м в ширину. На него, образуя архитектурный ансамбль «кош» (т. е. состоящий из двух противостоящих сооружений), выходили главные фасады большой каршинской соборной мечети Одина (т. е. пятничная) и медресе Абдулла-хана. Расположенная с западной стороны площади внешне ничем не примечательная джума-мечеть имела прямоугольный план (примерно 50×40 м) с угловыми и промежуточными гильдаста. Достопримечательностью являлся наружный замок, закрепленный на верху косяка ведущих во внутренний двор входных дверей. Его металлический наличник был сделан в виде крупной рыбы, раскрашенной и с большим отверстием для ключа, который сам был весьма значительных размеров. Рядом, несколько выше, как и в самаркандском мавзолее Шах-и Зинда, было прибито меньшее по величине изображение рыбы, отлитое из желтой меди. Главная ось высившегося напротив портала медресе Абдулла-хана по отношению к соборной мечети проходила несколько южнее оси последней. Это старейшее из тогдашних каршинских медресе, отстроенное в XVI в., представля-

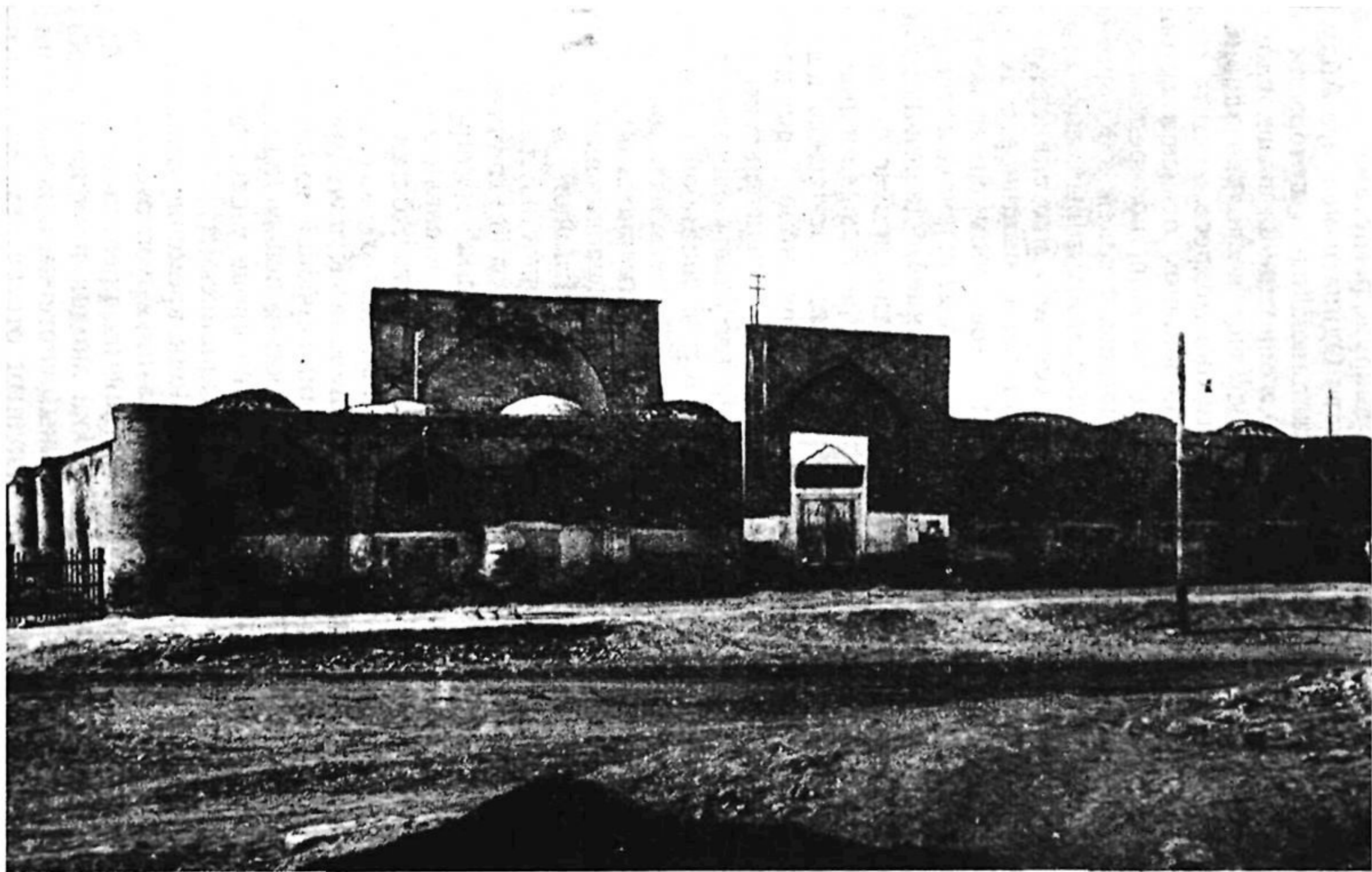

Рис. 11. Карши-курган. Главная пятничная мечеть (фото В. А. Шишкина).

ло собой двухэтажное здание (площадью около 45×35 м), насчитывало до 40 помещений и имело декор из поливных плиток, в основном майоликовых, а также из квадратных и продолговатых изразцовых кирпичиков. Все, что вокруг регистана оставалось свободным от передних фасадов мечети Одина и медресе Абдуллахана, было занято рядами базарных лавок, из-за которых с юго-восточной стороны поднимался купол описанной выше сардобы. Позднее в районе регистана появилось еще несколько зданий общественного назначения, преимущественно медресе.

Чуть южнее соборной мечети, на небольшом от нее расстоянии в описываемое время находилось медресе Али, по преданию возводившееся на средства богатой женщины, ведшей в Карши торговлю молоком, но достроенное Хайдаром, который для его содержания завещал в вакф несколько селений. Это единственное в Каршах «ханское» медресе, непосредственно связанное с эмирами из династии мангытов, несмотря на свое громкое название — «благородное», «великое», «высокое», в смысле значимости, и на сильно преувеличенные показания каршинцев, дававшиеся ими Н. В. Ханыкову, будто в нем имелось 60 худжр, в действительности было скромной внешности и очень незначительных размеров. Само здание, имевшее в плане всего 20×15 м, было поставлено несколько косо по отношению к регистанскому ансамблю, так как его ориентировка в момент сооружения находилась в зависимости от направления отходившей в XVIII в. на юг улицы, начало которой пролегало как раз тут между медресе Али и сардобой и которая к концу XIX столетия тоже почти сплошь была занята базарными лавочками. Только на первом ее изгибе, примерно в 60 м от сардобы, стояли почти друг против друга иного назначения сооружения. С восточной стороны высилось капитальное и довольно эффектное медресе Шир Мухаммеда, отстроенное из жженого кирпича в середине 60-х годов XIX в. Оно имело две угловые аудитории-дарсхана и 17 худжр, из которых две для мударрисов. Его наружные резные двери под порталной аркой, согласно вырезанной на косяке надписи, изготовил местный уста Абд-ал Хаким несефи в 1282 г. Напротив медресе, чуть наискось от него, находилось малопривлекательное помещение тюрьмы-зиндана. К началу XX в. там не было уже злобещей бутылеобразной глубокой ямы-«клоповника», именовавшейся «канна-хана», так как в ней содержались клетки-кана (*Argas persicus*), высасывавшие кровь у осужденных, которых спускали туда на веревках. Каршинский клоповник был ликвидирован, как и во всем ханстве, одновременно с канна-ханой столичного арка в 1885 г. по представлению русского политического агента в Бухаре в день восшествия на престол эмира Ахада. С тех пор заключенных в каршинский зиндан помещали в общую просторную саклю с глухими прочными стенами, невысокими нарами вдоль них и световым потолочным отверстием, над которым был устроен каркасный фонарь для защиты от дождя и снега. На большинстве осужденных были кандалы. Все арестанты содержа-

лись за счет родственников или доброхотных приношений благотворителей, а посаженных за долги должны были обеспечивать их займодавцы.

За тюрмой, примерно в 120 м от сардобы, после следующего легкого изгиба своего направления в другую сторону улица выводила на вторую городскую площадь, которая тянулась с севера на юг вдоль восточного фаса бековской урды и имела до 50 м ширины. Своим названием «Джиляу-хана» она была обязана тому, что по этикету здесь должны были слезать с лошадей те, кто являлся на прием в урду, куда въезд был запрещен всем, кроме эмира, наследника престола и самого бека. Никаких коновязей не существовало, и как бы долго ни продолжалась аудиенция, лошадей все время полагалось по этикету для пущей важности держать под уздцы. Площадь в значительной части также была замощена, содержалась в чистоте, но, в отличие от регистана, здесь было несколько групп деревьев и небольшой хауз, смягчавшие отчасти тягостное впечатление от унылого вида крепостной стены арка и угрюмо выглядевших его ворот. При встречах на этой площади почетных гостей участвовали музыканты и разного рода артисты, демонстрировавшие перед ними свое искусство. В одном из углов в конце площади долгое время висела постоянная виселица. Против урды располагалась камера-махкама каршинского судьи-казия, которая временами помещалась и внутри арка. Рядом с площадью проживали бачи, а во всех выходящих на нее улицах опять тянулись ряды базарных лавок, минуя которые можно было подъехать к близко расположенным воротам Шаршара. Неподалеку от них находилась каляндар-хана, служившая зимним общежитием дервишей ордена каляндарей, которые лето обычно проводили на участке по Бешкент-арыку в Туркмен-гузаре.

В урде проживали при посещении Каршей эмиры, хотя там не было специально для них отстроенного дворца, почему иногда парадные приемы проводились в зимнем помещении мечети. Урда бывала резиденцией наследников престола, когда они оказывались здесь на положении хакимов. В основном же она служила официальным, единственным и постоянным местом пребывания каршинского бека. Последний за все время, пока состоял в этой должности, не имел права проводить ни одной ночи вне ее стен даже летом, когда большинство жителей кургана переселялось в окрестности. В этом отношении наследники престола пользовались большей свободой, сплошь и рядом проживали в эмировском саду и даже назначали там аудиенции. Вообще представление о Каршах, как о своего рода исключительном дофине мангытской династии, где беками якобы бывали преимущественно старшие сыновья бухарских эмиров, не совсем соответствует действительности. За столетнее существование династии со времени Хайдара сын его Насрулла провел тут самые последние годы жизни отца. Считавшийся наследником Музаффар прожил в Каршах лишь некоторое время и, будучи заподозрен Насруллой в злых умыслах против него, был

переведен в Кермине, где в связи с большой близостью к Бухаре, за ним легче было следить. Абд-ал Ахад вообще избегал Карши и, даже став эмиром, бывал в этом городе не чаще, чем раз в десять лет. Лишь Мир-Алим вскоре по окончании им Пажеского корпуса в Петербурге, вынужден был по распоряжению отца прожить в Каршах несколько дольше всех остальных своих родичей трех поколений по восходящей линии.

Среди каршинцев в описываемое время про урду ходили разные обывательские толки. Утверждали, что там имелось несколько подземных ходов, по которым будто бы можно выйти из арка за несколько верст (чакрымов) от города. Под впечатлением рассказов о бывшей прежде канна-хана создавались легенды о наличии в урде глубоких колодцев, темных погребов и целых подземных тюрем где, не видя света, томилась якобы узники, заточенные туда на всю жизнь. На самом деле все это было сильно приукрашено народной фантазией.

Занимавшая площадь свыше 2,25 гектара в южном углу кургана и вместе с тем изолированно стоявшая там в 36—50 м от городской стены каршинская урда, или арк представляла собой в конце XIX столетия цитадель действительно значительно более солидную, чем тогдашняя шахрисабзская урда. В плане она представляла обнесенный крепостной стеной неправильный четырехугольник, не имевший даже двух одинаковых сторон. Самая короткая из них, северо-восточная, тянулась в длину примерно на 120 м. За ней шли два южных фаса в 150 и 160 м. Самая длинная северо-западная сторона достигала 180 м. Благодаря высокой, не менее 10 м, зубчатой стене арк заметно возвышался над прилегающей застройкой, однако не подходившей к нему вплотную. Вблизи казалось даже, что он расположен в самом высоком месте города, хотя таковое занимала в действительности его центральная часть вокруг регистана. Глинобитные стены урды, сложенные из разной высоты ярусов пахсы (в среднем около 70 см) явно неоднократно подвергались подновлению и ремонтам. Об одном из таких мероприятий известно по письмам Хайдара к здешнему беку, Хаким-бюю, из мангытов в самых первых годах XIX в. Тогда не только требовалось капитальное подновление стен кургана, но эмиром усиленно рекомендовалось держать в исправности цитадель, а после науруза, с наступлением теплых дней, предлагалось довести высоту ее стен до 7 гязов, ворота устроить в ней с перекрытием, а в четырех угловых башнях, которые никогда не служили в качестве туб-хана, сделать жилые помещения. Судя по изучавшимся в 1965 г. кешской археолого-топографической экспедицией остаткам урдинской стены по юго-восточному фасу, ширина ее у основания достигала 4,5 м. Кроме угловых башен, у арка было несколько промежуточных заovalенных бурдж, выступавших от поверхности стены наружу не менее двух метров. Помимо главных ворот, в середине юго-восточного фаса КАТЭ в 1965 г. выявлен проход-тешик (шириной в 1,6 м), которым, возможно, пользовались лишь временами. Тут же, чуть

южнее средней бурджи, под стеной оказалось проложенным прямоугольного сечения ложе арыка шириной в 45 см, по которому прежде внутрь цитадели поступала вода. Дно и стенки его были выложены жженым кирпичом разных размеров (от 25×26×4 см до 27×27×5 см), а сверху шел сплошной настил из деревянных бревнышек длиной от 0,9 до 1,15 м при диаметре от 9 до 20 см.

Главные ворота урды, выходявшие своим передним фасадом на площадь, находились недалеко от северного угла северо-восточного фаса. Устроенные по обычному типу среднеазиатских крепостных ворот с зубцами-кунгра наверху, двумя башнями по сторонам и несколькими бойницами, они носили громкое название «Сахловдарваза», т. е. «Ворота защиты». Здесь круглые сутки дежурил караул из нескольких солдат гарнизонного батальона сарбазов. В самом конце XIX в. они были одеты в круглые барашковые шапки, красные, короткие, заправленные в штаны халаты, черные кожаные сапоги с очень высокими голенищами. Вооружены же были уже не фитильными среднеазиатскими мултуками или европейскими разных систем ружьями, заряжавшимися с дула, как еще в 80-х и даже в начале 90-х годов, а полученными от русских так называемыми «берданками», заряжавшимися с казенной части одним патроном. Справа и слева от прохода под воротами возвышались суфы, на которые поднимались по нескольким ступеням, а за суфами располагались двери, ведущие в небольшие темные привратные помещения для свободных от несения караула сарбазов.

Из ворот попадали внутрь урды на первый узкий вытянутый в глубину двор, напоминавший собою улочку. В торжественных случаях вдоль него по обеим сторонам выстраивались в блестящих, шитых золотом и серебром, парчовых халатах каршинская знать и приближенные бека. Вблизи ворот находилось помещение главы полицейских, куда, между прочим, сносились к ночи ключи от четырех городских ворот и где они оставались до провозглашения утреннего намаза. У самой стены арка располагалась купольная мечеть для обитателей урды. Вдоль двора-улочки размещались бековская канцелярия (мирза хана), денежное хранилище (хазина хана), казармы каршинских сарбазов, жилища некоторых служащих в урде лиц, разные подсобные помещения, конюшня-атхана и специальная куш-хана для охотничьих ловчих птиц.

В самом дальнем конце улочки-двора имелась калитка, ведущая на половину бека. Если там совершал прием сам эмир, то у этой калитки почетных посетителей подхватывали под локти двое придворных в чине удайчи с длинными красными посохами в руках и вводили во второй «чистый» двор, на который выходили окна парадных комнат. Тут же была вторая более интимная мечеть для самого бека и узкого круга близких к нему лиц. Приемные комнаты не отличались особым убранством, имели гладко оштукатуренные белые стены и пестро раскрашенные деревянные потолки. За ними находился небольшой садик с хаузом посередине и хорошеньким павильоном-беседкой сбоку, стоявшим под сенью густых деревьев.

Из садика по узкому переулку можно было пройти в арсенал и пороховой склад. В последнем к началу XX в. был уже наведен некоторый порядок. Порох не лежал кучами на циновках и не хранился в лучшем случае в глиняных горшках, лишь прикрытый дощечками, как это было еще в конце 70-х годов и несколько раньше. Не валялись на полу, кое-как мешки с зарядами вперемешку с ядрами, пулями и патронами. В хранении боеприпасов не было былой беспечности, но как и прежде, неподалеку в отдельной сакле помещалась примитивная мастерская для отливки пуль.

По другую сторону к дворцовому садiku примыкали постройки гарема, территория которого была обнесена особой внутренней стеной. В этом «сокровенном» месте имелись свой садик, хауз и лабиринт помещений с маленьким двориком. Все строения арка были преимущественно одноэтажными, иногда с балаханами, в основном с сырцовыми или дувальными стенами, плоскими земляными крышами, но некоторые дворы были вымощены жженым кирпичом. Обслуживание урды составляло повинность жителей гузаров Чаримгар и Бузруг-абад. Что происходило внутри стен урды и как там протекала жизнь, все это было скрыто от глаз людей, проживавших в кургане, не говоря уже о более многочисленных обитателях обступившего его со всех сторон нового города, уже к середине XIX столетия не вмещавшегося в границах прежней калы с окончательно утратившей к тому времени всякие следы ее внешней стеной.

Запрещение Хайдара возводить торговые лавки вне кургана было давно отмечено самой жизнью. Как след того, что некогда определенная категория ремесленников проживала в «старом городе», оставались к началу XX в. только старые названия кое-каких кварталов, потерявшие смысл, поскольку в них обитали теперь представители привилегированных групп каршинского населения. Таковым был, например, гузар Челонгарон, т. е. слесарей, которых в описываемое время там не было, а само наименование большинству горожан было уже непонятно. Процесс перехода кустарей в пригород на грани двух последних столетий полностью не завершился. Так, часть ювелиров продолжала жить, работать и торговать внутри старого города, но вместе с тем значительный ряд лавок заргаров был на большом базаре к юго-востоку от кургана. По мере того как ближайšie к нему пригородные махалля приобретали с появлением новых насельников внешний вид обычных, только более крупных городских кварталов, многие стали именоваться уже гузарами, причем некоторые из них насчитывали от двух до четырех мечетей, т. е. включали несколько приходов. Таковыми гузарами были находившиеся к северу, северо-западу и западу от кургана прежние махалля: Туркмен-гузар (где жили среднеазиатские евреи, которые долгое время одни торговали местным шелком и только в мотках); Араб-хана (с обитавшими там потомками выходцев из Аравии), севернее расположенный Кум-равот, примыкавший с западной стороны Загза, соседний исключительно крупный газар Кургонча, расположенный к югу почти таких же размеров Чаримгар, а также

меньшие по числу домов Бузрук-абад (или Бузур-рават), Баш-гум-баз, Махсумовот, упоминавшийся выше гузар Карлык-хана и др. Дальше за ними располагался махаллот, где, однако, пригородные махалля чередовались с сохранявшими старые названия кишлаками. Поскольку во всех них было много садов, виноградников, огородов, бахчей, на глаз трудно было различить, где же кончается новый внешний город с его гузарами-махалля и начинаются окрестные селения. Если северную границу Каршей легко было ощутить пример-

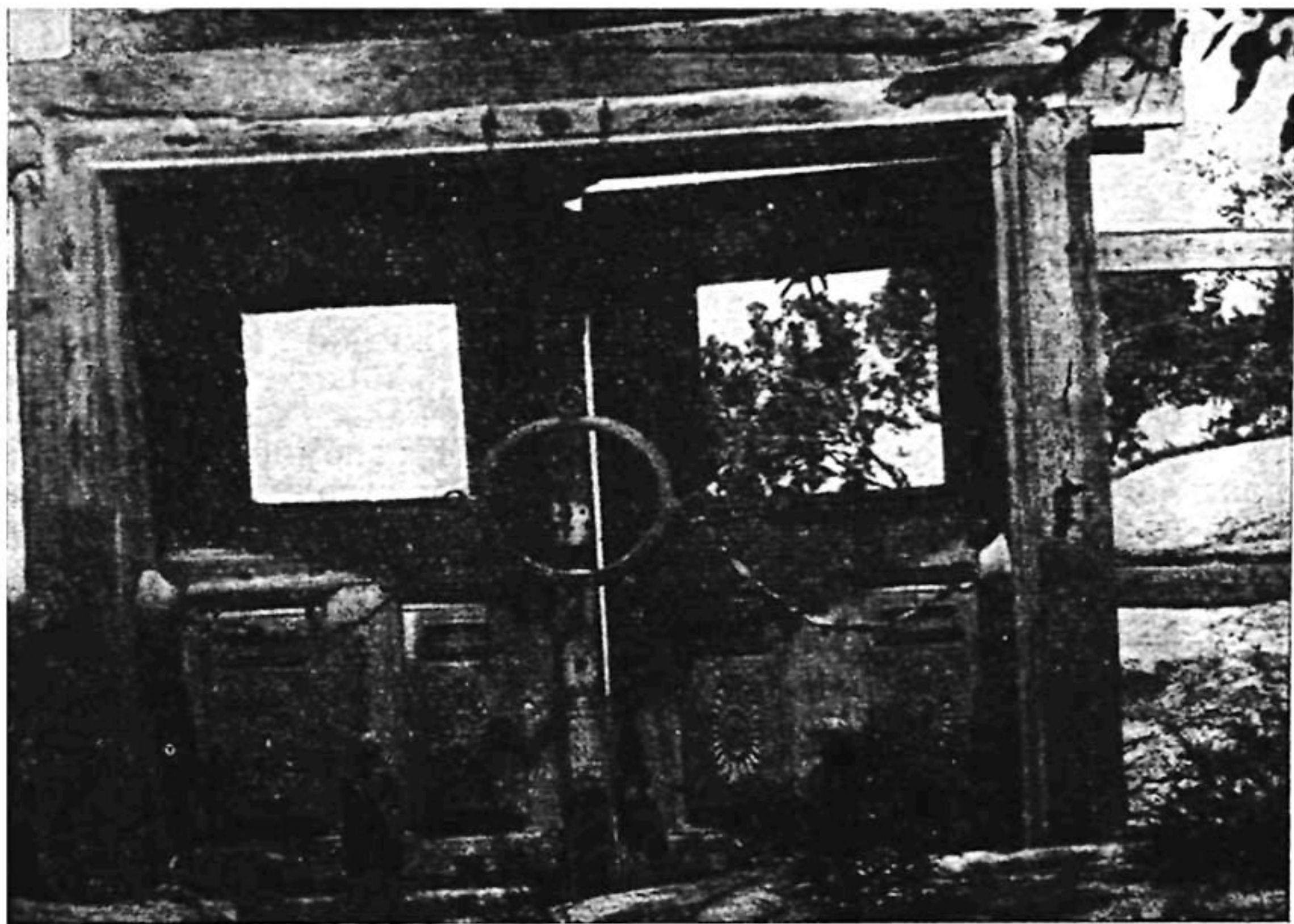

Рис. 12. Карши. Ворота на кладбище Ходжа Убай Джаррах (фото 1946 г.).

но в двух километрах от кургана, подъезжая к Кашкадарье, то вдоль отходившей по ее левобережью достаточно просторной и чисто содержавшейся улицы-дороги на Бухару тогдашняя городского типа застройка встречалась даже в пяти верстах от ворот Хиабан.

В каком бы направлении ни двигаться от кургана, повсюду попадались многочисленные, разных размеров кладбища, иногда старинные, насчитывавшие сотни лет, с намогильными каменными плитами XVI—XVIII вв. и с кладбищенскими сооружениями. Они отнюдь не образовывали единого сплошного кольца на окраинах калы, а были неравномерно разбросаны на разных расстояниях от курга-

на, отмечая в ряде случаев границу пригорода той или иной эпохи. Кроме того, в Каршах в конце XIX столетия встречались отдельные захоронения, даже с намогильными плитами, внутри дворов, что, как и в Бухаре, допускалось, если владелец дома выражал желание быть погребенным на принадлежавшем ему при жизни участке. Главное каршинское кладбище находилось западнее кургана, носило название мазар Катта Ходжа Рушнои и тянулось с северо-востока на юго-запад примерно на 300 м при ширине около 100 м. На находившемся в середине его бугре был похоронен сам Ходжа Рушнои. Рядом, к северо-востоку от него, располагалось кладбище меньших размеров, где была могила его младшего брата, почему оно именовалось Кичик Ходжа Рушнои. На обоих встречались намогильные плиты XVI в. Всего на территории калы было около двух десятков мазаров, но наибольшей популярностью пользовался мазар Ходжа Убай Джаррах, расположенный несколько восточнее дороги, ведущей из кургана к кашкадарьинскому мосту. Поворачивали с нее к кладбищу примерно с полпути. Ходжа Убай считался арабом по происхождению, причислялся к сахабам (т. е. к лицам, которые видели пророка Мухаммеда при жизни) и был якобы искусным хирургом, откуда его прозвище «джаррах». К его могиле в поисках исцеления от разных болезней стекалось на зиарат много людей, особенно женщин, оставлявших в напоминание о своих просьбах на растущем близ хауза основном стволе большого дерева (д = до 90 см) и на пяти его крупных побегах (толщиной в поперечнике до 20 см) привязанные к веточкам тряпичные лоскуты, прилепленные к огромному корневищу маленькие лепешечки из сырой глины. На территории обнесенного дувалом кладбища стояли мечеть и здание, в котором находилось несколько красивых резных каменных намогильников. Много позднее там появился небольшой минарет, мезана, отделанный глазурованными изразцами, и хорошо оформленный крытый вход на кладбище. На огромных тяжелых деревянных полотнищах его ворот было размещено много бронзовых украшений в виде пары массивных многогранных халька (д = 23 см); двух исключительно крупных кистей рук с вырезанными на них именами Аллаха, Мухаммеда и четырех первых халифов; цепи-занджир и разных бляшек. В конце города с восточной стороны находилось «кладбище урусов», представлявшее братскую могилу солдат, убитых при взятии Каршей в 1868 г. Над могилой стоял скромный памятник.

Из отдельных крупных территорий специального назначения в пределах калы имелся Сарбаз-гузар, или Сарбаз-хана, занимавший обширный участок к юго-юго-западу от кургана. На его краях находились обычно пустовавшие запасные воинские казармы с обширными дворами для строевых учений, а в середине были отстроены помещения для офицерского состава. Все это предназначалось для тех батальонов сарбазов, которые сопровождали эмира при его переездах из Бухары в Карши, к каковому моменту здания и приводились в порядок.

Несколько севернее примерно в 650 м к юго-западу от кургана уже за пределами старой стены калы располагался обширный сад вокруг загородной мечети Намазгох, отстроенной еще по распоряжению Абдулла-хана. Среди населения бытует предание, согласно которому первое здание мечети на этом месте якобы было возведено одной шахиней в благодарность за полученное ею в Каршах исцеление от тяжелого недуга, причем для определения, где именно ее следует воздвигнуть, прибегли к гаданию при помощи метания камней.

В пригородной же части, по направлению к мазару Ишана Шаида, находившемуся примерно в 0,5 км восточнее кургана, но в пределах калы, рядом с конным базаром был большой пустырь, на котором время от времени устраивались коллективные конно-спортивные состязания с козлодранием (байга). Неподалеку находилось лобное место, носившее название «дор» или «джалод-хана», где начали производить казни людей, приговоренных к повешению, после того, как была упразднена постоянная виселица на площади джиляу-хана против урды.

Процесс постепенного превращения обнесенной городской стеной территории каршинского кургана в место обитания преимущественно привилегированных семей служилого сословия и байства, с одной стороны, приводил к постепенному вытеснению ранее проживавших тут ремесленников, а с другой — способствовал росту рынков в прилежащих к нему частях калы. По существу, базары подступали к кургану со всех сторон, причем торговые лавки и мастерские располагались в первую очередь вдоль последних отрезков улиц, подводивших к упоминавшимся четырем городским воротам. Но наиболее обширную площадь занимали они к востоку, к югу и отчасти к западу от «аристократического» старого города с урдой. Именно здесь сформировалась к началу XX в. новая производственно-торговая часть Каршей, где проживала основная масса населения.

Если бы подъезжать в то время к городу с юга по главной дороге из Керков, то уже километра за три до кургана начиналась сплошная полоса садов, виноградников и дач каршинской знати, располагавшихся по обе стороны прямой улицы, которая имела до 40 м ширины. От нее отходили семь поперечных улочек-переулков влево и восемь таковых же вправо, когда наконец уже неподалеку от кургана при повороте направо начинался главный огромный базар. Он назывался Юкары-базар (т. е. «Верхний базар») и тянулся, изгибаясь, к северо-востоку на полтора километра. Из кургана на него попадали через ворота Тутак и Ильчи-хана. На нем были и крытые ряды-раста, и пассажи-тимы с лавками купцов-оптовиков, и сотня лавчонск мелких торговцев, в том числе самих производителей-ремесленников, а также харчевни-ошханы и многочисленные чайханы. Почти при каждой из последних в качестве приманки для посетителей содержались смазливые мальчики в шелковых халатиках, с подведенными бровями, подвесными косами,

браслетами и погремушками на ногах. Кое-где располагались караван-сарай и мечети. Обширный, многолюдный, шумный, бойкий и грязный Юкары-базар, постоянно функционировавший, но становившийся особенно оживленным в два еженедельных базарных дня, не отличался большим благоустройством. Тем не менее торговля определенного вида товаром концентрировалась на специально отведенных местах и в особых торговых рядах для каждого.

Такие рынки, как лесной, саманный или скотный, для которых требовались значительные свободные от застройки площади, находились на окраинах Юкары-базара и в довольно большом удалении от кургана и урды. Изолированно друг от друга располагались территории, где производилась торговля лошадьми (асп-базар), верблюдами (тюя-базар), ослиами (ишак-базар), где продавались также крупные ослы особой великолепной каршинской породы и мулы, разведением которых Кешская область славилась еще в X в., баранами (кайбазар, где, кроме обычных среднеазиатских курдючных овец, можно было приобрести бескурдючных, хвостатых, мелкого роста, с хорошей шерстью, так называемой арабской породы и каракулевых, разведением которых в каршинском районе усиленно стали заниматься с конца XIX столетия). Особенное оживление наблюдалось на всех этих базарах в конце осени — в начале зимы, хотя в скотине и в другое время никогда недостатка не ощущалось. Ежедневный убой ее был довольно значительным, и вполне обеспечивал свыше сотни лавок мясного базара, из которых более половины торговало козлятиной. По количеству, второе место занимали мясники, продававшие баранину. На говядине специализировались пять-шесть лавочников, а отпуском верблюжатины занимались два-три мясника. Торговля на мясном рынке начиналась с раннего утра и прекращалась около полудня, к моменту призыва на намаз пешин.

Соседство Каршей с кочевниками и скотоводами, в частности с туркменами приамударьинской полосы, способствовало тому, что одними из главных предметов торговли на экспорт, в том числе за пределы Российской империи, являлись каракуль, кишки и кожи. В их скупке видную роль играли тогда оперировавшие тут специальные агенты русских и заграничных фирм. Особый ажиотаж царил в купле-продаже каракулевых шкурок, десяток которых в среднем стоил на месте не менее 40 рублей золотом, не считая полутора рублей зякетного сбора, уплачивавшегося в пользу эмировской казны. Экспортировалось преимущественно кожевенное сырье, хотя местные шорники из гузара Чаримгар неплохо вырабатывали различные сорта кож бараньих («чарим», «меш»), козлиных («кайроки» или «бузи»), воловьих («булгор»), а из гузара Бузургравот — еще и окрашивавшийся в зеленый цвет сорт «камухт» из ослиных шкур. Выделку сорта «булгор» каршинские шорники заимствовали в XIX в. у мастеров Самарканда, но выпускали у себя кожи, окрашенные только в красный и черный цвет. Сапожное ремесло имело лишь узко местное значение.

Одним из самых крупных по протяжению своих лавок (свыше полукилометра) и по размерам торгового оборота был базар, где продавались шерсть и шерстяные изделия. Здесь продавались арканы, большие мешки, кошмы, подпруги, попоны, хурджумы, паласы, ковры и др. Среди их поставщиков были узбеки, туркмены и арабы. Последними вырабатывались своеобразные ковровые изделия в Камаше и в некоторых других селениях. Между прочим, были специальные лавки, где торговали исключительно длинными ковровыми паласами «бау», служившими для придания прочного крепления остову юрты и плотного облепания его кошёмным покрытием.

Тесные связи со степью вызывали в Каршах изготовление самих деревянных остовов юрт и широкую продажу их отдельных деревянных элементов в виде раздвижных решетчатых кереге, подвижных изогнутых палок ук, наверхий-тундюк и дверей. Преуспевавшие каршинские плотники и столяры, не столь искусные как их собратья по ремеслу в Самарканде, Уратюбе, Ходженте, приспособились также к массовому изготовлению для кочевников специальных «нон-сандук» с выдвигной передней стенкой, служивших для хранения хлеба. Хотя красивые лошадиные седла для верховой езды на рынке встречались редко, но зато на базаре много выделялось и тут же продавалось вьючных.

Поскольку плодородная долина Кашкадарьи была подлинной житницей Бухарского эмирата, являясь для него самым богатым зерноводческим районом, продукты полеводства, а также садоводства и огородничества играли на рынках и в экономике ее главного города исключительно крупную роль. Первое место занимала по значимости пшеница. Несмотря на высокое обложение ее податью в размере одной пятой урожая, торговля зерном процветала. Крупных размеров пшеничный базар располагался рядом с шерстяным. Сюда зерно стекалось не только со всей долины Кашкадарьи и предгорной полосы. Часто за товарным хлебом купцы из Карши выезжали в соседние районы, в том числе в Денау и разные пункты Гиссарского вилайета. С каршинского же базара пшеница шла почти непрерывными караванами в Бухару. Большое местное значение имели ячмень, лен (из которого изготавливали льняное масло), рис и хлопок. Базары двух последних находились несколько в стороне от пшеничного, рядом с лошадиным. Расширять площади под посевами хлопчатника начали лишь с конца XIX в., а до того он шел только на внутреннее потребление, в основном для кустарного изготовления бязи и других бумажных материй. Важной отраслью являлось табаководство. Местный кальянный табак для курения считался лучшим в Бухарском ханстве, и его в листьях под названием «белый» («ак-томаки») вывозили в Хиву и во все области Туркестанского генерал-губернаторства. Расходился он по всему эмирату и в виде порошка для жевания. Охотно занимались каршинцы разведением мака, семенные головки которого употреблялись на изготовление кукнара, самого распространенно-

го тогда из наркотиков в Средней Азии. В части садовых культур особых успехов достигли местные жители в виноградарстве. На весь Туркестан славился знаменитый каршинский виноград, ягоды которого достигали размеров самых крупных грецких орехов. Торговля кишмишом приносила хороший доход, хотя налог на виноградник был довольно высок и достигал 20 тенег (4 рубля золотом) с танапа (или примерно 24 руб. с одного гектара).

В окрестных каршинских садах произрастало очень много тутовых деревьев, дававших превосходные сладкие ягоды. Несмотря на то, что обилие этих деревьев обеспечивало хорошую листовую кормовую базу для разведения шелковичных червей, шелководство в Каршах на грани XIX—XX вв. было развито слабо. На базаре шелк в мотках продавался в ограниченном количестве. Немного коконов и шелка отправлялось в Бухару, где каршинские шелковые ткани не выдерживали конкуренции с тамошними. Характерно, что на каршинском базаре всегда много продавалось привозных высококачественных шелковых материй из Бухары, Самарканда, Шахрисабза и отчасти поступавших через Гисар из горных областей восточных владений Бухарского ханства. И это при наличии широкого развития в долине Кашкадарьи вообще кустарного производства тканей.

В Каршах и ближайших селениях в начале XX столетия одновременно работало несколько тысяч ручных ткацких станков. В подавляющем большинстве случаев производителями тканей являлись кустари-одиночки, но имелось уже некоторое количество предприятий небольших размеров, общей постановкой дела отражавших начальную стадию концентрации производства в процессе перехода к мануфактуре. Самое крупное из них, принадлежавшее уроженцу кишлака Лягман, некоему Мулло Охуну (которому народ дал прозвище «Охун-алача»), стремилось держать в своих руках не только самое ткачество, но и производство пряжи. Оно специализировалось в основном на выделке шелковой и полшелковой алача. В доме владельца находилась одна шелкомотальня, а в четырех помещениях стояло до 40 ткацких станков. Тут работало на хозяйских харчах несколько десятков наемных мастеров и их учеников. Кроме того, в окрестных кишлаках Мулло Охун содержал около двух десятков мастеров-надомников, ткавших хозяйству бумажные материи. Мануфактурные ряды каршинского базара включали массу лавок. В одних отдельно продавались разных сортов привозные ткани, в основном русских фабрик, и больше всего ситцев, в других — местные. Среди последних большинство торговало бумажными тканями, главным образом матой. Выработкой адраса занимались жители гузара Махсумвот, где сосредоточена была также размотка коконов тутового шелкопряда. Чалмы (пута) изготовлялись обитателями гузара Загза. Проживавшие в Юкары — Загза ходжа специализировались на изготовлении алача, составлявшей специфический вид продукции каршинских тка-

чей на протяжении последних столетий. Эта ткань, орнаментированная разноцветными полосами, внешне очень нарядная, жесткая из-за сильной проклейки, обладавшая одним отрицательным свойством легко воспламеняться от огня, принадлежала к числу самых дорогих местных материй. Ее покупали наиболее зажиточные горожане и приезжавшие в Карши из степи крупные скотоводы. Лучшие сорта алача пользовались спросом в соседних южных районах, почему их вывозили между прочим в Гисар, Байсун, Сары-Асия и другие пункты.

На общем фоне разнообразных мелочных лавок выделялись особым колоритом те несколько дуканов с пристенными шкафчиками, где производилась продажа лекарственных снадобий. Тут особенно наглядно проявлялось, насколько в массе народа сильны были унаследованные от дедов и отцов пережитки феодального времени, застывшие при этом на уровне поры культурного упадка XVIII в. Владельцами и одновременно продавцами-лекарями были полуневежественные, но проникнутые торжественной важностью табибы, кое-что унаследовавшие от средневековой арабской медицины. Среди них были выходцы из Афганистана и других сопредельных восточных стран, как иностранцы, пользовавшиеся у пациентов особым авторитетом. Кроме изготовлявшихся ими самими мазей, порошков и микстур, для тароватых клиентов они держали всегда некоторое количество лекарств, доставленных из Кабула, Индии и Персии. Но в наличествовавшем у них ассортименте совершенно не было медикаментов европейской фармакологии, хотя их нетрудно было бы достать в любом из соседних городов Туркестанского края и даже в самой столице ханства, где в это время уже имелась единственная на территории Бухарского эмирата русская аптека. В широком употреблении у табибов-лавочников была ртуть, привозившаяся опять же с Востока и хранившаяся в маленьких кожаных туго затягивавшихся мешочках, которые помещались в особой формы глиняных баночках, покрытых изнутри глазурью.

Большим спросом для потребления на месте и на вывоз пользовалась каменная горная соль, особенно розового цвета. Она кое-где даже именовалась «каршинской». В районах верхнего течения Зарафшана ее называли по-старинке «кешской» («намаки Кеш»), а в более северных частях Туркестанского края — «самаркандской», поскольку она в больших количествах вывозилась с рынка Самарканда в Ташкент и другие более отдаленные места. В горах близ Каршей и в более южных районах несколько местонахождений каменной соли были известны с глубокой древности и считались в XIX в. собственностью казны. В связи с этим бухарская администрация, разрешая ее добычу всем подданным эмира, в некоторые годы брала за это в виде налога по одной геньге с верблюжьего вьюка. Из прочих минеральных ископаемых в районе Каршей на ряде средневековых городищ, в том числе Несефа, Каспи, Бездава, производилась добыча селитры, которая шла на изго-

товление пороха для бухарских войск и, поступая в казну, в основной массе миновала частный рынок.

На каршинском базаре были также ряды кузнецов, слесарей, токарей, гончаров, портных, торговцев головными уборами, денежных менял и представителей многих других профессий, обычных для всех среднеазиатских городов. В посудных лавках, кроме керамических глазурованных и неполивных изделий неплохих местных умельцев-кулялей, продавались разнообразные фаянсовые предметы из России, преимущественно чайники и пиалы. Путешественники отмечали также довольно значительное количество на базаре и в обиходе китайских фарфоровых маленьких пиал, более крупных чашек-коса и блюд. К XX в. в Карши не оставалось уже оружейных мастерских, ранее изготовлявших сабельные клинки, уступавшие по качеству гисарским. Зато ножовщики преуспевали. Часть их продукции, особенно красивые ножи с рукоятками, выложенными золотом и серебром, служила даже предметами вывоза. В ювелирных лавках-мастерских, кроме своих каршинских заршаров, работали еще приезжие индусы и даже местные цыгане. Здесь изготовлялись главным образом красивые женские украшения и футляры для тумаров, из серебра, меди, реже — золота со вставкой различных самоцветов, а также драгоценных камней. Нередко ювелирам приходилось украшать серебром, бирюзой и сердоликами конскую сбрую, особенно уздечки.

Среди продавцов пищевых продуктов наибольшей популярностью, даже за пределами своего города, пользовались каршинские изготовители сладостей хальвагар. Помимо сахара, они, как и их средневековые предшественники, широко применяли сладковатый туранджбин, собиравшийся ими в весеннее время по утрам с кустиков «верблюжьей колючки». В числе их продукции были, между прочим, делавшиеся по каршинским рецептам такие сорта сладостей, как баглоба, кандалат, данашурап. Особенно же они славились изготовлявшимися из сахара или туранджбина, сала и фисташкового теста конфетами, которым придавали форму и окраску груш, яблок, абрикосов, персиков, винных ягод. Заслуживают быть упомянутыми также изготовители прохладительных напитков, в том числе «сахарной воды», настоянной на ароматных стружках арчи. Лавочки и подвижные лотки представителей двух последних профессий, равно как чайханы и ошханы, встречались повсеместно, хотя у хальвагаров на обширном Юкары-базаре был и специальный ряд.

Значительно меньших размеров, но также постоянно действующим был Кую-базар (т. е. «нижний базар») у Хиабана, являвшийся, по существу, непосредственным продолжением торговых рядов Таги-раста внутри кургана, хотя их и разделяли северо-западные городские ворота. В этом районе насчитывалось пять караван-сараяв. К востоку от ворот на раста наиболее примечательными были лавки медников-мисгаров, среди которых встречались искусные мастера. Наряду с Кокандом, Бухарой, в меньшей степени Ша-

хрисабзом, Карши считались одним из центров Средней Азии по выделке художественной посуды из желтой меди. Сам этот металл привозился из России. Каршинские медно-чеканные изделия с серебряной насечкой, украшавшиеся иногда вставками бирюзы, хрустальными квази-аметистами, то подлинными, а чаще для удешевления поддельными рубинами или сапфирами, служили предметами торговли на вывоз в другие города Бухарского ханства или Туркестана. Вдоль Хнабана располагались лавки-мастерские арбакешей и торговый ряд кожевников. Последние проживали в тут же находившемся гузаре или кишлаке Чаримгар, который разросся к описываемому времени настолько, что имел четыре квартальные мечети, т. е. состоял из четырех приходов. Кроме торговли кожевными товарами, тут производилась также продажа клея, выработка которого (Иилемгарлик) была тесно связана с использовавшимся чаримгарами сырьем. Помимо указанных главных видов производства и торговли, на Кую-базаре имелись лавки с другими товарами, в частности продовольственные, обслуживавшие повседневные потребности населения прилежащего района калы, несколько удаленного от рынков Юкары-базара.

Хотя развитая базарная торговля во многом способствовала тому, что при прочих благоприятных природных и географических факторах Каршинский район являлся самым доходным в Бухарском ханстве, тем не менее эмират с его примитивным пониманием государственных задач и узостью проводившейся им хозяйственной политики мало что делал, чтобы создать максимально благоприятные условия для развития города как торгового центра. Показательно, что почти на протяжении всего XIX в. проходившие через долину Кашкадарьи караваны из Афганистана и Индии не только не растюковывались в Каршах для продажи своих товаров, но в соответствии с действовавшими распоряжениями по ханству, минуя этот город, направлялись прямо в Бухару. Только после производства там осмотра и уплаты полагавшейся суммы зякетного сбора некоторые товары (в частности, чай) вновь привозились в Карши. Здесь они продавались дороже, чем в столице ханства, в связи с дополнительными путевыми расходами. Тем не менее благодаря непрерывно усиливавшемуся товарообороту между Бухарским ханством и Россией, к началу XX столетия Карши в сложившейся политической и экономической ситуации заметно опередили Шахрисабз, хотя важный в торговом отношении Термезский тракт был открыт только 1 января 1902 г. Задуманная же еще в 1892 г. железная дорога от Кагана до Термеза после выдачи эмиром в 1913 г. разрешения на ее постройку инженеру Ковалевскому, получила осуществление лишь в 1916 г., когда, однако, не была еще проведена ветка от Каршей в сторону Гузара, Шахрисабза и Китаба. Указанные мероприятия подняли в свое время коммерческое значение Каршей даже в ущерб Самарканду. Тем не менее характерно, что вплоть до 1917 г. некоторые местные купцы находили выгодным переезжать с осени в Керки и Патта-кесар, где

благодаря разросшимся русским поселениям был значительно оживленнее рыночный спрос, а с весны возвращаться в Карши, поскольку жизнь там была много дешевле. Вместе с тем в последние годы существования царской России со стороны русской буржуазии была сделана попытка захватить ряд земель в Каршинском районе под видом концессии для создания здесь собственной хлопковой базы. Несмотря на то, что эмир старался всячески противодействовать этому, тем не менее под давлением со стороны военного министерства и даже самого государя, он вынужден был заключить с князем Андронниковым договор на орошение 80 000 гектаров в Каршинской степи. Практически это последствием не получило из-за падения в скором времени самого царского режима.

Что касается населения, то в Каршинской области на границе XIX—XX вв. преобладали узбеки разных племен и родов, в основном потомки появившихся здесь в XVI в. Среди них самыми многочисленными продолжали оставаться мангыты, представлявшие собой наиболее привилегированный круг, поскольку из него были все члены последней династии бухарских эмиров. Следующими по численности являлись кунграды, проживавшие преимущественно между Каршами и Шахрисабзом, и каучины, обитавшие в окрестностях Карши. Среди горожан основную массу составляли узбеки, европеоидный тип которых явно указывал на то, что они принадлежат к местному древнему, некогда ираноязычному населению. Вместе с тем названия городских ворот, бывших гузаров и многих прилежащих махалля явно свидетельствовали, что в истории формирования города после кризиса XVIII столетия заметную роль сыграли таджики. Во всяком случае в отношении налогов и поставки людей в войско жители Каршей уже в начале XIX в. относились ханской администрацией к особой внеэтнической группе. Иранцы, афганцы, индусы, арабы и евреи были представлены немногими семьями.

Характерные для поведения жителей кургана Карши чинность, степенность, медлительность в движениях для поддержания своего достоинства, отсутствие громких разговоров и толпы определялись стилем жизни обитателей урды и тоном, который задавало в «аристократической» части старого города служилое сословие и именитые горожане.

В этом отношении полную противоположность являли территории нового базара, вне бывшей калы и разраставшихся пригородов с их торговцами, ремесленниками и беднотой. Одну из особенностей основной массы здешнего населения составляло то, что она делилась на две территориальные группы, обозначавшиеся термином эль (буквально — «народ», «племя»). Обе носили названия по двум рядам, расположенным к северо-западу от кургана, гузарам, населенным кожевниками и возможно издавна сталкивавшимся на почве рыночной конкуренции. Один эль именовался Чаримгар, другой, находившийся южнее — Бузург-равот (или рабат). В состав обоих входили жители еще двух-трех гузаров и нескольких

пригородных кишлаков. Старшина каждого эля титуловался «бо-бо». Исконное традиционное соперничество, переходившее из поколения в поколение, находило выражение в происходивших время от времени боях-драках, называвшихся «дук». Стоя друг против друга, стороны начинали такой дук пинками ног, после чего переходили на кулачный бой. Если ни один эль не признавал после этого себя побежденным, брались за палки и продолжали избивание друг друга до тех пор, пока одна из сторон не отступала и не обращалась в бегство.

Смешанный этнический состав, тесные торговые связи со степняками, иногда иноплеменниками, постоянный приток иноземцев из сопредельных восточных стран, подчас иноверцев, удаленность от фанатичной Бухары — все вместе взятое наложило на каршинцев особый отпечаток. Не касаясь присылавшихся из столицы эмирата представителей служилого сословия при беках, его челяди и прихлебателей, путешественники прошлого столетия отмечали отсутствие в народе враждебной нетерпимости к неверным-кяфирам. А. Вамбери, посетившему Карши, как отмечалось выше, в 1863 г., бросились в глаза веселость, некоторая беспечность, общительность, даже светскость определенной более или менее обеспеченной группы коренных каршинцев, за какие качества их считали тогда ширазцами Бухарского ханства. Вызывали симпатии умеренность в жизненных потребностях при наличии далеко не безразличного отношения к царившему кругом произволу и угнетению со стороны членов административного аппарата эмирата. Не прошло бесследно мимо каршинцев крестьянское восстание конца 80-х годов XIX в., когда, даже после заточения возглавлявшего его Восе в Гисарской крепости, положение продолжало оставаться настолько напряженным, что в Карши летом 1888 г. прибыл сам эмир, чтобы отсюда руководить карательными действиями своих войск в разных районах Восточной Бухары. Отсюда в ту пору и позднее неоднократно поступали к туркестанскому генерал-губернатору обращения местных жителей с просьбой спасти их любым способом от произвола эмира. Под влиянием революции 1905 г. враждебное отношение к эмирату бухарскому в Каршах стало особенно заметным. Это находило выражение в открытом высмеивании бухарских солдат, в третировании присылавшихся из Бухары чиновников, в полном отсутствии уважения к назначавшимся из столицы бекам, в сочувственном отношении к слухам о возможном восстании в Шахрисабзе, осуществление которого сдерживалось в значительной мере боязнью вмешательства в его подавление царских войск. Таковы были настроения в Каршах в последние годы существования Бухарского ханства.

Сейчас трудно установить подлинное число жителей Карши, хотя бы за XIX столетие. Количество соответствующих сведений очень невелико. Для 1832 г. А. Борнс, по словам которого город тянулся тогда на протяжении только 16 км, сообщил, что он имел около 10 000 жителей. Побывавший в ней в 1863 г. А. Вамбери

привел цифру в 25 000. В 80-х годах бухарские власти определяли количество жителей Чарджуя в 30 000 человек и говорили, что эта цифра превышает население тогдашних Каршей. Для начала 90-х годов имеются указания, что количество населения Каршей достигает не менее 40 или 50 тысяч человек. И. И. Гейер, посетивший этот город в конце того же столетия, писал, что жителей в нем около 60 000.

Чтобы критически отнестись к использованию приведенных, очень округленных и несомненно не абсолютно точных цифр, необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, в Бухарском ханстве за время правления династии мангытов никаких переписей населения не проводилось. Во-вторых, при существовавшей системе управления государством с «кормлением» беков и их чиновнического аппарата за счет налоговых сборов администрация вилайетов отнюдь не была заинтересована в установлении подлинного числа налогоплательщиков, и, наоборот, ей было выгодно занижать его при официальных сношениях с Бухарой, чтобы утаивать в свою пользу возможно большую сумму сверх утвержденного процентного отчисления с общей годовой подати. В-третьих, почерпнутые из литературных источников цифры населения Каршей зафиксированы бывшими в разное время в этом городе путешественниками, офицерами и представителями так называвшегося «военно-народного управления» Туркестанского края со слов опрашиваемых ими лиц местной бухарской администрации, не в интересах которых было сообщать особенно завышенные цифры. Последние, очевидно, как-то проверялись авторами путем перекрестных опросов и проекцией на личные впечатления. В-четвертых, редко кто из последних указывает размеры территорий, охватываемых границами городской черты, отнюдь не остававшихся неизменными за весь XIX в. В-пятых, в сообщавшихся бухарскими чиновниками данных о количестве населения Каршей опускались сведения о размерах постоянного гарнизона, а тем более временно находившихся в городе войск, тогда как они выражались порой довольно значительными цифрами. В гарнизоне Каршей временами числилось до нескольких тысяч человек. Когда же эмиры покидали Бухару, чтобы провести жаркое время в Каршах, туда с ними прибывало до 10 000 солдат разных родов оружия, включая артиллерию.

Старая часть города в пределах кургана, как отмечалось выше, занимала площадь около 40 гектаров. Наибольший поперечник калы имел от 3 до 3,5 версты, а окружность ее стены, в 1842 г., по свидетельству Н. В. Ханыкова, достигала 8—9 верст. Следовательно, уже в то время, когда территория Каршей более или менее четко определялась в пределах опоясавшего ее кольца внешней стены, площадь города в целом была почти в 25 раз больше кургана и занимала примерно около 8 квадратных километров. Позднее в процессе роста города его условные границы, устанавливавшиеся в фискальных интересах, далеко вышли за пределы пространства когда-то обведенного стеной калы. Хотя нет пока точных

данных, где именно проходила городская черта на грани XIX—XX вв., но заслуживает внимания факт, что в состав эля Бузург-равот входило пригородное селение Шуллюк, находившееся в 8 км к северо-западу от центра тогдашнего Карши.

Исходя из сказанного, нет надобности вступать в полемику с упомянутыми авторами прошлого столетия по поводу сообщенных ими цифр населения Каршей, а нужно принимать их как весьма наглядное свидетельство о неуклонном и довольно быстром росте

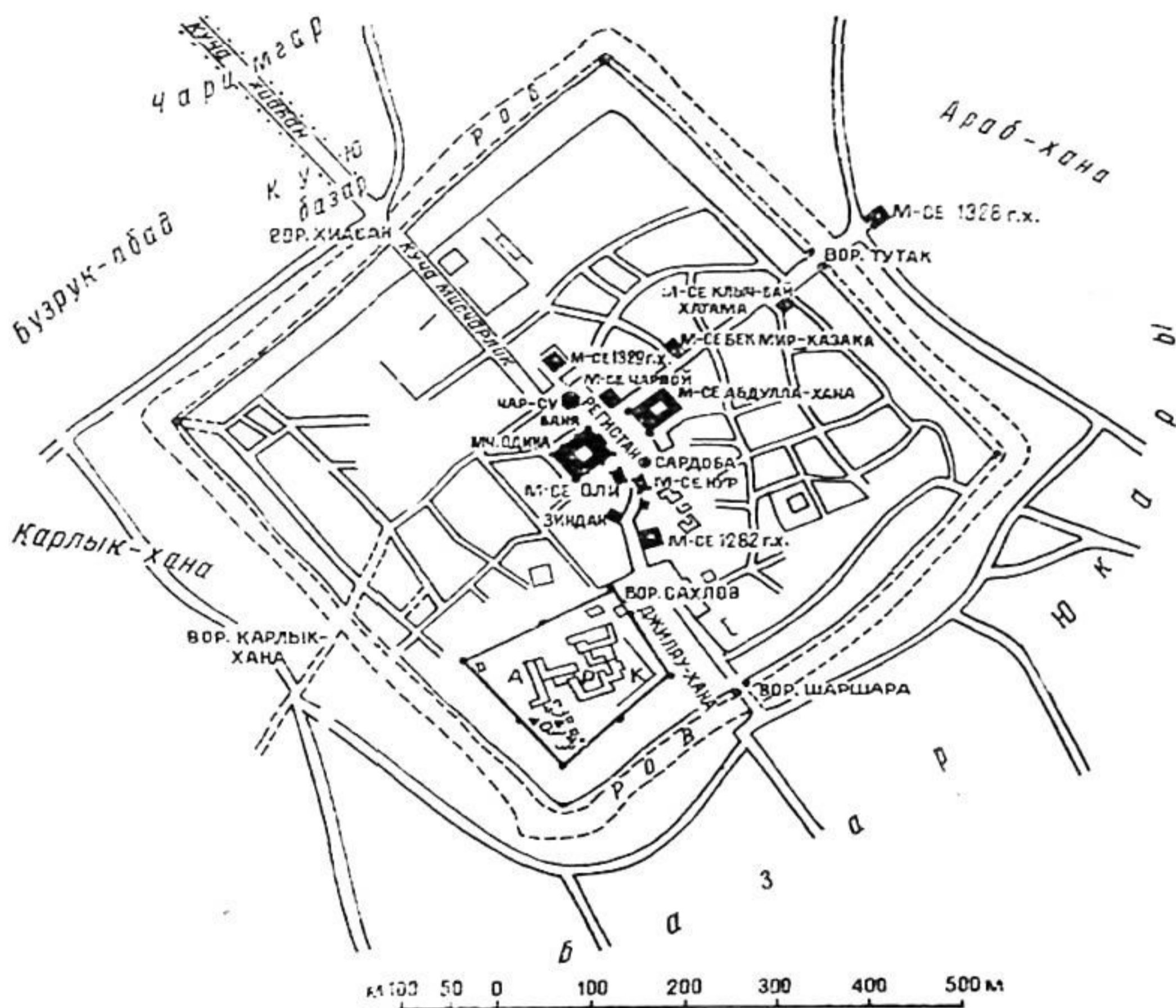

Рис. 13. План Карши-кургана конца XIX — начала XX в. (составил М. Е. Массон в 1966 г.).

этого города на последнем этапе его истории, до вхождения в состав Советского государства, не в пример прочим городам Бухарского ханства. Всякие же попытки уточнить количество населения для указанной поры обречены на неудачу, так как неизвестно, где проходила подвергавшаяся время от времени изменениям городская черта, в пределах которой с населения взимались налоги по повышенной норме, как с горожан, а не сельских жителей.

Теперешние Карши, пережившие вслед за падением эмирата в период басмачества определенный застой в своем развитии и некоторый упадок, когда до 1925 г. даже не действовала железная дорога, после того намного уже опередили во всех отношениях город времени конца Бухарского ханства. В смысле топографическом наметилась вполне обоснованная тенденция наиболее интенсивного роста социалистического города в основном в южном направлении в сторону железнодорожного вокзала, где некогда была мощная резиденция правителей Нахшебской области в последнюю эпоху до арабского завоевания Средней Азии.

У новых Каршей интересное прошлое и прекрасное будущее.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831, 1832 и 1833 годах, ч. II, М., 1848, стр. 370—374.
- Ханыков Н. (В). Описание Бухарского ханства. Спб., 1843, стр. 108—109.
- Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1865, стр. 113—114.
- Петровский Н. Моя поездка в Бухару. Путевые наблюдения и заметки. «Вестник Европы», 1873, мартовская книжка, стр. 223—231.
- Маев Н. (А.). Очерки Бухарского ханства. «Ежегодник для статистики Туркестанского края», в. V. Спб., 1879, стр. 109—111.
- Маев Н. (А.). Город Карши. «Туркестанские ведомости», 1879, № 24 и № 25.
- Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. I, Спб., 1882, стр. 54—56.
- Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. Спб., 1887, стр. 219—237.
- Литвинов Б. (Н.). В степях и предгорьях Бухары. «Братская помощь». Иллюстрированный военно-общественный исторический журнал, 1908, декабрьская книжка, стр. 81—89.
- Гейер И. И. Туркестан. Ташкент, 1909, стр. 208—211.
- Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. Спб., 1913, стр. 563—589.
- Литвинов Б. (Н.). Карши, «Туркестанские ведомости», 1910, № 114—116.
- Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. М., 1916, стр. 4, 76, 125—129.
- Зимин Л. А. Нахшеб. Несеф, Карши. Их история и древности... В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, стр. 197—214.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 90—91.
- Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. Известия Среднеазиатского отдела государственного русского географического общества. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 9—26.
- Кабанов С. К. К вопросу о стоянке кидаритов. ВДИ, 1953, № 2, стр. 201—207.
- Кабанов С. К. Нахшеб в III—VIII веках в свете археологических данных. Автореферат диссертации. Ташкент, 1953, стр. 1—16.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Сочинения, т. I, М., 1953. О Несефе, стр. 81, 136, 139, 197, 257, 258, 303, 324, 382, 400, 494, 543.
- Сухарева О. А. Карши. К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 109—127.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Наутака — главный город одноименной области античного времени в низовьях Кашкадарьи	5
Столичные города в области низовьев Кашкадарьи в пору раннего средневековья и развитого феодализма до монгольского нашествия	20
Карши	49

Утверждено Ученым Советом Ташкентского государственного университета
им. В. И. Ленина

Михаил Евгеньевич
МАССОН

СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА В ОБЛАСТИ НИЗОВЬЕВ КАШКАДАРЬИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Редактор *А. А. Шпак*
Художник *В. Ф. Ворохов*
Технический редактор *А. Т. Шепельков*
Корректор *Н. В. Хазова*

P-08469. Сдано в набор 21/V-73 г. Подписано в печать 28/IX-73 г. Формат $60 \times 90^{1/16} = 3.125$ бум.—
6,25 печ. л. Изд. л. 6,5. Изд. № 893. Бумага типографская № 1. Тираж 500 экз. Цена 65 к. Зак. 456.

Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР
и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск,
Ленинский проспект, 68.

Адрес издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

65 к.